



Владимир Войновский

У НАС ВСЁ ХОРОШО

рассказы

Владимир Войновский

У нас всё хорошо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70272352

SelfPub; 2024

Аннотация

Рассказы «У нас всё хорошо» объединены повествованием весёлых семейных историй Варлаама с Соней и их детей Ксюши с Иваном. Совместный отдых и работа, воспитание и обучение, взаимоотношения с бабушками и дедушками, дружные и увлекательные проделки с домашними питомцами и лесными пернатыми. Период описываемых событий наше время, где-то на территории Воронежской области.

Содержание

| | |
|-------------------|-----|
| Крокодил | 7 |
| Санаторий | 13 |
| Хрен | 20 |
| Слова плохие | 23 |
| Купель | 29 |
| Каток | 33 |
| Ремень | 36 |
| Петюня | 40 |
| Длинный вечер | 56 |
| Зелье | 61 |
| Модели | 65 |
| Всё тайное... | 69 |
| Раз, два... | 73 |
| Штабик | 78 |
| Мисочки-тарелочки | 84 |
| Ондатра | 89 |
| Кораблик | 94 |
| Шашки | 99 |
| Шахматы | 105 |
| Парашют | 110 |
| Третий зуб | 115 |
| Пост | 120 |
| Чарлик | 124 |

| | |
|---------------------|-----|
| Хрюшки | 128 |
| Рыбалка | 134 |
| Василий | 139 |
| Любимчик | 150 |
| От любимчика... | 155 |
| Карандаш | 161 |
| Кеша | 166 |
| Носки | 175 |
| Медуза | 178 |
| Похудели вместе | 182 |
| Ты это, заходи... | 187 |
| Ужасно вкусный суп! | 193 |
| Папа сказал! | 197 |
| Грибочек | 203 |
| Соня против | 209 |
| Гимнаст | 213 |
| Ты не приходи... | 217 |
| Временно забытые | 221 |
| Аквариум | 226 |
| Курочки-дурочки | 233 |
| Дырчик | 238 |
| МРТ | 244 |
| Вещь | 248 |
| Муха | 253 |
| Лыжня | 259 |
| Импровизатор | 265 |

| | |
|------------------------|-----|
| Зять | 273 |
| Много лет спустя... | 279 |
| Акция | 285 |
| Знакомство | 289 |
| Космос | 294 |
| Балет | 303 |
| Пакет | 309 |
| Недоразумение | 313 |
| Ниточки-Иголки | 317 |
| Дутьши | 321 |
| Уно | 325 |
| Ангел на крыше | 328 |
| Алиса | 334 |
| Вовка | 339 |
| Разговор | 346 |
| Чёрный плащ | 350 |
| Бывает и такое... | 356 |
| Домашние питомцы | 361 |
| Гуси и ружьё | 366 |
| Пирожки | 372 |
| Табор | 377 |
| Старики-разбойники | 384 |
| Топор | 388 |
| Одностороннее движение | 393 |
| Пирог | 399 |
| Оказии | 404 |

| | |
|-------------|-----|
| Ошибка | 410 |
| Биатлон | 416 |
| Традиция | 421 |
| Колёсики | 428 |
| Невкусно | 433 |
| Робот | 437 |
| Родня | 441 |
| Посиделки | 463 |
| Водосчётчик | 469 |
| Специалисты | 475 |
| Мошкара | 479 |
| Он вернулся | 485 |

Владимир Войновский

У нас всё хорошо

Крокодил

Здравствуйте! Разрешите нам представиться. Моё имя – Варлаам, рядом со мной жена – Соня, и наша двухлетняя дочь – Ксения. Мы живём в живописном селе Центрально-Чернозёмного района нашей Родины. На дворе конец сентября, и наступающие выходные мы решили провести в областном зоосаде.

На момент нашего с вами знакомства он ещё не имеет статуса зоопарка, но в нём уже более ста животных и птиц. А первыми обитателями были экзотические рыбки и рептилии. Потом появился нильский крокодил, и зоосад начал разрастаться.

Сегодня это настоящий зоопарк с несколькими павильонами, открытыми и закрытыми площадками. Всей прелести этого места для отдыха, особенно с детьми, не передать в нескольких словах. Но это будет потом, а сейчас...

К электричке на семь тридцать утра в райцентр нас подвез на своём «Москвиче» дедушка Иосиф. Попрощавшись с внучкой на привокзальной площади и пообещав нас встре-

тить, он уехал, а мы, купив билеты, вышли на платформу.

Утреннее солнышко слепило глаза. Лёгкий ветерок гонял редкую листву по перрону. Желающих ехать было немного.

Мы вошли в подошедшую электричку, заняли свободную лавку и в предвкушении прекрасного дня отправились на встречу со зверушками. Внутри вагона было тепло, поэтому мы сняли верхнюю одежду и уговорили дочку расстаться на время с шапочкой и курточкой красного цвета. Новинки были подарены бабушками любимой внучке ещё летом в день её рождения. Оставшись в брючном костюме, ребёнок ходил мимо лавок, разглядывая и здороваясь с попутчиками.

– Драстуте! – говорила Ксения.

– Здравствуй, малышка! Как тебя зовут?

– Ксю! – представлялась дочка.

– Какая девочка! Какая хорошенькая!

– Пасиба! – отвечала принцесса.

За полтора часа в дороге наша малышка познакомилась со всеми пассажирами, узнала, как зовут контролёра, которая периодически проходила мимо нас и помогала ей продавать билеты вновь входящих граждан.

– Ксюшенька, иди ко мне! Мы уже подъезжаем! – позвала Сонечка.

Городской автобус от «Машмета» быстро довёз нас до нужной остановки. Взяв дочку за ручки, мы весело зашагали в парк.

– Куда пойдём в первую очередь? – спросила Соня у прин-

цессы, когда мы приобрели билеты.

– Манки! – чётко скомандовала дочь.

И ничего странного?! Это слово она выучила вместе с дедушкой Абрамычем, которого дочка называет «Абамыч». Они много учат новых и интересных слов. Но иногда Ксюшенька нет-нет, а выдавала дедушкину тираду: «тити ваши мами». Ага! Кому смешно, а кому сквозь землю желание провалиться. Воспитываем, конечно, объясняем. Однако деда же не выбросишь с его присказкой: «тудыть вашу».

Насмеявшись в гостях у обезьянок, мы пошли к птичкам. Дочка от попугайчиков была на седьмом небе. Она и смеялась, и кричала, и разговаривала с теми, кто подлетал к её ручке, в которой она держала кусочек булочки.

У клетки с медведем ребёнок только сказал: «О!», – и стоял, замороженно смотря на этого великана. Ничего не говоря, опустив ручки в карманы курточки, девочка пошла дальше. Остановившись у вольера с осликом:

– Дай! – протянула ручку.

Соня передала почищенную морковку, взятую из дома.

– На! – морковка оказалась у носа животного.

Секундная пауза. Ослик чуть придвинулся и откусил небольшой кусочек, пережёвывая который, смотрел, не отрывая взгляда от маленькой девочки. Второй раз откусить не получилось, так как Ксения сделала шаг назад.

– Ты чего отошла? Иа так не достанет до морковки.

– На! – принцесса передала овощ маме. – Коми Иа!

– Сё! – выдохнула малышка. – Домой!

– Как домой? – я всплеснул руками. – А крокодил?

Ксюша посмотрела на меня уставшим взглядом, ещё раз выдохнула:

– Сочно. Идём! – и побежала вперёд.

– Доча, нам туда, – Сонечка показала в сторону строения.

Пока шли к крокодилу, любовались рыбками.

– Де салатая ыбка? – ребёнок крутит головой и разводит ручки.

– Там! – отвечает проходящий мальчик постарше Ксюши.

Девочка внимательно смотрит на него, провожая взглядом. Поднимает ручки и прижимает их к бокам.

– Умик. Тити ваши мами! – это было сказано в закрытом помещении так, что прокатилось по всем присутствующим ушам.

– Ксения! Как тебе не стыдно. Нельзя повторять за дедушкой. – Соня оглядывается по сторонам.

Взрослые улыбаются. А малышка, смерив маму взглядом с головы до пят, сказала:

– Де какадил?

– А золотая рыбка? – пытаюсь напомнить о желании.

– Ка-ка-дил! – стукнула ножкой в пол девочка.

Войдя в соседнее помещение, мы увидели за большой витриной лежащего крокодила. Ксюша просто прилипла глазами в это огромное чудовище, подойдя вплотную к стеклу.

Простояв минуты две, я посмотрел на работницу зоосада:

– А он живой?

– Да!

– А почему не шевелится?

– Ну он же не обезьянка, чтобы прыгать по вольеру...

– Действительно! – улыбнулась моя жена.

Всё это время и последующие минут пять дочка была неподвижна, как и рептилия напротив. Вдруг глаз крокодила начал движение назад, потом вперед, максимально раскрывается.

– Его, наверно, привлёк красный цвет, – сказал я, и мы с Соней посмотрели на дочь.

– Нет! Она его гипнотизирует, – выдвинула свою версию жена.

– Тика! – не поворачиваясь, нам сказала принцесса.

Я уж не знаю, сколько времени мы простояли возле этого экземпляра, но животное не выдержало первым. Развернув тело на девяносто градусов, чудовище опустило вначале голову в воду, а потом полностью «утонуло», отвернувшись от нас.

– Теперь в кафешку и по-мороженому! – радостно проговорил я.

– Неть! – Ксюша повернулась к нам с полными слёз глазами. – Домой!

– Что такое? Почему ты плачешь? – Соня обняла дочку и подняла на руки.

– Иму густно! Он пачет! Он хосит домой!

Такого мы не ожидали. Пришлось быстро выйти на улицу. Гуляя по парку, ребёнок успокоился. Слёзки пропали. Лицо разругмянилось, и появилась улыбка.

– Де салатая ыбка? – вдруг спросила Ксюшенька.

– Зачем? – мы напряглись.

– Сказу ей, пусть какадила домой пустит!

Санаторий

Поговорка «человека из деревни
можно вывезти, а деревню из человека нет»

Закончилась уборочная в нашем совхозе. Дирекция ударников поздравила достойно: кому – телевизор цветной, кому – машинку стиральную, кому – как мне, путевки в российские здравницы. И всем достались денежные премии.

– Варлаам, давай с Кисьевым поменяемся: ему путёвку, а нам машинку стиральную? – Соня по дороге домой.

– У нас есть! Зачем вторая?

– Ну, тогда с Петренко поменяйся на телевизор..., – в голосе жены нотка отчаяния.

– «Ящик» тоже есть... и новый. В прошлый год с премии купили.

– Тогда заберешь с собой Ксюшу, пускай ребёнок в море Чёрном купается...

– Возьму! А школа? Соня, чего ты хочешь?

– Найдёшь себе там «козу», – всхлипывает супруга.

– Зачем мне коза?

– Я про бабу..., – идёт и плачет.

– У меня ты есть! Зачем мне ещё?

Документы в больнице получил без проволочек. Справку

санэпиднадзора тоже за два дня выдали. Всё честь по чести. Я же не отдыхать, лечиться еду...

Двадцать четыре часа в поезде, и вот я в санатории «Фазотрон» города Сочи на берегу Чёрного моря.

Милый персонал встретил угрюмо. Прибыл я на сутки раньше. Сговорились на ночь меня разместить в актовом зале. Даже раскладушку выделили с одеялом и подушкой. А до вечера я побежал на море. Порывистый ветер поднял волну. При входе на пляж висит объявление на тетрадном листочке «Штармыт! Две бал! Купаца нызья!». Отдыхающие бархатного сезона прогуливаются по берегу.

Я человек культурный, правила знаю. Расположился на берегу, сбросив с себя футболку и штаны, а в голове: «Быть на море и не окунуться? Столько ехал и шторм... Да, что это за стихия такая...». Вскочил, разогнался и в воду. Волна подхватила. Так на душе легко стало. Запел в полный голос, затанцевал...

Решил погрузиться с головой, как чья-то рука схватила за волосы и потащила меня вверх. Я попытался вырваться, да не тут-то было. Так за волосы на песок меня вытащил некто и, перевернув, перегнул через волосатое колено.

– А-а-а-а! Да, что происходит? – я вырвался и вскочил на ноги.

– Дарагой! Я спас тебя!

– Зачем? Я плавал, наслаждался..., – ринулся на своего спасателя с кулаками.

– Прасты! Мыр! – парень протянул мне руку, его лицо озарила улыбка, – Чиво кричал, руками махал?

– Песню я пел и танцевал, – мы пожали руки.

– Варлаам!

– О! Как и мене. Васо! Я «царственный», а ты «потомок Бога». Прыкын, вместе мы «Царственный потомок Бога», – многозначительно поднял указательный палец в небо.

До глубокого вечера мой новый знакомый возил меня на своей «десятке» по городу. Рассказывал, куда и как добраться, где отменная кухня, где хорошо можно повеселиться... Приятно, когда в незнакомом городе есть друг!

Ночь на раскладушке, что в поле на помосте деревянном. Но нам не привыкать. Выспался и, после заселения в номер, пошёл знакомиться с врачом. Процедура стандартная. Меня направили на небольшое обследование. Врач заключил:

– Здоров! А чего приехал?

– Так совхоз выделил?!

– Ну, коль приехал, значит назначим массаж, душ шарко, грязевые ванны, Мацеста и... пожалуй, спортивную гимнастику. А после обеда – свобода, пляж, девочки и домашнее вино-о-о..., – как-то мечтательно протянул доктор.

Процедуры начинались только завтра. Я расположился на пляже, подстелив полотенце. Странно было и непонятно платить деньги за лежак, находясь на территории санатория...

– Друг! – я приподнял с глаз кепку..., – Васо сказал, ты

его друг. Вот тебе от друга, – он показал на лежак.

– Сколько с меня?

– Другу бесплатно, – важно сказал посланец и, гордо подняв голову, удалился.

Как я ни крутил головой по сторонам, Васо нигде не было. Чудеса! Но на лежаке загорать было приятней.

– Кто не купит кукурузку, тот наступит на медузку! Кто кукурузку не возьмёт, от того жена уйдет! Сладкий сочный кукуруз – даже лучше, чем арбуз! – донеслось со стороны.

Я извлек из плавков пакетик с монетами и стал отсчитывать на один початок.

– Эге-гей! – подняв руку, я помахал продавцу. – Сколько с меня?

– Другу Васо – бесплатно!

Никогда не думал, что на курортах такое внимание к гостям. Вот так сервис.

Первый день процедур.

Утром – спортивная гимнастика. Все движения мягкие, неспешные. Разминка рук, ног, шеи... лёгкая пробежка. Потом какие-то фигуры, изображающие то рыбок, то зверушек. Напротив меня мальчик пяти лет, пытается подражать мне. Делаем с ним ласточку. Поднимаемся на носочек левой ноги. Не удержав равновесие, падаем и смеёмся.

– Мужчина, не отвлекайте Васичку! – мама одергивает сына за руку.

– Извините!

– Вечером нагуляются, а потом к детям пристают...

Что-то мне подсказало, лечебная физкультура мне не идёт впрок. Я ведь могу все эти упражнения делать сам на балкончике номера.

Душ Шарко – по времени. Как оказалось отдельно для мужской и женской половины отдыхающих. Я вошел в просторный кафельный зал, быстро разделся и занял место в кабинке без «окон и дверей».

– Бесстыдник! Ты, что себе позволяешь? – я прикрыл колокольчик и обернулся. На меня смотрела женщина, в руках которой был шланг...

Мужчины стояли в плавках. «Мать перемать...», а я то думал надо голым...», – пронеслось в голове. И только я вознамерился ретироваться с площадки, как женщина включила шланг.

– Крутись! – весело произнесла «шлангистка».

Я оторвал руки от заветного места и пытался закрыть лицо.

– Спиной повернись! – за ней послышались смешки и подбадривающие возгласы.

Конфуз невероятный. Но душ был приятным. Тело подтянулось и окрепло.

– Завтра в плавках приходи!

– До свидания!

Грязевые ванны, куда ни шло. В большом помещении десяток кабинок, закрытых занавесками. Медицинская сестра

взяла мою карту и показала на кабинку. Я отдернул штору. В ёмкость, куда предстояло опуститься, была налита жижа тёмно-коричневого цвета.

– Раздевайтесь и опускайтесь в ванну.

Было бы сказано. Я интеллигент, и дважды повторять не стоит. Медсестра вошла, на табуретку поставила песочные часы.

– Как время выйдет, позовите меня. Я вам..., – её взгляд упал на мои вещи, – а плавки вы зачем сняли?

– Так вы сказали, раздевайтесь и опускай...

– Ну, я имела ввиду... Вы первый раз в санатории?

– Да!

– Понятно! Когда время выйдет, встанете и руками стянете грязь в ванну. Потом пройдёте в угол. Там душ...

«Опять конфуз... да, что меня всё не в то русло бросает санаторная жизнь?», – пролетело в голове.

– Привэт, друг! – на пляже ко мне подошёл Васо, – Чиво грустный?

– Делаю всё что-то не так. Люди нервничают, некоторые ругаются, другие смеются... стыдно! Зачем сюда приехал?

– Мнэ сказали, ты веселый. За один дэнь тебе знает все санатории. Уедеж, все забудэт, а я помныть буду, – собеседник так улыбался и говорил искренне, что я подумал: «А он прав! Ничего не случилось! Кто меня здесь знает, а сколько человек будет помнить, когда уеду?».

Срок моего пребывания пролетел быстро. Восемнадцать

дней, как будто «чихнул». Тепло проводили сотрудники санатория. Новый друг подбросил до вокзала.

Спустя пять лет в этот же санаторий мы приехали вместе с Сонечкой. Войдя в фойе, я поставил чемоданы и выпрямился.

– Вот, милая, здесь я отдыхал в прошлый раз.

– Девочки! Варлаам приехал! – разнеслось громким эхом.

– Я вижу, – жена строго посмотрела в мою сторону.

Жалко Васо уехал на родину.

Хрен

Проживая по молодости еще в старом доме, я много работал, выезжая то в командировки, то на вахты. Соня воспитывала нашу дочь Ксюшеньку и занималась домашним хозяйством.

Каждое возвращение, засучив рукава, я что-то ремонтировал, строил, латал...

– Варлаам, перекопай в первую очередь землю под картошку, а потом вдоль виноградника с обеих сторон, – во время завтрака делится планами супруга, – а я грядки посею и рассаду начну высаживать... ты же вчера с грядками закончил?

– Угу! – не отрываясь от поглощения бутерброда, качнул головой в знак согласия.

– Точно?! – Сонечка сощурила глазки.

– Агу-ага-мы-гуа-гу! – промычал я, пережевывая пищу, запивая чаем.

Хоть и весна, а днем припекает. Поэтому с перекопкой надо закончить часов до десяти утра. С шести времени вагон. Беру вилы, лопату и начинаю рыхлить участок под картошку. Первую высаживаем ведро, разрезая на две части. К июлю уже своя молодая, да рассыпчатая. Вторую в конце мая. В сентябре убираем, просушиваем и в погреб на зиму.

Чтобы весной не рвать пупок, осенью с первыми морозами перекапываю огород и грядки, не разбивая смерзшиеся комки чернозема. А сейчас одно удовольствие работать. Земля рыхлая. Одной штыковой управился.

Ну, вот... здесь закончил, теперь к винограду.

Прошел вначале вилами, подорвал грунт и приступил лопатой. Мы на этой площади чернозем ни разу не рыхлили. Комья разбиваю, сорняки собираю и... Что за напасть. То ли корень, то ли деревяшка, какая мешается. Не могу лопатой вытянуть. Побежал в сарай за совковой лопатой и ломиком.

– Варлаам, ты куда?

– В сарай! Не отвлекай!

Супруга знает, что, если я за что-то взялся, пока не сделаю, отвлекать нельзя. Поэтому она только и сказала.

– Понятно!

У нее работа спорится. Начала рассаду высаживать. Ксюша в коляске сидит, кепочка «мухоморчик», что-то агукает да напевает, играя на солнышке.

– Тебе лом зачем?! – Сонечка привстала и с огромным любопытством провожает меня взглядом.

– Да там доска на углу участка в земле... мать перемать ее через колено... Или камень, сам не разобрал, – это я все на ходу. Не знаю, слышит моя любимая или нет?

Работал, словно экскаватор. На полметра точно углубился. Такого большого корня, да еще ветвистого я не видел: «Может здесь раньше дерево росло, а может...».

Иду довольный, несу этого «удава».

– Вот, выкопал! – не без гордости показываю Сонечке.

– Это же хрен! Вар-а-а-ам, да что ты такой непутевый...

А?

– Какой хрен?

– Листья, которые я в огурцы при солении кладу, – и как давай смеяться в полный голос.

Ксюшенька притихла. Смотрит то на маму, то на меня и улыбается.

– И что делать?

– Ну, сам себе работу нашел. Будем «хренятину» делать, а это, – она ловко оторвала снизу корешок и еще несколько молодых отростком, – я посажу в то же место. Только в следующий раз не выкопай. Я там палку воткну. Хорошо?

– Угу!

Закончив рыхлить землю вдоль виноградника, я сидел на веранде, мыл и перекручивал ручной мясорубкой корни хрена. И, несмотря на то, что прибор был замотан в полиэтилен, слезы градом катились из глаз, а нос отказывался дышать.

Слова плохие

Поздравьте! У нас колёса появились в семье. Пусть это видавший виды «Жигулёнок», но на ходу и свой. Правда... чего греха таить, лежу под ним и копошусь под капотом практически каждый день. Ладно! Не каждый, да мне и одного раза в неделю хватает. Люблю что-нибудь мастерить и перебирать своими руками.

Соня получила повышение. Пусть не в «Москву» переведена, а всё же в офисе и на должности заместителя начальника отдела.

Нашей принцессе уже четыре годика. Каждый день ходит с нами на работу. Ей нравится в детском садике. Детки подросли, умеют практически всё, очень много знают. Если прислушаться, о чём разговаривают на прогулке, то можно потеряться: это детский сад или офис различного рода специалистов, имеющих опыт во всех сферах деятельности человечества. А чему удивляться? Мир компьютеров, планшетов, телефонов.

Воспитательницы в нашей группе просят не оставлять детям гаджеты. Но разве уследишь? Вот, например, наша принцесса свой мобильник, подаренный дедушками и бабушками, с вечера кладёт в дамскую сумочку, с которой утром отправляется в «офис».

Как видите, у нас всё развивается, движется... правда, живём пока в доме с печным отоплением, и я стараюсь за лето навозить дров, собирая поваленный стволы в лесополосах, доставляя их во двор на соседском «ГАЗончике».

– Варлаам! – Соня с Ксюшей входят во двор. – Завтра ребёнка забираешь ты!

– Что случилось? – выкарабкиваюсь из-под легковушки.

– Папочка, я тебя люблю! – дочка раскидывает ручки и подходит ко мне.

– Не подлизывайся! – жена скрывается в доме.

– Принцесса, я грязный...

Девочка смешно наклоняется и подставляет щёчку для поцелуя.

– Чего мама ругается? – беру рожковый ключ и пропадаю под машиной.

– Я сказала плохое слово.

– Ксюша, мы же с тобой уже разговаривали. Ты мне обещала не повторять за взрослыми плохие слова.

– Я сказала «попа» разве это плохое слово?! – произносит с удивлением в голосе и рассуждает, – У всех дядь и тётъ есть попа. У всех детей есть, у куколок тоже... Папочка, правильно?

– Угу! – с усилием затягиваю гайку.

– Так ты папе рассказала, почему на тебя жаловалась Се-рафима Рихардовна? – на улицу выходит, уже успевшая переодеться, супруга.

– Да, мамочка!

– И что сказал папа?

– Поругал меня.

– Иди, переодевайся. Будешь мне помогать.

Дочка убегает в дом. Соня присаживается у моих ног.

– Представляешь, она сегодня мальчика в группе послала...

– Послала? Прямо по адресу?

– Нет! Таких слов я от неё не слышала, а вот туда, что ниже спины – Да!

– Сонь, надо бы разобраться. Может, мальчик её обидел? Я завтра пойду её забирать и узнаю у воспитательницы. А с твоим папой надо поговорить, чтобы при ребёнке не выражался.

– Пап, мам, а мы вчера с Абрамычем ангицкие слова учили новые, – радостная на улице появилась малышка.

– Ну-ка, ну-ка, – смеюсь под «Жигулями».

– «Вилкус!» Знаешь, что это? – и, не дожидаясь ответа, выдаёт, – Папа, это вилка! А «лопатиус»? Ха! Это, мамочка, лопата. Вот!

– Да-а-а-а, – протянула Соня, – надо поговорить с дедушкой.

– А ещё мы с ним выучили целое предложение. Слушай: «Бери лопатиус и кидай говнятиус!».

Я, подскочив, ударился лбом о кардан.

– Соня, звони тестю! У-у-у-у-у-у...

– Папочка, тебе больно?

– Нет, Солнышко!

К концу рабочего дня пошёл морозящий летний дождик. В детстве мы такой называли «слепой», так как тучки в стороне, а солнышко светит, и капельки, падающие на землю, испаряются, поднимаясь маленькими облачками к небу.

– Ирина Васильевна, здравствуйте! А где Серафима Рихардовна? – заглядываю в группу.

– Ой! Как хорошо! Папа пришёл. Здравствуйте! Она сегодня была в первую смену. Ксения, за тобой пришли, убирай игрушки и выходи в раздевалку. Дети, я на две минуточки выйду, соблюдайте порядок!

Можно сказать, вытолкнув меня в раздевалку, Ирина Васильевна продолжила:

– Ваша дочь говорит много странных слов. Пусть это слова паразиты, но они грубы, и ребёнок не должен их говорить...

– Но...

– Не перебивайте! Вот! Я записала то, что она сегодня говорила, играя с детьми на улице. Так! – воспитательница развернула тетрадку. – Полюбуйтесь! Как вам это понравится «тудыть её в качель», «мать перемать», «ёсики-колёсики»... Как вам это нравится?

– Безобразие! Я её сегодня поставлю в угол, – из группы вышла Ксюша.

– Папочка, я больше не буду! Мы играли в семью и...

– Нельзя повторять эти слова, мы же с тобой говорили, – стараюсь быть строгим при Ирине Васильевне.

– Вчера мальчика Дениску, простите, отправила туда...

– Куда? – всматриваюсь в глаза педагога.

– Туда, – голова воспитательницы наклонилась, глазами она указала себе на спину.

– Безобразие! – я всплеснул руками. – А что мальчик сделал?

– Он толкнул Ксению, – как-то виновато взглянула на меня Ирина Васильевна. – Серафима Рихардовна вчера составила воспитательную беседу с Денисом и его мамой. Он даже плакал! – добавила многозначительно.

– Ай-яй-яй! – я посмотрел на дочь, которая, не выражая никаких эмоций, переодевалась у своего шкафчика.

«Странно! Хоть бы всплакнула, помогла папе в разговоре», – изумился я про себя.

– Но и это не всё, – загадочно помахала перед моим носом тетрадкой работница детского сада. – Я это произносить не буду из этических соображений. Прочитайте сами!

Заглянув на предъявленную страничку, я ахнул и почесал затылок:

– Да-а-а-а... Просто так сказала?

– Нет! Она прокричала это, когда на землю упал её мобильный телефон... Ксения, где ты слышала эти нехорошие слова?

– Абрамыч так сказал, когда бабушка уронила ему на нож-

ку кастрюльку, – выдохнула, уже готовая идти домой, дочь.

– Так чего же ты слушаешь дедушку? – возмутился я.

– Папочка, он так быстро говорит нехорошие слова, что я не успеваю закрывать ушки, – принцесса приложила ладошки к голове.

Купель

Лето в самом разгаре. Еще стрелки не показали десяти часов утра, а ртутный столбик на градуснике застыл в районе плюс тридцати четырех.

Я вышел со двора.

– Сосед, привет! – с противоположной стороны дороги между участками машет рукой Серега.

– Привет! – поднял руку и добавил вполголоса, – от старых штиблет.

– Варлаам, чего хмурной?

– Жара одолела. Ничего делать не могу, потом исхожу.

– Ну, нас людей не понять... зимой лето ждем, летом – зиму.

– Да-а-а-а-а.

– Поехали в купель нырнем, вода ледяная... Ты в купели окунался?

– В январе на Крещение в прорубь нырял.

– Так поедем или нет? Мы с женой собираемся сегодня.

Бери Соню.

– Сейчас скажу ей купальники приготовить...

– Зачем купальники? Мы с Леной нагишом ныряем.

– ?! В смысле совсем? А?!

– Да!

Я вошел в дом.

– Сонечка! Нас соседи приглашают, в смысле Сергей, на купель съездить, окунуться.

– Хорошо!

– Что хорошо?

– Я согласна! А во сколько?

– В два... но мы, наверное, не поедем...

– Не поняла?! – Сонечка вошла в комнату, где я сидел за столом.

– Ты чего такой хмурый?

– Они без ничего ныряют. Мы лучше откажемся. Как можно, голыми... нам, что тоже раздеваться?

– Серега явно пошутил, а ты поверил. Сразу наденем плавки с купальником.

– Он не шутил, серьезно говорил. Еще удивился, когда я переспросил.

В назначенное время, мы закрыли дом, и вышли на улицу. Сергей выгнал свою «Волгу», Лена закрыла ворота.

– Чего стоите, занимайте места, – весело прощбетала Серегина супружница.

Мы скромно разместились на заднем сидении. Сосед включил передачу, и машина покатила между домов. Лена с Соней болтают, смеются, а мне не до веселья. Сижу и все думаю, как соседи голыми будут перед нами плескаться.

– А куда едем? – вопрошаю.

– Сережа, ты, что не сказал? – Елена взглянула на мужа и

повернулась к нам, – В село Залужное... километров пятнадцать или двадцать... Да, Сережа?

Водитель чинно качнул головой в знак согласия.

– А вы там никогда не были?

– И не думали, вечером на реку выехали, искупались, и домой, – протараторила Сонечка.

– Так вы там не были и не знаете? Даю короткую справку: в селе Залужное до революции был храм Святой Троицы, в годы богоборчества его разрушили. В конце прошлого века начали строительство новой церкви. В октябре две тысячи шестого года митрополит Воронежский и Борисоглебский Сергей совершил освящение новопостроенного храма и отслужил в нём первую Божественную Литургию. У села есть источник Святой Троицы, куда мы и едем.

Сергей смотрел на жену с восхищением. Я и Соня переглянулись.

Дорога прошла быстро, съехали с трассы, немного спустились и повернули вправо по проселку. Выехали на небольшую площадку, где установлен поклонный крест. Справа внизу настил и два ключа чистой воды. Слева небольшое строение.

– А купель где? – я крутил головой.

– Да, вот же под крышей, – сосед показал на домик.

– И че, идем все вместе?

– Еще чего не хватало... ну, ты и выдумщик, Варлаам, – всплеснула руками Лена, – вначале мы с мужем потом вы

пойдете...

У меня отлегло от сердца. Я даже выдохнул. Получилось громко, и все посмотрели на меня.

– Чего? – Сергей улыбался.

– Да он ехать не хотел, все переживал. Думал, с вами нагими купаться будем... – засмеялась Сонечка.

Соседи, смеясь, вошли в строение, щелкнула задвижка.

– Соня, там есть окошко!

– И, что?

– Пойдем, посмотрим. Что зря приехали?

Каток

Сейчас зимы, что на юге нашей Родины. Снег, дождь, то лёд, то слякоть. Температуры гуляют, никак остановиться не могут. То ли было раньше. Пусть она была недолгая, но настоящая, с сугробами, снежными бабами, санками да лыжами.

Ксюше было пять лет. В тот год наши местные предприниматели организовали хоккейную коробку. Рядом поставили вагончик «Коньки напрокат». Вдоль бортов снаружи скамеечки. Днём детвора развлекается, вечером взрослые соревнования с шайбой устраивают.

А на Новый год установили в центре ёлку, нарядили, пустили от макушки по диагонали гирлянды. Красота не передать словами. Мы с женой и дочкой ходили любоваться, прогуливаясь по селу.

- Папочка, пойдём кататься, – предлагает ребёнок.
- Ты же не умеешь? – Сонечка удивляется порыву дочери.
- Я потихонечку попробую.
- Плакать не будешь? – я прям засомневался.
- Не-е-е-е, я уже большая. Правда, мамочка?
- Несомненно, – улыбается супруга.

Взяли коньки напрокат, переобули принцессу и пошли по снегу. Ксения ножками переставляет уверенно, держится

ровно, а как зашли на лёд – шлёп! Насупилась, но не хнычет.

– Давай мы с мамой возьмём тебя за ручки.

Мы идём, малышка катится, но ноги почему-то вперёд скользят, и нам приходится приподнимать Ксю, чтобы она выровнялась.

– Всё!

– Что...?

– Устала сильно. Пошли домой.

– Давай лучше учиться. Не будем сдаваться так быстро, – Соня подмигивает дочке.

– Хорошо! Я сама...

Три неуверенных шага, и ноги разъехались. Встаёт, отряхивается. Так продолжалось несколько раз.

– Нет! Не получается.

– Смотри, – чуть сгибаю колени и, шоркая ботинками по льду, демонстрирую шаги. – Ясно?

– А-а-а-а...

Девочка старается повторить и... встречается с холодным полом.

– Повторяю ещё раз. Вот так.

– Не мешайте. Мама, пойдём к забору.

Они уходят к бортику, держась за который, дочь передвигает ножками и пытается ехать. И неплохо для первого раза.

– Привет! Учишься? – рядом с Ксенией останавливается мальчик. – Хочешь, научу?

– Я сама, – но что-то пошло не по её плану, и она второй

рукой хватается за «учителя».

Юный джентльмен катится вперёд, увлекая нашу красавицу.

– Не останавливай, пускай катаются, – говорю Сонечке. – А вдруг получится?

Сделав два круга у бортика, мальчик с девочкой выкатились в центр. Он поддерживал её, она уже увереннее, чуть присев, старалась скользить.

– Завтра вечером придём на каток.

– Доча, а вы познакомились? Как зовут твоего тренера?

– Игорь! Он меня будет ждать...

Спустя неделю мы не беспокоились за своё сокровище. Ксюша отлично держалась и ехала прямо. Но повороты и движение назад предательски не получались. В коробке мы проводили по два часа.

– Варлаам, а почему мы с тобой стоим и мёрзнем? Давай тоже кататься.

– Я буду как дочь...

– А я тебя научу.

Мы нарезали круги. Сонечка меня подстраховывала и смеялась при каждом моём падении, при очередном подъезде Ксюша с Игорьком:

– Папочка, смотри, как надо. Вот так приседаешь, отгаликиваешься, наклоняешься вперёд и скользишь.

На семейном совете мы решили купить каждому коньки.

Ремень

История эта произошла давно, когда нашей Ксюшеньке было пять лет. За семейным столом бабушки с дедушками настойчиво рекомендовали нам с Соней отдать дочь на подготовительные занятия в нашу среднюю школу. Так и сказали: «Внучка наша должна быть готова к первому классу и не испытывать стресса от начала учёбы в следующем году!».

Сказано, сделано. Узнали заранее, что и как, записались на встречу с учительницей. В назначенный день, забираю ребёнка из детского садика.

– Папа, мы сегодня в школу? – серьезно интересуется принцесса.

– Да! – ловлю взгляд с вопросом нашей воспитательницы, – на курсы хотим отдать... подготовительные.

Она кивает в знак согласия и улыбается.

На выходе с территории детского учреждения нас встречает мама, и мы весело идем, слушая своё очарование о важных событиях пройденного дня.

– Здравствуйте! Меня зовут Марина Викторовна, – встречает нас в классе женщина лет сорока, в строгом костюме.

– Здравствуйте! Я Ксюша, это моя мама Соня! Это мой папа Варлаам! – спокойно вступает в беседу дочка.

– Очень приятно! Проходите, пожалуйста, – учительница

указывает на стульчик для будущей воспитанницы, – а родителей мы попросим тихо посидеть в конце класса.

Наше милое создание уверенно присела на стульчик. Мы расположились за партой у входа.

– Марина Викторовна, а что мы будем делать?

– Мы с тобой немножко поиграем. Согласна?

Дочь уверенно качнула головой.

– Вот и хорошо! Я буду тебе задавать вопросы, ты будешь отвечать. Потом мы перейдём к картинкам.

Беседа проходила оживлённо. Ксюша бодро отвечала на вопросы. Огорчалась, если ошибалась. Педагог успела записать в тетрадку наш адрес, день рождения дочери и сделать свои пометки в каком-то журнале.

– А теперь мы поработаем с картинками.

Показывая очередное изображение, Марина Викторовна просила сказать, что или кто на ней нарисован, и рассказать о предмете или животном.

После очередной карточки ответа от дочери не последовало.

– Как? Ты не знаешь, что здесь нарисовано? – лицо женщины выражало удивление. Было видно, что она даже слегка расстроилась, – посмотри, пожалуйста, внимательно. Что ты видишь?

– Змею..., – неуверенно проговорила растерявшаяся девочка.

– Нет! Это не змея. Это неодушевленный предмет. Это...

– Шнурок!

– Нет! Попробуй еще раз. Это...

– Ленточка!

Марина Викторовна с удивлением посмотрела на нашу дочь и перевела взгляд на нас.

– Можно я посмотрю? – спросила Сонечка.

– Конечно! Пожалуйста! Только не называйте вслух.

Жена подошла к столу, посмотрела картинку.

– Ксюша, что у папы в брюках?

– Ремень... А ремень, ремень, – защебетал ребёнок, хлопая в ладошки.

– Обычно эту картинку все дети узнают сразу, наверно, многих им наказывают, – как-то растерянно проговорила преподаватель, – Я поняла. Ксюша, скажи, пожалуйста, а как тебя наказывают родители?

– Ну, забирают книжку, не разрешают выходить на улицу...

– Какую книжку забирают?

– У меня есть книжка. В ней много, много сказок... и все такие интересные...

– А папа тебя ремешком по попе не шлёпает?

– Нет! – удивленно пожала плечиками дочь.

– А в угол мама не ставит?

– Не-е-е-ет! – тяжело вздохнув, протянула наша принцесса.

– А почему так выдохнула?

– Детство проходит..., – с глубоким сожалением сказала Ксюшенька.

Мы смеялись минут пять.

– Не расстраивайся. Ремень я тебе не гарантирую, а с углом, наверное, придётся познакомиться, – вытирая слёзы, сказала Марина Викторовна, – так ты читать умеешь?

– Да! И считать, и писать... нас в садике Наталья Сергеевна учит с Верой Николаевной.

– Молодец! – учительница погладила по головке дочку и повернулась к нам, – Обычно я результат говорю после, когда отработаю со всеми желающими. Класс набираем один, а деток много. Вас записываю сразу.

– Ура-а-а-а! – подпрыгнула Ксюша и горячо обняла свою первую учительницу.

Петюня

1

Накануне дня рождения любимой дочки.

– Варлаам, ты уже знаешь, что мы подарим нашей куколке?

– Нет, и даже ни разу не догадываюсь.

– Ребенок хочет птичку.

– Сонечка, давай купим курицу! И радость, и свежее яйцо к столу. И гулять во дворе можно.

– Давай поговорим серьезно!

– Можно гусака или уточку, в хозяйстве не лишнее.

– Девочка хочет канарейку или попугайчика.

– Сонечка, канарейка у нас в будильнике, останавливаемся на попугайчике.

– Ура-а-а-а! Мой любимый папка согласен на попугая, – радостная Ксюша вбежала в комнату.

Так был решен самый важный вопрос на сегодняшний день, и мы готовились к поездке на птичий рынок.

Утро июльского дня. Солнце жарит с утра. На небе ни туч-

ки, ни облачка. Пока жена готовила завтрак, я покормил нашу живность: поросенка, уточек, курочек, гусей и кроликов. Пробежался по участку с тяпкой, побивал и собрал траву курам. Триммером за участком накопил бурьяна и разложил сушиться.

– Мама, я хочу большого попугая, говорящего, – за завтраком дочь мечтательно и с предвкушением смотрит мне в глаза.

– Давай сразу павлина купим, – говорю я, – И во дворе красиво, глаз радует, и песни петь тебе будет под окном.

– Варлаам, не делай ребенку умственную тренировку. Ешь, Ксюшенька, не слушай папу.

Уже через двадцать минут мы мчим на нашем выдавшем виды «Жигуленке». Выскакиваем на трассу М4-Дон и... Как не нажимаем на педаль газа, а ровным строем иномарки уходят вдаль по второй полосе, обгоняя нас, словно стоячих. Венец позора, когда нас объезжают фуры.

– Попугай, попугай... давайте машину новую купим. А?

– Девочке надо получить хорошее воспитание. Нам надо дом построить. Я ношу второго... обрати внимание – сына. А ему машину подавай.

– Так с новой машиной я...

– Разговор закончен. Надо поговорить с мамами, папами, а сейчас – попугай!

На птичьем рынке толчея. Зной плавит асфальт и головы. Мозги кипят.

– Мама, смотри...

Стоит продавец. У него в клетке Жако.

– А он у вас разговаривает?

– Да! – говорит мужчина и, как-то странно посмотрел на нас с женой, – Но тебе, девочка, лучше не слышать его таланта.

– Попка, скажи...

– Отстань, ду-ур-р-р-ра-а-а! – выдал пернатый питомец.

Нас, как ветром сдуло в другую часть рынка. Вы думаете, Ксюша расстроилась? Ничего подобного. Она ходила и, не переставая, говорила про Жако с восторгом, копируя его «Отстань, ду-ур-р-р-ра-а-а!», чем сильно нервировала Сонечку.

– Так, перестань! Варлаам, покупаем волнистого попугайчика, и пусть она сама его тренирует...

Долго стоим у большой клетки, выбираем именно мальчика, именно с определенным окрасом, шустрого и, чтобы сам подошел к Ксюшеньке.

Выбрали. Все счастливы. Я торгуюсь с прилавком рядом, выбирая небольшую, но просторную клетку. А еще... Еще не состоялось. Я убедил семейство, что лесенки, колечки, ленточки, веревочки и другую «утварь» для птички, сделаю своими руками.

Обратный путь прошел весело. Я не отвлекался на «ненавистных» обгонщиков. Нас с Сонечкой забавляла Ксюшенька.

– Птичка, скажи «Папа, хороший!». Повтори «Папа, умный!».

– Ой, доченька, а какое имя мы дадим твоему любимцу? – всплеснула руками жена.

– Мама, какая ты недогадливая. Я ему придумала имя. Он – Петя! У нас же нет петуха. А папе лишняя птичка в хозяйстве не помешает.

2

Надо обязательно сделать небольшое отступление и поведать о нашем любимце. Это, пепельного окраса, средней ворсистости и безграничной наглости – кот Арчи.

Когда весной мы покупаем цыплят и утят, то перед их выпуском на двор, происходит обязательная процедура знакомства. Жена держит кisku на руках, а я подношу к его носу каждого птенчика, давая понюхать, и говорю: «Свой! Нельзя!».

Не поверите, дома птицу не трогает, но стал ходить к соседям. Сыпятся жалобы и процедуру приходится повторять на других дворах. Бедный кот, у него по всему селу «своя птица». Он поначалу сходил с ума. Поэтому полевки, крысы, мыши, воробьи, вороны и другая дичь – объекты охоты нашего хвостатого друга с шикарными усами.

Мы въехали во двор. Кот сидел на крыльце. Сделав выгибание спиной, потянувшись передними лапками, он вялой походкой направился в нашу сторону. За безразличием скрывалось любопытство.

Ксюша торжественно на вытянутых руках несла домик с Петей.

– Доченька, давай сразу Арчи познакомим с новой птичкой, – сказала Сонечка.

Супруга взяла кота на руки. Ксюшенька поднесла к его носу клетку. Глаза «тигра», словно два черных огромных блюдца с желтой каемочкой смотрели на тропическую диковинку. Новые запахи заставили его издать подобие грудного рычания. Петя лапками и клювом вцепился в противоположные металлические прутья и издал тревожное «пи-пи-пи».

Знакомство состоялось. С этих пор они не нарушали «красных линий». Каждый жил своими заботами.

День рождения любимого ребенка прошел в теплой семейной обстановке. Были бабушки, дедушки, тети, дяди, братья, сестры и самую капельку дальних родственников и близких соседей. Чего греха таить – все живем в одном селе. Гуляли на улице с музыкой и танцами.

Семейная община в завершение праздника, когда Ксюша досматривала свой десятый сон, приняла решение помочь моей семье в приобретении нового автомобиля и скинуться на стройматериалы для строительства дома...

Уж не знаю кому, как, но у нас с Сонечкой праздник удал-

ся.

И вот, через пару недель я рассекал по родному населенному пункту на новенькой «Ладе», а во дворе разместились кучки, штабеля и навалом строительные материалы. Старенький «Жигуленок» загнали по спекулятивной цене. На вырученные средства заказали экскаватор и погрузчик для подготовки основания под фундамент нового жилья.

Нет-нет, все это богатство не за красивые глаза. У нас каждый помогает всем, и все помогают каждому. Сказали: «Надо!», и я пошел или ко мне пришли. Не надо тратиться на рабочих. Всё сами делаем.

До первого снега я был весь в работе. В дом заходил на прием пищи, а нередко пропускал. Так сильно втянулся в этот процесс. Но своих помощников кормили, как говорится «от пуза».

Соня уже видимо округлилась, но ловко управлялась с домашними делами. Ксюша ходила в школу. Арчи все время проводил на улице, а Петя развлекался в пустом домике, стоящем на подоконнике.

Вечерами, мы собирались за ужином. Дочка ставила клетку на кухонный стол.

– И что эта клетушка делает на столе, за которым я ужинаю? – старался строго посмотреть на свою любимицу.

– Папочка, я хочу тебе показать, какие успехи делает мой Петечка.

Открывалась вниз дверца и попугай выходил на нее, слов-

но на балкон. Расправив крылья и сотрясая всем тельцем, птица издавала явно звуки удовольствия. После чего ловко маневрируя, пролетала три круга по комнате и присаживалась на подоконнике.

– Никак не могу научить его садиться на клетку, – раздосадовано говорила Ксюша.

– А ты, какие ему команды подаешь?

– Просто зову, цокою, фьюкаю, фифтю, посвистываю... по имени к себе зову...

– «Фифтю»... Да-а-а-а... Смотри, как надо!

Я кашлянул для приличия, чем привлек внимание птицы. Громко хлопнул в ладоши и скомандовал: «Ко, мне!». Петя не замедлил себя ждать. Взмах, другой, третий и... он сидит рядом, внимательно рассматривая меня.

– Учись Ксюшенька, папа и не такое умеет, – расхохоталась Сонечка.

Прошло несколько недель. У меня с первым снегом стало больше свободного времени. Я оборудовал птичке внутри клетки: лесенку, качели, поставил колесо, навесил колокольчик и зеркальце, по углам и поперек просунул между прутьев веточки.

Пока я занимался благоустройством, Петя крутился возле меня, подносил веревочки и детали...

Ксюша и Соня вечерами учили птицу выполнять их команды, но попугай слушался только меня. Сонечку Петя боялся, как и Арчи из-за пылесоса. Этот страшный агрегат пу-

гал их настолько, что первый прятался в углу домика под газетные обрывки, а второй пулей мчался к двери и скрывался на улице.

– А вот говорить он так и не хочет, – грустно сказала дочь.

– Придет срок и сам заговорит. Не все сразу. Он же должен подражать, повторять. Ты смотрела в Интернете, как учат попугаев?

– Папочка, я обязательно посмотрю...

Потянулись долгие филологические вечера. Дочка читала птице стихи. Повторяла короткие фразы. Записывала их на диктофон. Читала птице устные задания в школу.

За попугаем стали наблюдать некие странности. Например, он, сделав вечерний полет, садился мне на плечо и, пока я принимал пищу, гулял с плеча на плечо, что-то выискивал в моих волосах. Щипал за уши. Спускался и поднимался по руке. Просил дать ему попить. Я набирал в рот жидкость и придвигал губы к его клювику. Петя ловко принимался пить. К девочкам такого интереса он не проявлял.

– Нет, Ксюша, наш Петя любит только нашего папу. Вырабатывай доченька командный голос.

3

Зима в декабре обозначилась снежными заносами и су-

гробами. Пару раз резвилась пурга.

Строительство нового дома приостановили. Фундамент залит. Стены по периметру и внутри выгнаны под крышу.

Ксюша осваивает школьную программу. Сонечка оформила декретный отпуск. Я устроился работать сутки через трое в сельский теплоузел.

Арчи большую часть времени проводил дома, наблюдая за Петей. Очень он нервничал, когда проходили занятия, проводимые дочей. Глядя на него, создавалось впечатление, что: либо кот подойдет к попугаю и даст ему лапой в ухо, либо сам начнет говорить человеческой речью.

Птица полностью освоилась и привыкла к нам, и совершенно не обращала внимания на грозного «тигра». Время полетов увеличилось. Клетка закрывалась только на ночь, и попугай беспрепятственно выходил для совершения полетов, когда ему этого хотелось.

– Варлаам, ты не будешь сильно переживать, если я тебе скажу небольшую вещь? – Сонечка сидела за столом со своим смартфоном.

– Милая, как я могу волноваться? Я скоро стану отцом и мне категорически рекомендовано не беспокоиться. А что?

– Я вот смотрю в Интернете и... у нас попугай – девочка. Носик у нее коричневенький... а у мальчиков синий...

– Ну, я же говорил, – встав с дивана, отложил книгу, – обманут на рынке... Никому нет веры, никому...

– Теперь ты понимаешь, почему птичка постоянно липнет

к тебе, – жена улыбалась, я прохаживался по комнате.

Встревоженный попугай забежал наверх клетки и после слов супруги или моих делал «чирик-чир», участвуя в разговоре.

– Ксюша расстроится, – я остановился в дверном проеме и посмотрел в комнату любимки.

– Папочка, не переживай, я все давно знаю.

– Да, что вы пристали со своим «переживай». Петя, ко мне!

Пернатый друг «чиркнул» и взлетел мне на плечо. Я продолжил ходить. С каждым шагом в моем ухе раздавалось «фьють».

– Три бабы в доме. Арчи, хоть ты со мной солидарен.

«Мяв-у». Кот присел и наострил уши. Его мордочка выражала сочувствие и поддержку хозяину.

– Ах, мой «пушистик»... да я... тебе вот..., – я подошел к холодильнику и взял с тарелочки кусочек ветчины, – держи мой, друг.

Арчи встал на задние лапы и потянулся к кусочку.

«Мяв-у», – раздалось рядом с моим ухом. Я повернул голову. Кот выхватил копченость из моих пальцев. Попугай смотрел мне в правый глаз. Клювик приоткрыт, язычок слегка колыхнулся: «Мяв-у».

– Ксюшенька, Сонечка, вы это слышали? Смотрите... Петя! – я встал в полный рост, а птица, закрыв клюв, отвернулась в сторону киски и отказывалась повторить сказанное.

Мы с дочерью «Петюнькали» и просили его повторить ранее сказанное, все тщетно. И тут меня осенило. А ведь...

Я подошел к холодильнику, взял кусочек ветчина. Кот, наблюдавший со своего коврика, присел и напрягся.

– Петя, скажи...

Птица расправила крылья, приоткрыла клювик, зацокала язычком: «Мяв-у-у-у». Резко схватив копчености, замахала крыльями и приземлилась на пол. «Тигр» издал рычание и в два прыжка оказался у моих ног. Еще прыжок и попугаю не уйти от его когтей. Но Петя, оставив вожаделенный кусочек, взлетел на свою клетку.

Я поднял с пола вкусняшку и положил на стол. Арчи сверкнул глазами. Он словно застыл, наблюдая за моими действиями.

– Петенька, ты честно заслужил, это твое.

Арчи сказал: «Мяв-у».

– И ты тоже заслужил мой, друг, – пришлось делиться еще одним кусочком с пепельным попрошайкой.

– Папулечка, ты же больше не переживаешь, что Петя – девочка? Она же молодец. Повторила за Арчи «Мяв-у-у-у».

– Я и не переживал. Но как мы теперь будем звать это говорящее на кошачьем языке чудо?

– Петюня! – Ксюшенька пожалала плечиками.

На Новогодних каникулах свободного времени было много. То мы ходили в гости, то к нам... но это три дня, а потом... мы все погрузились в обучение Петюни.

Сонечка, Ксюша и я «копались» в гаджетах. Любая информация и видео были полезны. С разных сторон от клетки до маленького ушка птички доносились звуки, которые заставляли ее прыгать и петь. Если звуки были более интересны, Петюня вылетала и садилась на плечо – то жене, то дочке.

Сонечка заинтересовалась сюжетом, где «туча» попугаев в одной клетке создавали многоголосие. Попугай присел рядом и начал клевать чехол смартфона.

Жена поставила аппарат на стол и прибавила громкость. Пернатая подруга ходила вокруг, запрыгивала наверх, пыталась приподнять гаджет. Все тщетно. Но пение собратьев манило, и она запела. При этом ходила, слегка расправив крылышки, и в такт шагам двигала головкой в стороны.

Ксюша нашла урок, где автор учит своего питомца разговаривать. Она придвинула свой телефон к Петюне. Интерес к многоголосию пропал. Птичка внимательно смотрела на экран, качала головой и... издавала звуки, похожие на повторение, сказанного в видеозаписи.

Мы так увлеклись этим процессом, что не обратили внимание на Арчи, который присел у края стола и наблюдал за нами. Но все же он уделял больше внимания тропической диковинке.

– Варлаам, мне что-то плохо...

– Сонечка, что? Где? Давай на кроватку...

– Девятый месяц, но... мне кажется еще рано...

– Звоню в «Скорую»?

– Варлаам, какая «каре́та»? Отвезешь меня сам.

– А, если по дороге, ну, это самое, как начнется...

– Не мели глупости...

– Ура! Мамочка поедет рожать ребеночка.

– Ксюша, как тебе не стыдно. Так про маму говорить. И вообще... тебе рано про это...

– Варлаам, наша доченька взрослая, не одергивай ее.

Я помог жене перейти в спальню. Ксюшенька принесла маме плед...

И вдруг... в столовой разразился звенящий, истошный крик. Я выскочил из комнаты и увидел сжавшегося в комок на пороге входной двери в дом Арчи и прыгающего на полу попугая. Петюня словно плакала. Я подхватил ее в ладошки и поднес к лицу. Она смотрела на меня и кричала, как будто жаловалась, расправляла крылышки...

Подув на оперение тельца, я увидел вздувшиеся проколы от когтей.

– Папочка, я выпущу котика на улицу, – дочь быстро от-

крыла входную дверь и «тигр» выскочил на веранду.

Потом ребенок подбежал ко мне, и я передал ей птицу. Она укутала Петюню в платочек и прижала ее к своей груди.

– Я с вами рожу раньше времени. Что случилось?

– Не знаю. Наверно, кот прихватил ее лапами, а потом со страху отпустил...

– Ксюша, доченька! Надо птичку попоить.

Что делать и как помочь нашей любимице, мы не знали. Интернет к проблеме был неумолим. Оставалось только ждать – сможет ли птица пережить стресс.

Ближе к полуночи у Сонечки начались схватки. Я отвез ее в больницу. Домой вернулся уже под утро.

Ксюша спала. Рядом с ней на подушке сидела Петюня. Увидев меня, она «чирикнула» и слабо «фыюкнула». Поместив ее между ладошками, я легонько подул на оперение. Птичка словно прилегла на спинку и чуть приподняла крылышки. В моем сердце теплилась надежда.

– Пойдем пить чай.

Опустив пернатую подругу на стол, я налил чаю и присел рядом. Петька забежала по моей руке на плечо и начала тыкать клювиком в мою щеку. Попив теплого, сладкого чаю, она залетела в клетку и присела на жердочке. «Всё обойдется», – проговорил я.

Когда домашнее хозяйство было накормлено, я поискал на дворе кота. Арчи не отзывался.

Зайдя в дом, снял верхнюю одежду и пошел будить дочь.

– Папочка, доброе утро! А где Петюня?

– Она сидит на жердочке у себя в домике.

– А мамочке где?

– Я отвез ее в больницу.

Раздался телефонный звонок.

– Здравствуйте! Вы Варлаам Иосифович...

– Да! Что-то случилось? – сердце сжалось.

– Поздравляем вас с рождением сына! У вас мальчик: вес три четыреста, рост пятьдесят один сантиметр. Поздравляем!

– Спасибо!

– До свидания!

На той стороне отключились.

– Ксюшенька! У тебя родился братик...

– Ура-а-а-а! Папочка, когда мы поедем к мамочке?

– Сейчас умываешься, одеваешься, наводишь в своей комнате порядок и завтракать. Потом позвоним бабушкам и дедушкам, а там все вместе и поедем.

– Ура-а-а-а-а!

Я вошел в столовую. Повернувшись к клетке, увидел на ее дне лежащего попугая. Взял птичку. По моей руке, словно током, прошел холодок. Тельце окоченело.

«Значит, ты со мной попрощалась. А я и не понял. Эх, Петюня, Петюня!», – из глаз вышли слезы.

– Папочка! Папочка! Давай завтракать.

Я зажал в ладошке маленькое тельце и перевел руку за

спину.

– Папка, у тебя слезки. А где Петя?

– Ой! Точно, а где она? Может, вылетела к тебе в комнату? Давай за стол, надо завтракать и к маме ехать. Потом найдем птичку.

Проходя мимо печки, я приоткрыл дверцу, положил тру-пик птицы на угли: «Прощай, Петюнька!».

Ксюшенька девочка умная и взрослая. Она переживала исчезновение пернатой подружки.

– Папочка, я тебя очень сильно люблю. И мамочку сильно люблю. Ты, когда с дровами домой заходил, наверное, не закрыл дверь, вот Петя и вылетела, а на улице мороз... Жалко ее, – и тихо заплакала.

Длинный вечер

– Варлаам, ну, как ребёнок, – Сонечка накрывает на стол, – пойдёшь, переоденься, умойся...

– Минуточку посижу... прямо сил нет...

– Давай! Не ленись...

– Да-а-а! Хватит причитать... Прямо, как бабка старая, – ну, не сдержался..., осёкся и покосился на детские комнаты. Вроде пронесло. Но...

– Что? «Чужой» пришёл? – жена подбоченилась и сверкнула глазами...

– Всё!

– Что «Всё»?

– Будет, – постарался смягчить ситуацию, – сейчас пойду, переоденусь и...

– Чего с темы соскочил. Вот уж на вилах. «Гавкнул» и в кусты...

– Сонь! Не заводись, не надо...

– Что не надо?

Я стукнул ладошкой по столу и, подскочив, пошёл на веранду.

– Пап, ты куда, – Ксюша вышла из своей комнаты.

– Прогуляюсь..., пойду...

– Иди, иди... а то включил тут «директора»..., – Соня не

унималась, – и «Чужого» прогуляй, пусть проветрится...

Я надел шапку, накинул куртку и вышел во двор.

Осенью сыграли свадьбу молодых родственников. Родители подарили новобрачным земельный участок, где мы всем скопом строим дом. Всю неделю на работе, а выходные на «шабашке». Порядок, есть порядок. Когда-то и нам родные и близкие помогали строиться. Сейчас и наш черёд. Обязательно раз в год строим кому-нибудь новое или ремонтируем старое.

На сегодня вывели стены, поставили окна и двери, возвели крышу... Если бы не дожди, давно накрыли бы её и приступили к внутренней отделке и фасаду. Устаешь больше не от работы, а от нервозности.

Ноябрь. Темнеет рано. Не заметил, как вышел за ворота, иду по улице. Редкие прохожие здороваются, я им отвечаю. Дошел до парка, свернул на аллею. Фонари освещают брусчатку. Дует ветерок. Сухая листва путается под ногами. Выйдя на пересечение тропинок, боковым зрением ловлю две тени справа. Всмотрелся. Чудеса! Людей нет, а эти стоят. Нет-нет, моя на месте. А эти откуда?

– Что за чертовщина? – проговорил вслух.

– Никакой чертовщины и не надо его поминать... ещё припрётся...

– Кто здесь? – у меня в ушах зашумело, стук сердца в голове отдаётся.

– Слепенький стал? Не видишь? – моя тень отошла от сво-

его законного места и встала рядом с теми двумя.

– Мать перемать, одна нога в колодец, вторая на асфальт... Что это?

– Присядь. Перетереть надо! – это моя «чернявая»... мне...

Покрутив головой и не увидев ни одной живой души, я присел на скамейку. «Будь что будет, а вечер становится интересным», – только и успел подумать. Усталость, как рукой снялась и проблемы из головы вон улетучились.

– «Чужого» даже не включай, – мне моя...

– А ты «Соню» не копируй. У неё своя «неразлучная» есть.

– Ладно! Давай на скорую, а то холодает. Не всю же ночь здесь торчать по твоей милости.

– По моей? – моя тревога перешла в раздражение.

– Молчать! – одна из двух заголосила, чуть перепонки не порвались, – не умеешь бабу в ежовых рукавицах держать, распустил её. Демократию в семье устроил. Кто в доме хозяин?

– Я?!

– То-то, – вторая заговорила лестным голосочком, – надо перед людьми хвалиться, чтоб от зависти лопались, какой ты есть муж и отец, а жене второй план оставь, пусть казанами стучит, да порядками занимается... и почаще упрекай её за дело и без дела. Тогда в доме порядок будет и уважение тебе.

– Ревности побольше в доме напускай... каждый столб по-

минай и... придирайся, придирайся... они это очень любят, чтоб мужик с ума сходил..., – первая разошлась не на шутку. Говорит и подпрыгивает, извивается, – а оправдываться начнёт, вдарь её...

– Это, что за собрание умалишённых, – я привстал со скамьи и демонстративно закатываю рукава.

– Хозяин! «Чужого» выключи... нас бить, только воздух сотрясать, – рассмеялась моя «чернявка».

– А ну, на место своё законное!

Тень пристроилась и вытянулась от света фонаря. Две пришлые прижались друг к дружке.

– Мы же тебе помочь хотели. Ума-разума прибавить...

– Сам разберусь. Учителя нашлись.

Посадил шапку на макушку и широкими шагами пошёл обратно. «Я вам всем покажу, – думаю, – Кто в доме хозяин!». Тень прыгает по заборам. То вперёд выскочит, то сзади плетётся. Но улыбается и руки потирает.

Вошёл на веранду. Сбросил на пол шапку с курткой. Ботинки: один вправо, другой влево.

– Хозяин пришёл! – одобрительно шепчет тёмный силуэт.

Распахнул дверь, вдохнул уюта домашнего.

– Сонечка, ты спишь? – тихо и нежно произнёс, чтобы детей не разбудить.

Жена из зала вышла, улыбается.

– Тебя, дурачок мой, жду. Где так долго? Чай поставить? Будешь?

– Буду, милая, – только вещи на веранде сложу.

Вышел, всё по местам разложил, повесил.

– Тряпка! – «чернявка» отделилась от меня и к дальнему углу сбежала.

– Да и пусть... лучше подкаблучником в тепле, чем разлучником в... ну, дальше знаешь.

Зашёл, обнял Сонечку, поцеловал.

– Прости, милая, я так перед тобой виноват...

– «Чужой» на улице не замёрзнет? – лукаво улыбнулась супруга.

– Я его на веранде... в угол поставил. Пошли чаёвничать и спать. Завтра рано вставать...

Зелье

Летний вечер. Солнышко пригревает. По своему обыкновению занимаюсь во дворе. Сегодня восстанавливаю кресло-качалку. Сосед хотел выбросить, а такая вещь на террасе пригодится.

Разобрал изделие, разложил, что на верстаке, что рядом поставил. Проверил соединения. «Шпон бы надо склеить для начала», – наметил себе план и пошел за недостающими деталями и инструментами.

А мыслями бегу вперед. Уже и готовлю краску под старую древесину. Лак в гараже яхтный стоит. Остатков хватит покрыть все поверхности. Тогда и дождь не страшен. Кресло прослужит долго.

Клей по дереву у меня на веранде в шкафчике навесном. Летом там не сильно жарко, зимой веранда протапливается, так, что ему испортиться пора придет нескоро.

Открываю шкафчик, достаю коробочки, баночки и... «А это что?», – стоит на средней полке стеклянная банка семьсот-граммовая закрытая крышкой, а на дне, словно черви спрессованные. Потряс. Содержимое слегка шевельнулось монолитом. Открыл крышку, нюхнул: «Боже, что за гадость? Фу-у-у-у-у...».

– Соня-я-я-я!

Вышел с веранды, осмотрелся – нет жены. Обошел дом, на огороде тоже нет.

– Со-о-оня-я-я-я!

– Чего? – супруга вышла на террасу.

– Это что? – я поднес и показал ей банку.

– А это?! Я уж думала, что-то случилось? Зелье, – развернулась, в дом пошла...

– Стоять! Какое такое «зелье»? – у меня внутри все похолодело.

– Приворотное! – и глазом не моргнула, улыбнулась самыми краешками губ и в дом...

– Стоять! Мать перемать через правую на левую... Зачем? Для кого? Что это вообще? Я кого спрашиваю? – я начал заводиться.

Жена подошла ко мне, взяла за руку и подвела к садовой скамеечке:

– Присядь! Успокойся!

– Не хочу «присядь», не хочу «успокойся»... ты... это что?.. зачем?..

– Зелье приворотное. Я тебе по капельке в еду добавляла, чтобы ты всегда был со мной, мой милый... И про других баб не думал...

Я аж подскочил:

– Какие бабы? Ты чего несешь? Я только с тобой, да мне только твои... больше ничьи... да только твоя... бли-и-и-ин..., – я ходил взад, вперед.

Сонечка спокойно сидела и серьезно продолжала.

– А зачем рисковать? Чтобы не было такого, я сварила зелье по древнему рецепту. Надо было на чердаке схоронить. Да, забыла... – она говорила спокойно, тихо, нежно.

Меня словно подменили.

– Это отворотное зелье! Кого завела? Говори!

– Варлаам, ну ты совсем белены объелся. Шуток совсем не понимаешь, – жена изменилась в лице.

– Какие шутки? Ты о чем?

– Да, о банке этой... посмотри внутрь!

– Не буду!

– Открой банку!

– Она воняет! Не буду!

– Дай! – Соня с силой рванула на себя банку, открыла крышку и поднесла ее на уровень моих глаз, – Кишки это поросячьи. Приготовила для колбасы, кровь не привезли... вот и забыла...

– Блин! Понятно! А я...

– А ты! – она сверкнула глазами, – Если еще раз мне такое скажешь, вмиг приготовлю другое зелье...

– Не надо!

– Пойду, выброшу в контейнер...

Я чинил кресло. Руки выполняли привычную работу, а голова кипела фантастическими мыслями. Ночью во сне меня одолевали колдуны, ведьмы, кипящие котелки и голос любимой: «Если еще раз мне такое скажешь, вмиг приготовлю

другое зелье...».

Модели

Ивану исполнилось два годика. Днём за столом присутствовали только самые близкие родственники, чтобы не пугать ребёнка. Отшумели поздравления. Вручены подарки имениннику.

Надо сказать, что наш сын ленился разговаривать и самое большее, что он выдавал это: «Ы-ы-ы-ы!», с указанием ручкой в сторону объекта своей заинтересованности. Вместо «Мама» и «Папа» мы слышали протяжные «Ма» или «Па». Но часто вместо слов было требовательное подергивание за руку, штанину или подол.

Малыш сидит за детским обеденным стульчиком. Складывает кубики, на которых нарисованы животные. Ксения готовит уроки. Соня возится на кухне.

За окном темно. Зима. Слышны порывы ветра.

– Ванечка! Теперь очередь папы вручить тебе подарок, – сын смотрит на меня, идущего в спальню.

Возвращаюсь к столу. Ставлю на него картонную коробочку.

– Смотри! Это самолёт, – ребёнок издаёт звук: «Ву-у-у-у-у», и протягивает ручки. – Да, правильно ву-у-у-у-у...

Со своей комнаты выпархивает дочь.

– Ой! Я думала самолёт на колёсиках, с моторчиком. Я

такой в магазине видела. А это модель..., – возвращается в свою комнату.

– Ксюш, что там? – из кухни выглядывает жена.

– Папа братику купил модель самолёта. И как Ваня будет его собирать? Весь в клею вымажется.

– Варлаам, покажи, – просит Соня, – да-а-а-а, и как он будет его клеить, ему же только два годика?!

– Собирать буду – я!

– В детстве не наигрался?

– В моём детстве такое редко встречалось, да и родители мне всего одну модель купили, как сейчас помню – танк ИСУ-152.

Подвинул сына со стулом ближе к себе, и мы приступили к сборке. Дал Ивану инструкцию:

– Будешь подсказывать!

– Па-а-а, бум! Дайай, – тянется к коробке.

– Ты мне показывай... вот на картинке, какую деталь куда клеить и смотри. Учись!

– Дя-я-я... И-и-ивыво... Ы! – крутить пальчиками по картинке и качает головой

– Правильно говоришь! Эту клеим к этой. Держим! Отпускаем! Смотри! – поднимаю вверх, склеенные детали фюзеляжа.

За этот вечер успеваем соединить несколько крупных деталей.

Вечерами, после ужина, мы с сыном продолжаем собирать

самолет. Он уже держит в ручках корпус, а я аккуратно наклеиваю на него мелкие детальки.

– Ву-у-у-у... амаёт... ву-у-у-у...

– Так! У нас с тобой уже все части по схеме собраны и осталось это всё соединить.

Стыкуем крылья, хвост, накрываем куполом место пилота.

За неделю полностью собрали модель и приступили к покраске, вернее окрашиванию непокрытых мест.

Ваня рисует самолёт. Словно профессиональный художник, он смотрит на меня, на модель, окунает кисть в нужную краску и наносит мазки в альбоме, лежащем на его стульчике.

Я заканчиваю работу.

– Всё! Закончили. Жена с дочерью подходят к столу. МиГ стоит, как настоящий. Смотря сверху, кажется, он на аэродроме.

– Класс! – говорит Соня.

– А куда поставите? – спрашивает Ксюша.

– В комнате у Вани и поставим. Так, чтобы ему было видно с кровати.

– Амаёт! – закричал сын.

Гуляя мы нередко видели низколетающие вертолёты и далеко в небе плывущие авиалайнеры. Реакция маленького Ванятки всегда была одна. Он вытягивался, поджимал ручонки: «Тыды-дыды-дыды-дыды... ву-у-у-у-у!».

К тому времени, как Ивану исполнилось шесть лет, в его комнате под потолком висела крестообразная вертушка. На неё мы навешивали новые модели. Их было всего десять, но это были истребители, штурмовики времён Великой Отечественной войны и нашего времени, тут же были современные вертолётёты.

Сын слегка раскручивал вертушку, выключал свет и направляю луч фонарика на модели, любовался их тихим полётётом, мечтая быть лётчиком.

Всё тайное...

Ксюше исполнилось девять лет. Лето на дворе. Погода радует в этом году: в меру солнышка, дождей достаточно, всё растёт на участке, аж душа радуется.

– Доча! – Соня выходит из нашей комнаты.

– Да, мам!

– Мы с папой в магазин. Пропылесось в доме. Не забудь вдоль плинтусов пройтись.

– Да, мамочка.

Возвращаемся домой, Соня с порога, оглядев прихожую:

– Ксения! Почему не пропылесосила?

– Я всё сделала, мамочка, – дочка выбегает к нам из своей комнаты и разводит по сторонам руками, – посмотрите.

– Варлаам! Почему наша «куколка» обманывает меня?

– Принцесса, почему ты маму обманываешь? – я с большой сумкой прохожу в столовую и начинаю разбирать продукты.

– Папочка, я не вру мамочке, – ребёнок смешно округляет глаза и делает удивленную гримасу, помогая мне.

– Я не буду ругаться, но ты возьми пылесос и наведи порядок, пока мы с папой пойдём полоть. Смотри, – жена наклонилась и подняла небольшую соломинку. – Вот ещё, и дальше смотри... ещё семечка лежит. А мусор на совок

веником сложно было весь собрать? Горе-хозяйюшка, замела в уголок прихожей. Ай-яй-яй...

Соня полет грядки у дома, я сбиваю тлякой сорняк по картошке. Не работа, а наслаждение. Солнышко светит, тело загорает. Никакого курорта не надо.

Поработав, принимаем с женой по очереди душ во дворе и идём в дом.

– Варлаам! Придётся дочь вести к врачу! – только переступили порог, говорит Сонечка.

– Зачем? – я чуть не упал. – Что случилось?

– Она опять не пропылесосила в доме, – супруга мне подмигнула.

– А-а-а-а...

Ксюша выскочила нам навстречу.

– Мама я всё сделала. Смотри: ни веточек, ни соломинок... и мусора нет в прихожей...

– Молодец! – Соня идёт в нашу комнату. – Подмела. Полы и плинтуса влажной тряпкой протёрла... Но не пылесосила...

– Почему? – девочка искренне удивляется. – Как ты догадалась?

– Во-первых, я полола грядки под окнами, а пылесоса, рычание которого слышно в конце села, не услышала, – на манер дочери, жена развела руками. – Во-вторых, присядь и посмотри на лакированную крышку стола в зале. Видишь пыль? После пылесоса её там нет. Давайте обедать. Пропы-

лесосишь, пока мы с папой пойдём к бабушке с дедушкой за Ваняткой.

Пришли к родителям, а тесть люстру меняет. Я подрядился помогать, жена с тётцей и сыном во дворе. Двум мастерам «околовсяческих» наук люстру повесить, что подкурить. Раз и... Провозились часа два. То крепления не подходят, то провода не так соединили. А в конце тётце не понравилось, говорит: «Низко висит». Сняли всё. Разобрали крепление, подпилили, собрали и повесили.

Домой пришли счастливые. Настроение хорошее.

– Доченька, завтра идем в поликлинику! – Соня прошлась по дому.

– Mamочка, я всё сделала. Правда!

– Ты у меня умничка. Правда всё сделала: подмела; везде плитуса и полы протёрла: пыль со столов, шкафов и подоконников вытерла... Но не пропылесосила.

– Мама, как ты догадалась?! – Ксюша тяжело вздохнула и опустила руки.

– Так пылесос, как стоял разобранный на веранде, так там и стоит. Я его вчера помыла и оставила сушиться, – жена рассмеялась. – Иди, собирай и пылесось половики с коврами.

Девочки вдвоём завершили уборку, пока мы с сыном на кухне чистили овощи на ужин.

– Папочка! – Ксения тихо, оглядываясь, чтобы не слышала Сонечка. – А к какому меня мама врачу завтра поведёт?

– Для начала к «ушнику».

– Такого врача нет! – дочь смотрит на меня, но видя, что я не улыбаюсь, молча, соглашается и вздыхает.

– Он проверит, все ли ты слышишь слова. Бывает так: здесь слышишь, а здесь нет, – для полной убедительности я жестикулирую.

– И всё?

– Нет! Потом к «глазюку». Вдруг ты плохо видишь. Соломинки и семечки от веника ты же не увидела...

– Да-а-а-а, – вздыхая, соглашается принцесса.

– А потом с анализами и результатами к «правдорубу»...

– Это кто? – в глазах появился испуг.

– О-о-о-о, это тот, кто выравнивает... стрелки правды на часах жизни...

– Спасибо, папочка! Я лучше буду пылесосить!

Из кухни на нас смотрела и улыбалась Соня.

Раз, два...

После работы спешим с женой домой. У Ксеньки каникулы. Она забрала братика из детского сада. Ждут родителей.

– Сонь, ты сильно устала? – кручу баранку, машина катится по нашему селу.

– Есть немножко. А что?

– Может, я не буду загонять машину? Возьмём в магазине купаты, заберём детвору и на речку. Посидим, отдохнём...

– Двумя «клевнями» – За! Как говорит наш кум.

Заскочили в местную торговую точку, взяли пачку замороженных мясных полуфабрикатов, хлебушка, сладкой водички и банку кукурузы.

– Ваня, Ксенья, где вы? – жена кричит, войдя в калитку.

Из-за сарая выходят два «чертёнка».

– Вы что делали? Чего такие грязные?

– Домик за сараем, – бодро отвечает дочь.

– Быстро к рукомойнику! Руки, лица моем, вытираемся и в машину.

– Куда едем? – деловито спрашивает принцесса.

– На речку!

– Ура-а-а-а, – сынишка смешно вырывается из маминых рук и бежит к машине.

Выехали к Дону. Здесь берег обрывистый, а тропинка по

кустам ведёт к плёсу. Мы часто сюда приезжаем.

У воды никого нет. Я собираю сборный мангал. Соня разрывает упаковку с купатами, чтоб немного разморозились. Ваня с сестрой бросают плоские камешки, соревнуясь в количестве «блинчиков», шлёпающих гольшей по водной поверхности.

Солнышко ещё высоко. Пригревает славно. Берег закрывает нас от ветерка.

Ксюше ещё не исполнилось десяти лет, а Ванятке идёт четвёртый.

– Пап, а у тебя удочка в багажнике? – дочь собирается подниматься по тропинке.

– Да! Сразу сумку носи сюда...

Налаживаю спиннинг, и Ксюша отходит в сторону. Забросив крючок, следит за поплавком.

– Доча, а рыбка у тебя на что ловится? – мама с удивлением смотрит на ребёнка.

Ксюша поворачивает голову. В глазах немой вопрос. Тяжёлый вздох и она крутит ручку катушки.

– А у нас есть на что ловить?

– Возьми в багажнике лопатку. Копни наверху в траве... червей и насаживай...

– Фу-у-у-у, гадость...

– Держи, – Соня выкладывает купаты на барбекюшницу и подаёт дочери вывалившийся кусочек мяса.

Счастливая дочь ловко забрасывает крючок с наживкой в

воду. Со стороны смешно за ней наблюдать. Деловая, лицо серьёзное.

– Ваня, а ты чего там? – сын сидит на прибившейся коряге, весь сжался, лицо хмурое.

– А я?

– Что ты, сынок?

– А я – рыбку ловить?

– Второй удочки нет... дома осталась, – я развожу руками.

– Да-а-а-а, – вздыхает ребёнок и также смешно делает ручки в стороны. – Нет!

– Да мы с тобой... смотри, сейчас быстро...

Колбаски уже прожариваются на мангале. Соня готовит импровизированный столик на перевернутом ведре.

Я роюсь в своей сумке со снастями. Извлекаю леску, ножнички. Отламываю веточку от коряги, на которой по-прежнему сидит сын. Быстро наматываю леску, отрезаю её и навязываю небольшой крючок:

– Вот! – протягиваю Ивану.

Он берёт конструкцию в ручки, осматривает. Потом смотрит на спиннинг в руках сестры и переводит взгляд на меня. Плечики поднимаются, личико вытягивается в удивлении:

– Па-а-а-а...

– Мы сейчас с тобой столько наловим, что и на уху хватит, и дома мама нам поджарит.

– Чего ребёнку голову пудришь? – как-то не по-доброму супруга делает мне замечание.

Беру сынишку за руку, и мы с ним уходим по берегу в противоположную сторону от Ксюши, прихватив с собой баночку с кукурузой.

– Мама, я поймала! – Соня помогает дочери снять рыбку. Насаживает хлебный мякиш, и отправляет крючок в воду.

– Можно ужинать, – говорит жена и присаживается у стола.

Ваня держит веточку. Я немножко, буквально на метр разматываю леску, насаживаю на крючок одно кукурузное зёрнышко.

– Вот, видишь ямку под водой? Ага! Вот! Опускай потихонечку... молодец...

Кукурузинка колышется, играя по течению... и вдруг... Раз, два и её «Цап!».

– Тяни!

Сын вытягивает среднего карасика.

– Рыба!

– А, то...

С тем же зёрнышком снасть опускается в воду... Раз, два и «Цап!».

С каждым опусканием крючка, Ваня громко считает: «Раз, два», – и «Цап!»

– Соня, неси пакет из-под хлеба...

Солнышко клонится к закату. Ветерок разгоняет рябь, поднимая небольшую волну на реке.

– Вот и поужинали на природе, – говорит Сонечка. – Дома

поедим с чаем. Рыбаки, вы мои дорогие.

Сворачиваю спиннинг. Ксюша поймала три подлещика. Смотрит на два полных пакета с карасями, выловленных братом.

– Папа, так не честно. В следующий раз две баночки кукурузы покупайте.

Штабик

– Сонь, не отвлекаю? – стараюсь говорить в трубку негромко.

– Нет... всё нормально. Говори!

– Давай сегодня не задерживаться. Сразу с работы домой!

– Что-то случилось? – голос жены с ноткой тревоги.

– Нет! Просто тесть звонил, просил «партизан» забрать пораньше...

– Что они натворили? Ладно, не говори. Я маме сейчас перезвоню.

– У них всё хорошо. Они с бабушкой и дедушкой. Не нагоняй ветра. Приедем, сюрприз будет...

Ехали молча. Я, как-то волновался после слов тестя: «Приедешь, приведёшь в первозданный вид постройку в саду!». Старался не подавать виду, чтобы не волновать мою любимую. А сердце так и ёкало: «О какой постройке он говорил? Что там дети натворили?». А последние слова тестя в трубку: «Забирайте и больше их к нам не приводите!», – беспокоили аж до боли в сердце.

Во дворе родственников тишина. Собака, обычно встречающая нас милым потягиванием и вилянием хвоста, лежала в тени будки, перемещая за нами взгляд.

Я присел у столика на скамейку, а Сонечка вошла в дом.

– О! Зя-я-ять не хрен взять... – когда Абрамыч так говорит, значит, случилось нечто из ряда вон выходящее.

– Папа! – я театрально вскочил на ноги, расправил крылья и пошёл навстречу тестю.

– Хватит паясничать. Воспитал «партизан», а мне красней из-за них перед соседями. Сидай! – мужчина хлопнул по скамейке рядом с собой. – Что делать будем? Ты знаешь, сколько мне должен?

– Вы вначале скажите, что случилось...

– Ничего... скоро своими глазами всё увидишь, – Абрамыч забарабанил костяшками рук по крышке стола.

– Папа, а дети где? – на крыльце стояла улыбающаяся Соня с мамой Глашей.

Улыбка жены и тёщи меня успокоили... однако...

– Арестовал я их... в карцере сидят!

– ?!

– Да, вон в летней кухне я их закрыл. Бабка ужин дала, не пороть же голодными, – только сейчас я понял, что тесть говорил нарочито громко, чтобы его слышали внуки.

Подмигнув мне, хозяин двора направился в сторону строения у дома, открыл дверь:

– Берём свою одежду и выходи во двор... Трибунал будем учинять.

Первым вышел Иван, за ним Ксюша. На сыне была душегрейка длиной подолом и рукавами в пол, а на дочке старая дутая куртка, также от головы до пят. Если бы они равно-

мерно покачивались из стороны в сторону с каждым шагом, то можно было сказать «идут пингвины». Я еле сдержался, чтобы не рассмеяться. Боковым зрением увидел улыбающуюся тещу и жену, которая обняла мать и спрятала голову за её спину. Плечи у Сони сотрясались так, что не было ясно, плачет она или смеётся.

– Вот, понимаешь... довели мать. Смотрите, уже плачет..., – тесть шёл за внуками, словно конвоир. – Стой! Етить вашу... На ле-е-е-е... Ву!

Над двором нависла такая тишина, что было слышно дыхание муравья, перетаскивающего хлебную крошку по столу.

За спинами внуков дед погрозил кулаком и бабушке, и мне. Мы сделали серьёзные лица.

– Ну! Кто первый будет слово держать? По старшинству или мужику слово дадим? – дочь тяжело вздохнула, – Значит, первая будет говорить старшая по «партизанскому отряду»!

Теперь тишину нарушали тяжёлые вздохи детей.

– Говорите уже, не томите. Чего нашкодили? – я не сдержал улыбку.

– Мы штаб построили? – приободрилась Ксения.

– Та-а-ак. А дед чего ругается?

– Да, мы..., – внучка посмотрела на дедушку и..., – Пап, понимаешь! В штабе должен быть стол, стулья, ручки, карандаши, бумага, машинка печатная, лампа, а для неё свет провести...

– Стоп! – Абрамыч стукнул себя ладонью по бедру. – «Ко-ко-ко» и «Ко-ко-ко»... скоро солнышко сядет, а батьке вашему ещё работать... в темноте будет всё восстанавливать?

Хозяин присел за стол:

– То, что они строительством занимались – не жалко. Хозяйственные, ёсики-колёсики. Так они ещё за линию фронта в разных направлениях выходили, у соседей, что не так лежало, собрали. Я уже разнёс по местам... От чего отказались, вернул в ихней «штаб»... Ладно! Хватит вас томить, пошлите!

– А что на вас за одежда? Где вы это старьё нашли? – спросила детей Соня.

– Это форма партизанческая, – гордо сказал сын.

– А-а-а-а...

– Снимайте и возле будки положите. Тарзану на зиму подстелем в будку, – улыбнулась бабушка.

Абрамыч шёл впереди, ведя нас вглубь приусадебного участка. Так наискосок в правый угол. Когда мы дошли до строения типа летний туалет, то смех сдержать уже не получилось. Смеялись так, что все собаки в округе начали лаять.

Строение нас встретило прибитой сверху фанеркой, на которой красной краской было написано «Штабик». Поверх досок были краской проведены белые и чёрные полосы. Справа пристроенный скелет из спиленных веток и дедовских брусков.

– Это, что?

– Коней привязывать, – пояснила Ксюша.

Слева к стенке закреплено старое велосипедное колесо без покрышки.

– А это...?

– Руль! – сказал Иван.

– Нет! Это штурвал. Мы же на земле партизаны. А на море – моряки, – перебила брата сестра.

– «Пираты»! – подправил дед. – Ой, затёк... не туда смотришь. Зри в корень, – Абрамыч открыл дверь туалета. – Смори, как ёсики-колёсики ровненько досточки нашили на пол... что, как говорится, ни щёлочки. Куда бабе с дедом бегать коней привязывать?

– Вот! – Ксюша показала на конструкцию.

– А стеночки по кругу... А? – не обращая внимание на внучку, продолжал хозяин. – Фанерочки, картоночки... и как ровненько, гладенько. О, какая отцу замена то растёт...

Там же был откидной столик, два стульчика-чурбачка, вешалка, полки, зеркало и лампа с абажуром.

– А лампа вам здесь зачем? Розетки же нет, – проговорил я... как видно зря.

– Вот за этим делом, Варлаам, дед их и споймал, да в плен взял, – проговорила тёща.

– Аглая Иннокентьевна, за каким делом? – у меня мурашки пробежались под лопатками.

– Так они у деда в сарае набрали проводов разных, соединили... а потом связь и свет вели до сортира, – вздохнула

бабушка. – Не хотели вас расстраивать, но шила в мешке... Варлаам, ты их не наказывай. Дед им уже всё вбил в их головы молодые.

Веселье улетучилось. Соня побледнела, а меня затрясло, как представил, что могло случиться, если бы не дед.

– Спасибо, отец! – я обнял тестя.

– Ой, ещё слезу, как баба пусти...

– Хи-хи-хи..., – прозвучало дуэтом снизу.

– ?! – я только взглянул, детей, как ветром сдуло.

Переодевшись, я за час всё родственникам привёл в порядок. А скрученные детьми провода выкопал, сложил в пакет и, вместе с остальными обрезками из сарая, отнёс в мусорные баки за двором.

Мисочки-тарелочки

После неудавшейся попытки провести свет в «штабик», и его полное приведение в соответствие с первоначальным предназначением, наши дети были наказаны. Им запрещалось покидать пределы двора на целый месяц, а также приглашать друзей в гости.

Встречи только через забор, беседы по телефону, но после проведения ежедневных работ по дому.

Пока мы с Соней были на работе, за домом неусыпно следили, как родственники, так и соседи. Во время пресечения попыток покинуть двор, на окрики «доброжелателей», наши воспитанные сын и дочь отправляли им воздушные «рожицы», «ушки», «язычки» и различные фигурные комбинации из пальчиков.

– Ваня, встречай! – жена входит во двор, я открываю ворота.

– Мама! – сын помогает нести пакет.

Загоняю машину во двор, вхожу на веранду. Дома слышны строгие вопросы супруги и резкие ответы Ксюши.

– Варлаам, чем пахнет в доме? – спрашивает Соня, я втягиваю воздух.

– Похоже на освежитель воздуха... но есть ещё присутствие...

– Жареного, – перебивает хозяйка.

– Нет, не похоже... отдалённо пирогами..., – заключаю и прохожу в нашу комнату.

– Ксюша, даже папа сказал, что пахнет пирогами. Что ты пекла или жарила?

– Мамочка, ничего...

Слышно хлопанье дверцами шкафчиков, шорканье чего-то в столах, выдвигание ящичков.

– Ничего не понимаю... Всё на своих местах. Дома полный порядок, но этот запах, – любимая входит в комнату, мы переодеваемся. – Ну, ты чувствуешь, что пахнет жареным?

– Сонь! Лето на дворе. Окна открыты. Наверно, детвора днем дверь на веранду открывала... Не в первый раз запахи от соседей в дом затягивает...

Девочки готовят ужин, мы с Иваном уходим поливать грядки и огород.

– Варлаам, посмотри в летней кухне плоскую эмалированную мисочку!

– Нет её здесь...

Ужинаем на улице. Вечерняя прохлада, пение ласточек, уходящее на закат солнышко, щекочет глаза.

Ещё в течение двух недель, приезжая домой Соню тревожили запахи либо жареного, либо печёного..., либо чего-то непонятного или подгоревшего. На что дети разводили руками и «выпучивали» глаза, делая удивлённые и совершенно невинные лица. Я выдвинул свою версию происходящему:

– Соня, а ты случайно не беременная?

– Варлаам, хватит из меня дуру делать. Ладно, запахи, но у меня на кухне пропала плоская эмалированная миска, две глубокие тарелки, старая литровая кастрюлька и блинная сковородка... старая... Что это, по-твоему?

– Кузька шалит!

– Какой Кузька?!

– Домовой! Надо молочка с хлебушком ему на веранде поставить и в погреб водичку с солью, может голодный...?

– Не мели Емеля, не твоя неделя, – смеётся жена. – Придумал на ходу...

Я подметаю во дворе опилки, после работ по дереву. Ваня и Ксюша чем-то заняты возле ворот. Кот Барсик сидит на лавке, наблюдая за тем, как Соня на столе разделявает курицу.

Что-то упало или прокатилось в летней кухне и сильно ударило о дверь изнутри.

– Ой! Что там? – жена аж дёрнулась с испугу.

Барсик изогнул спину, поднял хвост и зашипел, «приклеившись» взглядом на входную дверь строения.

– Я ж говорю, Кузька развлекается, – стараюсь произнести спокойно, а у самого ком в горле встал: «Что там? Или кто там?».

Открываю аккуратно дверь, и на улицу выкатывается кастрюлька.

– Пропажа нашлась, – всплеснула руками Соня.

Вытирая руки о фартук, она подошла и подняла литровую кастрюлю.

– Ого! А в чём это она? – мы смотрим на детей, которые всё это время наблюдали за нами. – Я вас спрашиваю... Ксения, это что?

Дочь натянуто улыбнулась. Глубоко вздохнула, приподняв плечи, и... выдохнула.

– Та-а-а-ак! Деду с бабушкой чуть «коротыша» не запустили, теперь дома хозяйничаете и маму...

– Козинаки! – выкрикнул сын. – Конфеты делали жевательные с орешками...

– А-а-а-а... а, где остальная посуда?

Дети, молча, плечом к плечу прошли в летнюю кухню, откуда вынесли миску, тарелочки и сковородку.

– А ты говоришь – беременная. Тут третьего принесёшь, а этих бандитов куда? Их надо на привязь сажать, когда уезжаем.

Соня очень сильно расстроилась. Кастрюля и миска были напрочь испорчены сильно подгоревшими продуктами, а тарелки и сковорода испачканы тестом.

– Я же вам каждый вечер на завтра варю свежее. Если хотели блинчиков или сладостей, можно было вместе приготовить.

Нет худа, без добра. До конца летних каникул Соня передавала кулинарные знания дочери. Теперь Ксюша каждый вечер нас встречала с работы то блинчиками, то пирогами...

а со временем тортами. Правда, по выходным дням радовала.

Ондатра

Ранняя весна. Утром пригревает солнышко, в проталинах бегут ручьи. С крыш свисают гирлянды плачущих сосулек. А вечером ещё подмораживает, может сорваться ветер и пройти легкий снежок, кружащий позёмкой по дорогам и открытым местам нашего села.

– Ваня, ты всё сложил в портфель? – Соня проводит профилактику перед школой.

– Угу!

– Дневник не забыл?

– Угу!

– Что «Угу»?

– Взял, – выдыхая, в столовую входит второклассник и подходит к столу.

Мы с женой и дочерью уже завтракаем.

– Варлаам, когда ты поговоришь с этим «чертёнком», как мужчина с женщиной?

– Ему ещё про это рано, – я с удивлением смотрю на Сонечку.

– Я не про то, а про... посмотри на него.

Ваня шморкнул, вытер рукавом рубашки губы и, опустив руки, поправил брюки.

– Ты видишь? – супруга улыбается. – Твоё создание даже

не может заправиться правильно и расчесаться.

– Ваня, ты же будущий мужчина, солдат... как ты в таком виде будешь защищать нашу Родину? – начинаю воспитательный процесс.

– Угу! – присев на стул и пережёвывая бутерброд, выдавливает наше чадо.

– Сонечка, ты видишь, ребёнок ещё спит, – поворачиваюсь к жене, – давайте поедим спокойно, потом я ему помогу.

– Нет, добренький папа, пусть он сам тренируется, – свела брови мама и посмотрела на сына. – Сегодня никаких гуляний! Со школы сразу домой. Уроки сделаешь и тренируйся приводить себя в порядок. Ксюша, проконтролируешь!

– Хорошо, мамочка! Спасибо! – дочь выходит из-за стола.

В тишине заканчиваем завтрак. Пока супруга убирает со стола, привожу внешний вид сына в идеальное состояние.

– Учись, сынок. Вот смотри, разглаживаем двумя руками рубашку назад, выравниваем складку и надеваем брюки. Застигнулся, оправился. Ну, как конфетка. А где расчёска? Давай сам.

День проходит относительно спокойно. Я мотаюсь по адресам, занимаюсь квартальными отчётами. Соня на обратном пути делится своими рабочими вопросами.

– Ксюша, а почему Ванькина форма на верёвке во дворе? – войдя в дом, спрашивает жена.

– Я постирала. Скоро сниму, проглажу, – дочь сидит в зале, рисует на разложенном ватмане.

– Что-то случилось?

– Ваш сын мышку принёс. Пока её вытаскивал, испачкался, – смеётся Ксения.

– Мышку?! – мы застыли в недоумении.

– На веранде в коробке. Ваня ей и соломки подстелил, и старые тряпки из сарая принёс, говорит, что она болеет.

Одновременно выскакиваем на веранду. На столе картонный ящик. Рядом сидит Барсик, пытающийся сдвинуть крышку, прижатую камнем.

– Барс, уйди, – отодвигаю кота, приоткрываю коробку.

На нас прищуренными и опухшими глазами смотрит большая крыса, шевеля усами, втягивает воздух в нашем направлении. Видно, мы не представили для неё опасности, и она, отвернувшись, легла в гнездо, приготовленное сыном.

– Судя по хвосту – ондатра, – я опешил.

– Да! И явно больная, – проговорила Соня.

– Мама, ты не будешь ругаться? – к нам выходит Ваня.

– Откуда? – супруга указывает пальцем на ящик. – Она тебя не укусила?

– Нет! Мы это. Ну, с Ромой. Там, – неопределённо машет рукой в сторону. – Когда со школы шли. Там вот та, ну... Пап, помнишь, машина лежит у дороги.

– Кузов старого «Москвича» от дроги в сторону реки, – присаживаемся к столу.

– Ага! Мы эти, ну, там кораблики пускали и там...ну вот мышка больная. Её собаки в машину ту там загнали, а мы их

отогнали. Потом вытащили мышку, она не хотела выходить. Я взял её за хвост и принёс, – выдохнул рассказчик.

– За хвост? – удивляюсь я. – И она тебя не укусила?

– Неа... она висела, и эта там, ну молчала...

– Интересно, а почему Рома её к себе домой не понёс? –

Соня смотрит на нашего спасателя с улыбкой.

– Ну, у него эта там бабушка ругаться будет, – смотрит на нас, – а вы, ну там... вы добрые. Мам!

– Что «Мам»?

– Мы её вылечим и отпустим, – хитро улыбается.

– Если Барсик не сожрёт, – добавил я.

– Мама, папа, вы ужинать идёте? – выглянула Ксюша.

После ужина я из старого корпуса стиральной машинки «Малютка» сделал нечто похожее на клетку. Выпилив округлый угол с одной стороны, заменил его куском металлической сетки. Крышка закрывалась плотно, поэтому меры предосторожности были соблюдены, и домашний хищник не достанет «нашего гостя».

Соня созвонилась с ветеринаром, промыла ондатре глаза, протерла каким-то раствором шерстку, лапки и хвост. В новое жилище поставили миску с кошачьим кормом и баночку с водой. Водяная крыса переселилась и заснула.

Видно, отогревшись, ондатра пришла в себя. Через сутки мы боялись открывать её убежище, так как она прыгала и издавала угрожающие звуки.

– Так никто не подходит. Не хватало, чтобы она нас всех

покусала, – поступило распоряжение от Сони. – Варлаам, ты будешь ей давать корм и подливать воду...

– Конечно! Как только забрезжило опасностью, кого не жалко в этом доме... пусть папу съест это дикое животное...

– Перестань, – жена не позволила мне договорить свою тираду.

Долго разговаривая по телефону с ветеринаром, супруга, получив советы специалиста, заключила:

– В ближайшие выходные отвезём ондатру в зоопарк! Там и условия, и врачи!

Кораблик

Весна. Апрель. Ванюшке было шесть. Ксюша уже двенадцатилетняя барышня. Мы с Соней готовим приусадебный участок под посадки. Детвора гуляет на улице.

– Папа, – Ваня тяжело дышит, видно бежал, – Ксюша неправильно делает кораблики из бумаги, они тонут... покажи ещё раз.

– Смотри!

Я беру листок, и на садовом столике, показываю сыну, как правильно сложить лодочку.

– Понял? – смотрю ему в глаза.

– Ага! Я сам сделаю...

Достаю с полки в сарае плотный лист бумаги и передаю молодцу. Ваня складывает его пополам, загибает и разглаживает углы, ловко заканчивает работу, и на столе стоит лодочка с парусом.

– Молодец! Беги к ребятам.

И пяти минут не прошло, он возвращается во двор.

– Папа, они намокают и тонут...

– Можно вот так, – я захожу в дровник, сдираю кору с полена. – Смотри! Это будет лодочка, это парус... мачта.

Топориком ловко откалываю полоску от обрезка рейки. Ножом зачищаю, делаю округлую форму, затачиваю один ко-

нец и...

– Вот тебе деревянная лодочка с парусом.

– Ура-а-а-а! – сынок берёт кораблик и счастливый убегает со двора.

– Варлаам, ты парходиками будешь заниматься или рейками? – Сонечка подперла руками бока.

– Конечно, рейками..., – включил циркулярку и начал распускать доску.

Боковым зрением увидел рядом стоящую дочь. Обесточил механизм.

– Что?

– Папа, так не честно. У Вани деревянный кораблик, а у меня бумажный... он тоне-е-е-т...

Несколько ловких движений, и Ксюша выбежала на улицу самым счастливым человеком.

Напилив реек, собираю мозаику под будущую помидорную ботву, перехожу к огуречной грядке. Во двор входят дети. По внешнему виду чем-то очень сильно озадаченные.

– Папа, давай сделаем большой парусник, чтобы он по реке плавал.

– Так он же уплывёт?! – Соня смотрит на детей.

– Да, но он будет плыть красиво и всем будет весело...

– То есть отец вам сделает, а весело будет... Кому?

– Нам всем. Толик тоже побежал к родителям. И Серёжка побежал..., – сказал Иван.

– И Даша с Катей... пошли просить пап сделать парусни-

ки. А старшие ребята сами будут делать, – поддержала брата Ксения.

– Ого! – только и вырвалось у меня. – У нас будет праздник?

– Да! Мы на улице решили, что сделаем много корабликов, и пусть они плывут... по Дону в Азовское море...

– Весело! Согласен! – я улыбнулся.

– Делайте, что хотите, я пошла обед готовить. Через час все за столом!

Из обрезков я извлёк брус десять на десять, около тридцати сантиметров в длину.

– Пойдёт? – спрашиваю заказчиков.

– Маленький будет, – отрицательно качают головы дети.

– Та-а-ак..., – порылся и нашёл обрезок шириной и высотой побольше. – Ну-у-у?

– Да! – в мою сторону вытянуты руки с задранными вверх большими пальцами.

Работа закипела. Циркулярка, фуганок, болгарка, дрель, стамеска, киянка, молоток... Заказчики не мешали. Кивали головами, показывали пальцами рук букву «О» и одобрителем выставляли торчащие вверх большие пальцы. Правда, и от помощи не отказывались. Что просил подрядчик, всё подавали быстро или поддерживали изделие, которое с каждой минутой приобретало очертания корпуса корабля.

Конечно, не шедевр, но и мы не корабелы, а через час на столе во дворе красовался небольшой двухмачтовый парус-

ник. Снизу корпуса плавниковый киль. На мачтах по три реи. Бушприт коротковат, да нам к нему штаги не крепить и паруса на нём не будет...

– Руки мыть и за стол! Обедать! – на крыльцо вышла Со-
нечка. – Ух, ты?! Варлаам, ты мастер!

– Скажешь тоже. Мы в школе на уроках труда их делали, разве не помнишь?

– Такие тогда не получались, – с восхищением прогово-
рила жена.

За обедом с детьми договорились, что покраска за ними, а у мамы попросили на паруса обрезки плотной ткани.

Ближе к вечеру наш корабль был готов к дальнему плава-
нию.

Ваня и Ксюша сбегали на разведку. Выяснилось, что не всем удалось завершить начатое, а кто-то и не начинал. Но в состав флотилии входило семь парусных судов различного типа.

Солнышко стремилось на запад, освещая путь поселковой детворе и их родителям. Вышли на берег реки. Все парусни-
ки спущены на воду и, подхваченные ветром, устремились
вниз по течению, покачиваясь на волнах.

– Эх, надо было сделать на них фонарики, – кто-то посе-
товал из мальчишек.

– И моторчики, – раздался голос с другой стороны.

– А сколько дней они будут добираться до моря?

– А это вам домашняя задачка! Скорость, время, расто-

яние, – рассмеялся отец Серёжи.

Уже в сумерках счастливая детвора и взрослые возвращались домой.

Шашки

Вот время бежит. Не успели оглянуться, Ваня пошёл во второй класс. Ксюшины одноклассники взяли шефство над второклашками. Получается, сестра держала брата постоянно под своим вниманием и защитой, что в школе, что дома. Нет, он, конечно, вырывался из-под её опеки, но опыт Ксении всегда брал верх.

– Папа! У нас через неделю в субботу будут соревнования по шашкам, – с гордостью сообщает Иван. – Меня записали в первую команду. Мы вначале будем играть между одноклассниками. Это до обеда. А после... между классами...

– Молодец! – я протягиваю руку и пожимаю ладонь юного «гроссмейстера». – А ты умеешь?

– Да, чего там уметь...

– Давай сыграем? Кто проиграет, – я почесал затылок, – тот пойдёт мыть машину.

Парень, молча, кивнул. А что? Пятница. На выходные ехать никуда не собирались. Машина на понедельник будет блистать чистотой.

Достаем из выдвигающего ящика стенки доску с фишками, и уходим на веранду.

– Мальчики, вы куда? – Соня, провожая нас взглядом из кухни.

– Ваня будет меня учить играть в шашки!

– А он умеет?

– Мама, я умею! – твёрдо заявил «чемпион».

Присели за стол, расставили шашки.

– Я белыми! – отрезал сын.

– Тебе и начинать! – как тут поспоришь.

Блиц состоялся в три минуты. Молодое дарование, шмыгнув носом, встал из-за стола и пошёл на улицу:

– Ты, куда?

– Машину мыть!

– Давай ещё два раза. Один ничего не показал. А машину вместе вымоем...

Два следующих блица ознаменовали уверенную победу старшего поколения.

Пока моем автомобиль, поясняю Ивану про игру, настраиваю его, что надо в первую очередь не спешить.

Я убираю шланг, он протирает кузов и стёкла сухой тряпкой. Сидя на лавке у стола во дворе, за нами наблюдают две пары глаз. Барсик спокойно и величаво, а Чарлик, покачиваясь, переминаясь с лапки на лапку.

– Ну, что, сынок, пойдём ещё одну сыграем партию?

– Ты у меня выиграешь...

– Назад пути нет! Надо тренироваться. Ты уже в команде!

Или ты хочешь, чтобы мы с мамой за тебя краснели?

– Нет, не хочу, – грустно вздохнув, проговорил семейный шашист, – пойдём.

Чарлик издал нечто похожее на «Тяв», но, как бы с пережёвыванием звука.

– И то дело... пошли с нами, – открыв дверь на веранду, пригласил четвероногих болельщиков.

Уже середина октября. И вечереет раньше, и прохладно сидеть на улице.

Занимаем места напротив друг друга. Барсик с левой руки сына, Чарлик у моей правой. Начинаю объяснять ребёнку правила игры с основ, объясняю те или иные премудрости. Проигрываем с ним несколько партий, в ходе которых он схватывает, как вынудить противника сделать неверный ход или подставиться, как расставить позицию, чтобы срубив две, три шашки выйти в «дамки».

– Игроки, пошли ужинать. О! Да у вас здесь прямо соревновательный процесс? А это тренерский состав или рефери, – Соня смеётся, показывая на кота и пса.

В субботу и воскресенье стараемся по-очереди: я, Ксюша и Соня, состязаться с молодцем.

– Ура-а-а-а-а..., – в какой-то момент тишину взорвал радостный крик сына, – я выиграл у Ксюши...

Ближе к вечеру второго выходного дня эти «ура-а-а-а» повторялись многократно. Ученик превзошёл своих учителей, выигрывая то у меня, то у своей сестру. Мама не имела ни одного поражения.

– Главное не спеши и, возможно, у тебя получится обыграть..., – напутствовал я. – Правда... я с мамой больше не

играю. Она всегда выигрывает.

– Почему?

– Так она в школе была чемпионкой и даже на районных соревнованиях первое место взяла.

– Я её всё равно победу...! – заключил юный спортсмен.

Все турниры выходного дня и каждый последующий день рабочей недели, проходили под внимательными и неусыпными глазами, не на шутку заинтересовавшимися игрой, Барсика и Чарлика. Бывало, они отлучались, но, только услышав начало очередной партии, тут как тут сидели рядом.

Неделя прошла быстро. Накануне школьных соревнований, решили вечер пятницы посвятить игре, чтобы закрепить приобретённые навыки сыном. Он сидел на одном месте, а мы менялись. Животные сидели рядом с торца стола, уместившись на одном стуле.

Каково было наше удивление, когда во время игры Чарлик издавал отрывистые скулящие звуки, а Барсик хлопал лапой по столу. Если пёс издавал протяжный звук, кот сидел смирно. Начали наблюдать. Оказалось, как только Иван собирался сделать неверный ход, тут же отрывистое скуление и похлопывание по столу. Посмеялись над нашим питомцем и четвероногим соседом.

После соревнований дети вернулись в приподнятом и возбуждённом состоянии, но такие счастливые. Сын был одним из лучших среди одноклассников, а между вторыми и третьими классами вышел на второе место в личном первен-

стве.

Вечером решили отпраздновать это событие. А тут ещё Павел с Зоей, пришли в гости, сказать спасибо за помощь. Две недели назад я помогал им разбросать и спаять полипропиленовые трубы по участку для удобства полива. Заодно и два крана организовали, чтоб руки помыть после работ.

Весело посидели на улице. Как сумеречно стало, решили перебраться на веранду. Здесь Павел увидел шашки:

– Ваня, давай сыграем?

Разместились мы вокруг игроков. А кот и пёс крутятся вокруг сына и жалостливо так что-то просят.

– Ксюш, Варлаам, им надо поставить табуреты..., – Соня первая сообразила.

Так и сделали. Барсик восседал слева, а Чарлик справа от второклассника. Павел растёр руки, смешно крикнул:

– Ну, поехали!

Первая игра закончилась в пользу соседа. Ребёнок слегка расстроился, но держался мужественно.

– Ну, начали!

Во время второй партии, животные включились в дело и... Как только Иван тянул руку, чтобы сделать ход – Чарлик повизгивал «тремя короткими», а Барсик бил уже не по столу, а по руке сына. Второй поединок был признан безоговорочной победой нашего молодца.

Проиграв ещё две партии подряд, Паша с грустью и удивлением констатировал:

– Они ему подсказывают, – указав рукой на «рефери». – А ты, предатель, против хозяина...?! Не ожидал...

Мы дружно посмеялись.

Со временем эта история забылась. Наступила зима. Выпал первый снег.

– Варлаам, посмеяться хочешь? – жена вернулась домой от родителей.

– Рассказывай, – помогаю ей снять верхнюю одежду.

– Иду домой, а навстречу Зоя. Разговорились, редко же встречаемся, – смеётся. – Пашка то и вправду поверил, что кот с собакой помогали Ивану играть... И знаешь, где в последнее время пропадает Барсик?

– Нет, – улыбаюсь разгорячившейся Соне.

– Павел, оказывается, с ними каждый вечер играет в шашки.

– А кто фишки передвигает? – я аж кашлянул: «Неужели пёс... или кот...».

– Зоя!

Шахматы

После турнира по шашкам в начальной школе, нашего сына пригласили в шахматную секцию, которую вёл учитель физики Герман Адамович. Что он увидел в Иване, до сих пор остаётся загадкой, но мы с Соней подумали: «Это не будет лишним для общего развития ребёнка».

Весна. Детям ещё месяц ходить за знаниями. Дома, как у нас, так и у наших родителей страда посадок. Ксения с братом помогают нам и, по просьбам родственников, бабушкам и дедушкам.

– Варлаам, отправь детвору в помощь, – Абрамыч кричит в трубку. – Аглая собрала прошлогоднюю листву, остатки... надо вывезти на поле. Ванька тачку покатает, а внучка грядки бабушке поможет отсеять. Ей с её спиной... ну, сам знаешь.

– Сейчас придут. А чего орёшь?

– Да, пробка в ухе...

Перед отправкой «тимуровцев» во дворе:

– Со всякой ерундой к старикам не приставать! Ничего не строить и не разбирать...

– Пап, я уже вообще-то большая, – дочь смотрит с улыбкой.

– Я вас знаю. Выросли на мою голову. Собаку не дразнить!

Над бабушкой не смеяться! Короча... помогли и домой.

– Ага! – отрезал «мужик».

Отобедали с Соней в тишине. Ждали детей к ужину. Не пришли.

– Ну, что? Прогуляемся к твоим родителям?

– Заодно я маме отнесу её банки...

Заходим во двор, тишина. Тарзан встретил ленивым «Гав» и вялым обмахиванием хвостом.

– И тебе не хворать. А, где всё домонаселение? – люблю с животными разговаривать. Они ничего не ответят, но всё понимают.

Тарзан прилёг и накрыл лапой морду, как бы прикрыв глаза.

– Ясно! – входим с женой в дом.

На веранде тёща чистит картошку.

– Мама, привет! – Соня чмокает Глашу в щечку. – Я тебе банки принесла на возврат.

– Тёща! – приобнимаю её в свою очередь.

– Домой тихо проходите...

– А чё так? – настораживаюсь.

– Дед с внуком в шахматы играют. Слышите?

До наших ушей доносятся то вскрикивания сына, то бас старика.

– А Ксюша, где?

– Она к подружкам пошла, как управились.

– Мам, я с тобой посижу, помогу, – зевнула супруга.

Я потихонечку приоткрыл дверь и вошёл в прихожую. Дедушка с внуком сидят за столом в зале. Решил их не отвлекать. Но интересно, как у них обстоят дела. Присел на пуфик, наблюдаю.

– Дедушка, ты взялся за пешку, значит ею и ходи. Чего мухлюешь?

– Ёсики-колёсики, я даже не дотронулся...

– Я видел, – сердится Иван.

– Ну, я же взрослый, мне виднее, – не сдаётся Абрамыч.

Игра продолжается в тишине.

– Ты, куда? А, ну ходи! – хозяин приосанивается.

– Почему я должен ходить?

– Ты тронул «слона», вот им и ходи!

– Я? Я даже не коснулся фигуры..., – Ваня взрывается. –

Самому можно, а мне...

– У меня руки вон, какие большие. Я провел над доской и... смотри, все зашевелились...

– Дедушка, так не честно! – сыну деваться некуда, он хватает «слона», передвигает его по клеточкам.

– Во-о-о-от..., – удовлетворённо растирает руки тесть.

– Хлюздя всегда выведет на правду! – подытоживает юный шахматист.

– Да, да, да..., – чёрный ферзь устремляется в атаку. – Шах и мат! Ура-а-а-а!

Тесть выходит из-за стола и танцует. В какой-то момент он замечает меня и прикладывает указательный палец правой

руки к своим губам.

– Дед, хватит крутить попой, садись играть, – я чуть не упал с пуфика.

Ваня делает уверенный ход. Абрамыч свой. Сын делает второй, хозяин перемещает коня.

– Дедушка, поставь мою пешку на место!

– Какую пешку? Я ничего не брал... а-а-а-а, эту? Так я её срубил...

– Я больше с тобой играть не буду! – встаёт «чемпион». – И помогать к тебе никогда больше не приду.

– Ишь разошлась вша в кафтане. Садись! Я поставил твою пешку на место. А помогать ты бабушке приходил сегодня, у меня свои дела были.

Партия продолжается. Стучат фигуры о доску. Сосредоточенные лица. Абрамыч двигает ферзя. Внук расплывается в улыбке и потирает руки, подражая оппоненту.

– Ох! Етить вашу... Вань, давай я перехожу... Очки не надел, совсем не увидел, что сделал...

– Нет! – отрезал внук и передвигает «офицера».

– Постой! Ну, пожа-а-алу-у-у-уйста!

– Хорошо..., – «офицер» и ферзь откатываются на свои места.

– Ха-ха-ха! – торжествует старик. – А теперь... вот так... шах!

«Эх, молодость», – промелькнуло в голове. Ребёнок с ненавистью передвигает короля.

– Хи-хи-хи! – растирание рук и..., – мат! Партия!

Ваня увидел меня в прихожей, встаёт из-за стола. Не обращая внимания на танцующего родственника, проходит мимо:

– Пошли домой! Я к нему, – поворачивается на Абрамыча, – больше никогда не приду. Обманщик! Буду деду Иосифу помогать!

Парашют

Осень. Сентябрь. Ванюшке семь, Ксюше тринадцать. Девтора с первого учебного дня, не откладывая в долгий ящик, делает уроки сразу после школы. И правильно. Так выходные проходят в работе на участке, помогают родителям. Потом за играми с друзьями и подругами.

Очередной выходной. С раннего утра работаем всей семьей на огороде и в саду. Каждому есть дело. Сын собирает яблоки, дочка убирает помидоры и перцы. Жена готовит банки под закатки, а я мою и чищу собранные овощи.

Дети быстро справились с поручениями. Вместе спустили в погреб яблочки, и только мы их с Соней видели, разбежались по своим делам.

– Мама, можно я возьму пакет? – домой вихрем влетел Иван.

– Там! – Соня кивнула на ящик стола.

Сын нашел нужный пакет.

– Пап, я в сарае возьму бечёвку?

– Без вопросов...

Я пропускаю помидоры через соковыжималку, супруга режет кольцами лук. Его запах по всей веранде и глаза слезятся у обоих.

– Мама, папа, а где у нас плёнка тепличная? – это уже,

тяжело дыша, спрашивает, вбежавшая Ксюша.

– В сарае... наверху над верстаком...

– Нам квадратик небольшой надо. Можно отрезать?

– Да-а-а-а..., – не сговариваясь, тянем в два голоса с женой.

В какой-то момент, ровное жужжание соковыжималки и потрескивание на сковороде, разрывает истошное «Мя-я-яу-у-у...». Мы бросаемся на улицу. От сарая с криком мимо нас пронесится кот с волочащимся полиэтиленом, привязанным к нему бечёвкой.

На крыше подсобного помещения стоят наши дети. Лица сосредоточены. Сын скрестил руки на груди. Дочь, подперев под локоток правую руку левой, упирается в подбородок.

– Что случилось? – вопрошаем в один голос.

– А! – махнул рукой Иван.

– Мал пакет для Барсика, – заключает Ксюшенька.

– Поджарка, – всплеснула руками жена и скрылась в помещении.

– Будем искать другой вариант, коллега, – дочь положила руку на плечо брата.

– Да! – выдавил из себя сын.

Я вспомнил про работающий агрегат и забежал в веранду.

Барсик – наш второй хвостато-усато-полосатый домашний любимец. Он не просто кот – тигр. Не знаю, что за порода, но он похож на диких таёжных собратьев, если судить по картинкам в Интернете. Да-да, и масса его, несмотря на

молодость, восемь килограмм.

Что-то коснулось моих ног. Я вздрогнул.

– Барсик... чёрт, напугал меня, – кот был уже без верёвок. Он терся об меня и урчал.

– Обидели нашего котика, – ласково проговорила Сонечка.

Любимец сказал громко и протяжно: «Мя-яу-у», – и подошел к ногам жены.

– Не ходи больше к ним...

Боковым зрением мне было видно, что дети сидят на лавочке у забора и что-то оживленно обсуждают, размахивая руками. Повернувшись в следующий момент, я их на прежнем месте уже не увидел.

День прошел плодотворно. На полу веранды, накрытые одеялами, стояло: десять трёхлитровых банок с томатным соком, пять яблочного компотов. Также десятка два литровых и восемьсот граммовых банок с салатами, и десяток пузатых «малышей» со свекольной поджаркой.

Я протопил баньку. Уже ближе к девяти вечера первыми ее посетили девчонки, потом пошли париться мужчины.

С ночи по крыше барабанил дождь. Утром на улице непривычно темно. Понедельник. Собираемся на работу и в школу.

– Варлаам, ты не видел мой зонтик?

– Мне делать нечего, как смотреть за твоими вещами...

– Я серьёзно, – Соня растерянно смотрит мне в глаза.

– Я тоже... Не видел!

Задав тот же вопрос детям, жена пошла искать. От меня не ускользнула кислая мимика детских лиц и бегающие глазки.

– Где зонтик?

– Это... там... нам... ну..., – начал, было, сын, выкручивая себе пальцы.

– Где?

– Папа, понимаешь...? – Ксюша пытается помочь брату.

– Да! Где мамин зонтик?

– Я... это... парашют для Барсика сделал...

– ???

– Он даже не мякнул, когда парил с крыши...

– Вечером покажешь, – приложил я палец к губам, давая понять: «Маме ничего не говорим».

Они быстро исчезли в своих комнатах.

– Не нашла, – разочарованно проговорила супруга.

– Вечером найдём. Бери мой. Я не раскисну, чай не сахарный...

После работы ехали с Соней в хорошем настроении. Ветер перегонял через дорогу опавшую листву. Кроны деревьев качались, сбрасывая желто-красные парашютики. От свежести и прохлады после дождя, дышалось легко полной грудью. И даже двигатель работал «шелестя», веселясь отсутствию зноя.

– Ну, Самоделкин, неси свою конструкцию, – после ужина, попросил я сына, – Сонечка присядь, пожалуйста, и мол-

чи...

– Папа, смотри, – Ванька влетел в зал, разложил свою поделку на столе, – Вот видишь? Я отпилил ручку, а вот этот механизм приспособил под раскрытие парашюта, когда Барсик своим весом тянет вниз... Бах! – сынок продемонстрировал, как распахнулся парашют, ранее бывший зонтик...

Соня смотрела и слушала молча. По её щекам катились слёзы. Ксюша стояла, подперев дверной косяк, смотря на маму.

– Мамочка, любимая, не плачь, пожалуйста! Мы с Ваней накопим денежки и купим тебе новый зонтик..., – сквозь хлынувшие слёзы проговорила она.

Ваня смотрел на наших дорогих девочек, начиная всхлипывать.

– Хорошая получилась конструкция. А я вот в детстве не догадался, что так можно, – у меня в руках был зонтик-парашют, – Молодец, сын! Настоящий изобретатель!

Оторвав взгляд от конструкции, я увидел лица семейства, выражающие вопрос и недоумение. Слёзы прекратились в одно мгновение.

– А я думал, Вы меня ругать будете..., – выдохнул Ванятка.

Комнату заполнил наш дружный смех.

Третий зуб

Пора летних отпусков. В тот год мне несказанно повезло. За качественно выполненную работу, я получил право на отдых в середине июня. Да ещё на выданную премию удалось приобрести два авиабилета на себя и сына к побережью Чёрного моря. Ну, чем не мечта и её свершение.

До счастливого дня оставалась неделя.

– Пап! – ко мне подошёл явно чем-то расстроенный восьмилетний сын. – У меня язык вот там что-то цепляет, – он раскрыл широко рот и пальцев показал нёбо за передними зубами.

– Идём к окошку! Открывай рот!

«Мать... перемать... что это такое?», – посредине нёба, между передними зубами красовалась белая кость.

– Косточка застряла? Давно это у тебя? – у меня по телу пробежал холодок.

«А если заражение? Тьфу-тьфу. И надо же перед самым отъездом», – терзаюсь внутри.

– Не знаю! Давно! Раньше меньше было..., – задумчиво отвечает Ваня.

– Так быстро собирайся, поедem в неотложку... Нет! Срaзу в стоматологию.

«Хорошо Соня на работе, Ксюша у подруг... Может, про-

несёт нелёгкая?», – собираю документы и вместе с сыном выходим на улицу.

– Открывай ворота..., – ребенок ловко оттягивает запоры и распахивает одну, потом другую створки.

Приехали в райцентр и сразу в больницу.

– Талонов на сегодня нет! – регистратура неприступна.

Услышать такое, отстояв очередь...

– Нам срочно... у нас это...

– С острой болью?

– Да! – выпалил я.

– Чего же вы папаша молчали и в очереди стояли? – девушка в белом халате привстала и сквозь стекло посмотрела на Ивана.

Я наступил ему на ногу. Лицо сына исказилось от боли.

– Бо-о-ольно-о-о... па-а-а..., – я прикрыл ладонью рот ребенка.

– Терпи, сынок. Сейчас тётя даст нам талончик... и пойдём к врачу.

– Папаша, полис давайте!

Через две минуты мы поднимались по лестницы к хирургу.

– Мужчина, вы куда? Здесь очередь!

– У нас экстренный случай! У нас это...

Не знаю почему, но на сына без слёз смотреть было невозможно. На лице было написано страдание, и он просто не стоял на месте.

– Ты чего? – шепчу ему в ухо.

– В туалет хочу...

– Потерпи! Доктор сейчас посмотрит, сходим.

Медсестра предложила надеть бахилы и присесть на свободный стул. Врач у себя в кабинете работал с пациентом. В приоткрытую дверь мы наблюдали за ним.

– Пап, а что дядя делает?

– Наверное, зуб вырывает.

– Мне тоже... будет вырывать?

– Не знаю. Мы с тобой вообще не знаем, что у тебя там.

Из операционной вышел мужчина.

– Что у вас? – совсем юный врач смотрел на Ивана.

– Доктор, понять не можем, то ли кость застряла в нёбе, то ли зуб третий растёт между передними в другую сторону...

– Посмотрим! Проходи, садись в кресло. Так, так... Да-а-а-а... Ирина Сергеевна, напишите мальчику направление на снимок... Редкий случай.

– Вы скажите, что у него там, – я стою на входе в операционную.

– Хороший растёт зубик. Но его придётся удалить, а для этого сделайте снимок.

Перед нами три человека. Заявляем себя крайними и мчимся в туалет. Счастливые идём вальяжно обратно.

– Папа, а я боюсь...

– Чего боишься?

– Мне будет больно.

– А, ты про это? Ни капельки не больно. Врач сделает тебе укольчик маленьким шприцем и у тебя все занемет. И ты совершенно не почувствуешь, как зубик выйдет.

– Я всё равно боюсь...

– Тогда мы никуда не полетим на самолёте. Будем трястись сутки на поезде. Сутки туда, сутки обратно... потеряем два дня и вместо четырнадцати дней, на море отдохнём только двенадцать.

– А почему нельзя на самолете?

– Так, стюардесса на трапе проверяет у всех пассажиров рты, чтобы все зубики были здоровы.

– ???

– И у кого есть больной, того не впускают в самолёт. Увидит она твой неправильно растущий зубик и отправит нас в больницу. Пока мы будем ездить, самолёт улетит.

– Ну, он у меня не болит?!

– А вдруг при взлёте заболит? Тогда придётся возвращаться обратно. На борту врачей нет. Это же не корабль.

Держа снимок на вытянутой правой руке, Ваня гордо вышагивал до кабинета хирурга.

– Сынок, мне здесь посидеть или с тобой?

– Я сам...

В какой-то момент из глубины кабинета раздалось: «Ай-яйай». У меня сжалось сердце. Насилу заставил себя сдержаться, чтобы не войти. Через пять минут дверь открылась, и ко мне вышел улыбающийся сын, а за ним стоял уставший

доктор.

– Корнем, зараза, зацепился. Пришлось раскачивать. Мальчик молодец! Два часа не кушать. До свидания!

И вот настал счастливый момент, когда нас родственники привезли в аэропорт. Мы прошли регистрацию, дождалась объявления посадки. В потоке пассажиров вошли в салон авиалайнера и заняли свои места. Ваня летел в первый раз, но смотрел не в иллюминатор, а на меня.

– Сына, смотри, как много интересного. Вон заправщик поехал к самолёту. А там...

– Папа! – Ваня смотрел на меня строгим взглядом, осталось только свести брови и нахмуриться.

– Что? – спросил у него с улыбкой.

– А почему тётенька не смотрела у пассажиров зубы?

– Слушай, точно! Наверное, сделали рентгеновские рамки, чтобы каждому в рот не заглядывать...

Пост

Эпизод нашей жизни, о котором пойдёт речь, произошёл как раз на той неделе, когда мы с Иваном собирались лететь к Чёрному морю.

Моя Сонечка претерпела тогда два потрясения. Первое – удалённый третий зуб нашему сыну, а второе...

«Шёл мужик по рельсам.

Шёл издалека...

Под откос скатилась

Буйна голова...

Ничего сходил за хлебом?!»

Выхожу вечером из ванной комнаты. Халат на босо тело.

Вытираю голову.

– Сонечка! Как тебе мой помолодевший вид?

Хорошо жена сидела за столом, работая на швейной машинке.

– А-а-а-а! – на крик супруги в зал прибежали дети.

– Мама, что...

– Мамулечка, ты чего кричишь?

Я аж подпрыгнул на месте. Сердце билось с бешеной силой. Руки с полотенцем опустились. Сонечка показала на меня рукой:

– Варлаам, ты, что с собою сделал? Ты как полетишь? –

дети повернулись и смотрели на меня. У Ксюши открылся рот, а Ваня скрестил руки на груди.

– Сбрил усы и подстригся! Чего так орать?

– Папочка, а где твои усы? – ехидно спросила дочь, пристально смотря мне в глаза.

– Сбрил! А ну, вас, – я повернулся, чтобы пойти в свою комнату.

– Папа лы-ы-ысы-ы-ый, – протянул сынок.

Дети стояли, обняв маму с двух сторон.

– Можно подумать чудовище увидели, – я уже и забыл, куда и зачем пошёл.

– Ты, не поверишь, но это так, – улыбаясь, проговорила супруга. – Нет, я всё понимаю. Ну, подстригся коротко, а зачем под станок голову брить?

– Чтоб она дышала и загорала. К тому же расческа не нужна. Платочком протер пот и...

– Я с ним не поеду, – заключил Иван и вышел.

– Пап, ты не выходи из дома, когда ко мне придут подружки. Напугаешь, – Ксения прошла мимо меня к себе.

– И это мои дети?! Позор мне на мою лысую голову...

Подойдя к зеркалу, я увидел горбоносое, безусое, со впалыми щеками кашееподобное изображение. Внешний вид портила совершенно белая лысина на фоне загоревшего лица и шеи.

– Да-а-а-а... я ещё хотел..., – проговорил, проводя рукой по своему лбу.

– Чего хотел? – насторожилась моя любимая.

– Брови сбрить, чтоб всё ровненько было.

– Варла-а-а-ам, прек-а-а-ати-и-и! Спась сегодня будешь на веранде!

Утром мы ехали в Воронеж. Надо было кумовьям, пока мы не улетели, завести немножко картошечки, морковки, лука, солений, маринадов... ну, всего чуть-чуть. Заодно и свои покупки необходимые сделать, по списку жены.

Проезжая по селу встреченные знакомые и родственники нас приветствовали. У кого-то в удивлении вытягивались лица, кто-то прикрывал рот рукой.

Въехали в город, промчались по Московскому проспекту и... Тормозит нас полосатой палочкой инспектор ГИБДД.

– Что нарушил? Меньше спешить будешь! – Соня с тревогой смотрит на мои действия.

– Да, ничего я не нарушал...

– Здравствуйте, – открывая окно, приветствую офицера.

– Кондиционер выключи, – шепчет Сонечка.

– Инспектор областного ГИБДД лейтенант Шр-мыр-ши...ков... Здравствуйте! Предъявите ваши документы!

– Пожалуйста!

Сотрудник проверяет свидетельство, страховку, удостоверение. Соня разговаривает с детьми. Я поворачиваюсь к полицейскому, который отошел от машины и пристально всматривается то в документы, то в моё лицо. Я возьми и ляпни:

– Что не похож?

– Нет! Пройдёмте!

– Куда?

– В мою машину, – и так правая рука его к кобуре потянулась.

– Товарищ... товарищ... это я, просто усы сбрил. Вот смотрите, и на служебном удостоверении я с усами, – протягиваю красную корочку пропуска на предприятие.

– Пройдёмте! Надо проверить машину. Может она в угоне.

– В каком угоне? Я владелица автомобиля, вот мой паспорт, – Соня смотрит в окошко, – муж вписан в страховку.

– Это ваш муж?! – ну, да... на фоне такой красавицы, я смотрелся, как нечто яйцеголовое... из области пришельцев.

– Да-а-а-а, – в два голоса закричали дети. – Это наш па-а-а-а!

Инспектор заулыбался, выпрямился.

– Если бы не семья, я бы задержал вас до выяснения личности, – сказал, протягивая мне документы. – Счастливого пути!

Я включил передачу, показал левый поворот и выехал на проезжую часть дороги.

– Пап! А тебя в самолёт пустят? – в зеркале заднего вида на меня смотрели улыбающиеся Ксюша с Ваней.

Я посмотрел на Соню, и мы рассмеялись.

Чарлик

Как-то весной соседи, что живут от нас справа, приобрели породистого щенка.

Милое создание чёрного цвета с торчащими вверх острыми ушками и умными глазами, словно улыбаясь, смотрело на меня с рук Павла.

– Дорого отдали? – первое, что пришло в голову, спросил я, хотя, честное слово, было совершенно ненужно.

– Ой, лучше не наступай на «больную мозоль», – слегка огорчённо проговорил сосед, – жене главное понравился. Я ей подарок сделал.

– Что ты там бубнишь? – вышла на улицу Зойка. – Варлаам, мы друзей не покупаем, нам его так подарили...

– Поздравляю! Глаза умные! – решил подкинуть леща соседке.

– У кого?

– У Пашки...

Время шло. Через месяц чёрный комок слегка посерел и бегал по соседнему участку с весёлым повизгиванием. Нередко из-за забора слышались команды: «сидеть», «лежать», «ко мне»...

– Папа, ты бы сказал дяде Паше, что он неправильно дрессирует щенка, – Ксюша держит в руке книжку. – Вот, отдай

ему... здесь всё написано.

Ребёнок попросил, папа сделал.

– Паш! Выгляни в калитку!

– Чего?

– Ксения тебе книгу на время просила передать... В ней всё про воспитание собак.

– Сидеть! – товарищ вышел на улицу. – И чего я не знаю? Вот вырастет большая овчарка, он второй в помёте..., – зачем-то пояснил Павел, – прода... заводчик говорил настоящий немец. Даже паспорт на него сам оформил и печать клуба... синяя на животе поставлена им... Имя ему от родителей благородное досталось. Знаешь какое? Чарльз Луи Ричард Четвёртый! О! Можно просто Чарльз.

Не знаю, чем эта информация могла мне пригодиться, но человек говорит, не жалко и послушать. Пусть хвастается на здоровье.

Вечером с женой подъезжаем к воротам, Паша на лавочке у нашей калитки сидит.

– Привет, Варлаам! Вот, пособие принёс...

– Уже адрессировал?! – удивляется Сонечка.

– А-а-а-а, – махнул сосед, отдал книгу и с печальным видом пошёл к себе.

– Что... помер пёсик? – не знаю, но у меня первая мысль пришла.

– Уж лучше бы..., – грустно прокомментировал уходящий человек.

– Пашка, да что случилось? На тебе лица нет...

– Никому верить нельзя. Обманули нас... гниды..., – дальше было много нелитературных слов.

– Привет, соседи! – из калитки появилась Зоя. – Ты, чего тут лестницу из слов устроил? Уже ходишь, плачешься...?! Ну, не мужик, а...

– Цыц! – пригрозил муж.

Оказалось «овчарку» соседи купили с рук у какого-то прощельги. Сколько заплатили, скромно промолчали. В книге они вычитали, что в определённом возрасте собак надо прививать от всяких заболеваний. Обратившись в ветеринарную клинику, врач, а потом и другие специалисты, которые заглядывали в кабинет, смеялись над горе хозяевами.

На вопрос соседей: «Какая порода?», – так и сказали: «Вырастет, сами увидите!». И паспорт оказался простой подделкой, и печать с номером на пузе животного простая краска, а не татуировка.

Так «Чарльз» стал просто «Чарлик».

Первое время Зоя гоняла Пашу на рынок продать это «сокровище», но со временем, когда пёсик стал превращаться в нечто колбасообразное с большой головой и короткими ножками, затея с продажей отпала сама собой.

В наших детях пёсик приобрел настоящих друзей, а Барсика он воспринимал, как старшего товарища, который защищал его от других собак, но сам был не прочь отвесить оплеуху.

Дрессировки прекратились. Однако Чарлик свои обязанности по охране хозяйской собственности не забывал.

Пытливые умы наших детей старались определить породу четвероногого соседа.

– Мама, вот смотри, – Ксюша показывала маме в телефоне, – у Чарлика голова от корги, туловище и ноги от таксы, а характер у него от басенджи.

– По форме, да, – улыбнулась Соня, – а по характеру не поняла...

– Он не гавкает, только скулит громко, как будто разговаривает.

Подслушав жену и дочь, я передал соседу, на кого похож его питомец. Он меня внимательно выслушали заключил:

– Получается «кортакбасенд». Длинно, как он сам, – улыбнулся Пашка. – Я его называю проще – «крокодил»! Вытянутое тело, короткие ножки, огромная пасть и молчит, как в рот воды набрал. Представляешь он моего товарища, который зашел в гости, просто укусил и прогнал со двора тихо-тихо. Я про это только через два дня узнал. Теперь никто в гости не заходит без предварительного звонка.

Хрюшки

Прошёл год. Чарлик возмужал, в каком-то смысле похорошел. Утром он провожал нас на работу, сидя на лавочке, положив передние лапы на стол. В тот момент, как мы с женой выходили на крыльцо, пёсик поскуливал и раскачивался.

– Чарли, привет!

– О чём сегодня твоя песня, дружище?

Ловко перебирая лапками, четвероногий сосед подбегал к нам за порцией поглаживаний.

Выгнав машину, я закрывал ворота. Собака уже сидела рядом со своей калиткой, и провожала нас взглядом. Потом пёс возвращался к нам во двор, где выяснял дружеские отношения с Барсиком в ожидании Вани и Ксюши. Складывалось такое впечатление, что это наш любимец. И к соседям он не имеет никакого отношения.

Однажды вечером подъезжая к дому, мы встретили односельчанина, живущего на другом конце деревни, который поджидал нас.

– Василь, привет! – идя к воротам, поздоровался я.

– Здорови будьте! Варлаам, говорят соседи, что твоя собака в твой двор моих поросят загнала...

– Если соседи говорят, значит так и есть. Но я только, как ты видишь, домой приехал... это, во-вторых. А во-первых, у

меня нет и не было собаки.

– Так эта... длинная, как труба, чёрная...?!

– Вася, так это собака Паши с Зоей, – улыбнулась Сонечка, проходя в дом. – Если сомневаешься, проходи, посмотри сам.

Кроме развалившегося на крыльце летней кухни Барсика, на улице никого не было.

– Ты, не стесняйся, пройдишь за дом. Я сейчас машину загоню, вместе посмотрим.

Прошли по всему участку, заглянули в постройки, никаких признаков присутствия свиней в нашем дворе.

– Простите, что засомневался. А дети ваши може чё и видели?

– Да они целый день у бабушек с дедушками помогают по хозяйству. Домой придут, спросим. Если, что, скажем, – посочувствовала Соня.

– Пойду тогда к Павлу...

– Конечно, зайди, спроси. Может он или жена его что видели, – мне тоже стало жалко мужика. Наверно, купили на откорм скотину, а тут – пропала живность.

Что-то я задержался на веранде. Смотрю, от Пашкиного забора на наш участок идут нога в ногу два поросёнка, а сзади тем же шагом Чарлик. Зашли за грядки, прилегли и молчат. «Интересное кино», – подумал я и, выйдя на улицу, поднялся на приступок, чтобы в соседский огород заглянуть. Ходят там мужики, спокойно разговаривают, руками по сто-

ронам разводят.

Только мы с женой переоделись и вышли на двор:

– Варлаам! Соня! – выхожу, Василь. – Давай ещё раз глянем. А?

– Проходи..., – а у самого сердце сжалось, за грядками не прошенные гости.

Прошли мы с Васей ещё круг по нашему саду-огороду. Никого нет. Я даже присвистнул.

– Ты, чего? – односельчанин смотрит на меня.

– Да, так... настроение хорошее. Эх, сейчас бы на реку, искупаться..., – а что я ещё должен был сказать.

– Прощевайте, соседи. Если, что узнаете или услышите, свистите...

Рассказал я жене, что видел с веранды. Пошли мы вдоль забора, а там яма аккуратно посередине участка. Небольшая и незаметная, но по размеру нашего всеобщего любимца.

Я принёс газосиликатный кирпич и с нашей стороны положил в углубление. Идём с супругой к соседу.

– Паша! Зоя!

– Сегодня прям приёмный день, – на улицу вышла соседка, – вам чего?

– Свинок молоденьких пришли посмотреть!

– Каких, таких... чего несёте?

– Зойка, перестань кудахтать на всю улицу... Проходите, соседи, – Паша был чуточку встревожен. – Какие говорите поросята? То Василёк, теперь вы...

Поведали мы им чудеса с перемещениями и что ямку прикрыли со своей стороны. Идём вчетвером на их огород. В районе того места, где лаз под забором стоит во всю длину Чарлик, смотрит на нас и, как будто, улыбается. Хвостик вентилятором крутится. Одно ушко прижато.

– Ко мне! – скомандовал Павел. Собака не шелохнулась, только взвизгнула и зевнула. – Не слушаться?

– Сосед, ты его не пугай. Мне кажется, пёс собой закрыл хрюшек.

Подойдя ближе, перед нами предстала картина: за «трубой» из ямки в нашу сторону торчали маленькие хвостики.

– Охранять! – дал команду Паша и убежал. Пёс тьякнул и, как подкошенный, упал боком на розовеньких гостей.

Когда поросята были в мешке, сосед спросил:

– Что будем делать?

– Пойдём, отдадим хозяину, – спокойно говорю ему.

– Несерьёзно. Он скажет, что мы спрятали. Потом обид на целый год... не поверит. Обвинит во всех тяжких. Ты же знаешь его характер.

– А Чарлик Вам на что? – поинтересовалась Соня.

– В смысле? – мы удивились.

– Он привёл, пусть он и уводит их домой!

Хрюшек поставили за участком.

– Доставить домой! Никуда не отлучаться! – уж больно длинно скомандовал любитель овчарок.

Повизгивая, две свинки семенили впереди пса, который

издавал похожие звуки и задорно бежал, подпрыгивая, словно на пружинках.

– Ну, вот... а вы переживали, – проговорила Соня.

Ещё десять минут мы обсуждали с соседями местные сплетни, как вдруг:

– Я тебя на изнанку выверну, – громко кричал Василий, который бежал за Чарликом, преследующим в свою очередь мчащуюся курицу.

Мы застыли молча. «Какой позор», – пронеслось в моей голове. Курица забилась под лавку рядом с нами, а пёс, улыбувшись, как бы сказав: «Я вас не знаю! Вы меня не видели!», – проскочил мимо, поднимая дорожную пыль.

– Догнал бы..., убил, – еле выговорил, задыхающийся односельчанин, пряча курицу за пазуху.

– Вася, что случилось? – в один голос прокричали мы.

– Да..., да... ваш собакевич свинок моих гонял... я, выскочил, а он курицу погнал...

– Это... не наш..., – проговорила Зоя и толкнула в бок мужа.

– А поросята? – прищурив глаза, спросил Паша.

– Свиной успел закрыть... воротину закрыл... А пё-ё-ё-ёс ва-а-а-аш!

– Наш дома. Пошли, – Павел открыл калитку.

У крыльца лежал Чарлик и поскуливал.

– Точно не ваш. У вас скулит – сыклявый, а тот гавкал – зверюга...

Рыбалка

От нашего села до районного центра пока доедешь, можно раз пятьдесят съезжать с дороги, что вправо, что влево – везде речушки и озёра. Можно отдохнуть на свежем воздухе и по грибы, да ягоды сбегать, смотря какое время года. На любителя и рыбалка имеется.

Обычно на лов рыбы с мужиками выходим на Дон. Здесь на любой вкус снасти, лодки, моторы... Главное, чтобы всё по совести и по уму, без злоупотреблений. А как без них? Они тоже должны иметь место, если с уловом богатым домой вернуться есть желание. Но про это ни-ни...

Ксюшка в тот год сдала экзамены в девятом классе, а Ванятка закончил третий. Решили отметить это событие июньским выездом на озеро, порыбачить и шашлыков пожевать.

У знакомого моего знакомого за селом Первое Мая платные озёра. Бывали у него уже в гостях, понравилось. Летние беседки по берегу. От них небольшие мостки метра на два в воду. Есть и лавочки. Не нравится, иди в кущи лесные или в камышах сторожи свой улов.

Будний день. Солнце слепит, жара стоит. Рыбаки из нас оказались непутёвые. Приехали к месту только к десяти часам утра. Да и какое это утро?

– Вы – как раз вовремя. Я уже рыбу покормил..., – смеётся

хозяин. – Надо было часам к семи подтягиваться. Чего не позвонили с вечера?

– Сергей, да мы больше отдохнуть..., – Соня вынимает из багажника огромную сумку с продуктами.

– Тогда, приятного вам отдыха, – улыбается всеми передними зубами знакомый знакомого. – Я тогда с вас денег не возьму. Если карасиков или краснопёрок словите, тоже не возьму. А вот за карпа, леща или ещё чего крупного возьмёте, тогда оплата при выезде.

– Спасибо!

Разместились в беседке у воды. Две лавочки по сторонам. Слева ива огромная, тень от неё и прохлада. Ваня заложил мангал, Ксения мясо на шампуры нанизывает. Соня накрыла на стол и прикрыла лёгкой скатёркой, чтобы братва насекомых не потоптала.

– Ваня, ты, где будешь рыбачить? – кричу с берега.

– Возле дерева!

Разматываю первый спиннинг, проверяю снасти, нанизываю червя.

– Ксюш, ты?

– На лавке справа.

– А ты, Сонь?

– А прямо с мосточка...

Расчехляю и выставляю ещё две удочки, наживляю червя на крючки. Свою готовлю. Проверяю катушку. Поглаживаю удилище, и ухожу в сторонку, оставляя садок, привязанным

к опоре мостика.

Закинул раз. Недалеко. Перебросил. Что-то поплавок сильно притопился. Поработал катушкой, отрегулировал расстояние и... забросив грузило почти на центр водоёма, застыл в ожидании.

– Варлаам, я поймала! – Соня восторженно приплясывает на берегу. – Иди, снимай!

– Папа и у меня... смотри, какая краснопёрка крупная. Маме снимешь, мою заберёшь? – Ваня ловко снимает добычу и бросает в сторону беседки. Насаживает червя и опускает аккуратно в воду перед собой.

Я кладу удилище на распорку и бегу к жене. Две рыбки в садке. Насаживаю червя. Рыбалка пошла.

– Папа! Мама! У меня клюёт, – оживилась дочка.

– Работай катушкой. Подтягивай к берегу, потом..., – не успеваю договорить, Ксюша резко дёргает удилище и рыбка улетает за её спину в траву.

– Ура-а-а-а! – восторгу девочки нет предела. – Я молодец!

– Конечно! – чуть не матерясь, иду по траве в поисках рыбы.

– Папа, насади червяка. Он такой противный..., – опуская рыбку в садок, потом бегу к дочери.

– Варлаам, у тебя поплавок скачет.

Еле успеваю к своей удочке. Хватаю удилище и кручу катушку. Небольшой, но крупный и, главное, мой карасик. Снимаю его с крючка, прикладываюсь губами...

– Ах ты моя рыбка!

И покатилося: «Пап», «Варлаам», «Рыбка», «Крючок», «Червяк», «Наживка». Бегаю туда-сюда, и за своей удочкой глянуть нет возможности.

– Пап! У меня крючок зацепился, – Ванька пытается сбросить его с зацепа.

– В сторону уводи... В натяжку... Расслабь..., – я даже с восхищением смотрю на свою «рыбачку».

Она так лихо руководит сыном, что в какой-то момент леска обрывается.

– Пап! А у тебя в какой коробочке крючки?

– Всё! Стоп! – моя система, которая с нервами, даёт сбой. – Давайте уже перекусим!

– Я буду ловить! – Ваня увлечённо крепит крючок узелком лески.

– Я тоже есть не хочу, – поддакивает брату Ксюша. – Ой! У меня ещё одна рыбка...

Повторённый манёвр дочери, отправляет рыбёшку в траву.

– Иди за нею сама! – ставлю точку.

– Па-а-а-ап! Я тебя люблю-ю-ю-ю-ю!

– Подлиза! – ищу краснопёрку.

– А кто на мой крючок насадит червячка? – смешно хлопая ресничками, говорит наша принцесса.

Приготовив шашлыки, всей семьёй разместились в беседке. Ксюша рассказывала о своих переживаниях во время

ОГЭ. Ваня спешит съесть свою порцию, набил полный рот и, пережёвывая, быстро ёрзает челюстями.

Жабы с берега на берег перекидывались приветствиями и короткими фразами. Рыба плескалась и, выпрыгивая, оставляя круги на водной глади озера. Солнышко, улыбаясь и лаская нас своими лучами, клонилось к закату. Птички на иве пели переливами.

– Приезжайте ещё! С вами весело..., – прощался с нами Сергей. – Я, думал, скучать буду сегодня. А тут вы, такие азартные и радостные. Доброго пути!

– И вам спасибо! – в один голос попрощались мы с хорошим человеком.

Уже в густых сумерках приехали домой. Жена и дети тихо посапывали на заднем сидении. Я открыл ворота. «Мяу-у-у-у-у-у», – раздалось под ногами.

– Барсик! – кот терся об ноги, задрал хвост. – Мы за тебя не забыли. Ну, как можно?

– А кто у нас молодец? – рядом стояла дочка. В её руках был подлещик.

– Конечно, Ксюша молодец!

Кот урчал, как генератор от наслаждения и поглощал нашу добычу.

Василий

1

Первая декада сентября. Погода в субботу стоит, словно летом, и дождём не пахнет. Я готовлю культиватор для осенней вспашки земли вокруг деревьев, жена освобождает огуречные грядки. Ваня ушел с ребятами на школьный стадион, играть в футбол. Принцесса наша в университете.

– Привет, сосед! – в калитку входит Илья. – Котёнка возьмёте? Кошка в первое число августа принесла. Всех раздал, а этого пристроить не могу. Пацан смысленый, к горшку приучен.

Юнец почувствовал разговор о себе и подал писклявый голос: «Мья-у-у-у». Лежащий на крыльце летней кухни Барсик присел и, не отрываясь, смотрит мужчине в руки.

– Не, у нас вон свой есть, – отвечаю.

– Илья, погоди, – Сонечка подходит к соседу, снимает перчатки, – покажи зверюгу.

Она поднимает котёнка за холку, тот пищит. Наш издаёт резкое: «Мяу!», – и начинает рычать, пережёвывая гласные

звуки.

– Варлаам, смотри, какая прелесть. Трёхцветный. Мордашка симпотяшная, – супруга улыбается, кладёт пацана на одну руку, гладит. – Нашему уже двенадцать лет, кто знает, сколько ещё проживёт. Старый уже. Вот пока с нами, молодого воспитает.

Барсик успокаивается, как только «малой» перестаёт издавать жалостливые звуки.

– Так что, берёте? Не пожалеете, он шустрый.

– Оставляй! – уверенно отвечает жена и пускает новичка на землю.

Трясущееся «чудо», задрав хвост и то ли помявкивая, то ли попискивая, идёт на взрослого кота. «Старик», величаво восседая, надменно наблюдает за приближающимся собратом. Малыш обходит «великана», обнюхивает и трётся о его «шубу». Взрослый кот издаёт нежное: «Ми», – и, мягко ступая, ведёт трёхцветного по двору.

– Кажись, принял, – говорю жене.

– Он у нас умный. А как молодого назовём?

– Васькой! Он мне Василия односельчанина напомнил... такой же взгляд с хитринкой, – смеюсь от своей находки. – Вася! Вася! Кис-кис-кис...

Оставив Барсика, котёнок стремглав подскочил и трётся о мою ногу.

– Надо бы его покормить.

– У нашего в миске осталась каша, пусть ест.

Погладив котёнка, переносу его за крыльцо веранды. Такого аппетита я никогда не видел. Стукаясь мордочкой в кашу, «зверюга» издавал нечто рычащее в такт прыгающей тарелочке. Барсик присел рядом, наклонил голову и переводил взгляд с юного воспитанника на нас, словно спрашивал: «Его что... не кормили?». Потом кот поднял лапу и опустил её на голову малышу. Тот оцетинился и зарычал. Барсик, как бы проговорив нечто протяжное и со всей силы дал нахалу по мордашке.

– Первый урок получен, – улыбнулась Соня.

Шли дни. Васька подрастал под чутким надзором Барсика. Он передавал юнцу свои знания, следил, чтобы тот не шкродничал. Правда, играть с котёнком надолго его не хватало. То ли статус не позволял, то ли возраст давал о себе знать. «Старик» больше лежал, греясь на солнышке, и, прищурив глаза, следил за молодостью.

Как-то вечером в гости зашёл Чарлик. Видно, соскучился по старому другу и решил навестить его. Выйдя во двор со стороны огорода, пёс сказал: «Гыры-рыр-ра-ян».

– Привет, Чарльз! – поприветствовал его сын.

Собака присела, подметая хвостом вокруг себя. Васька оцетинился, начал изливать жёваное «Мяу». Чарлик взвизгнул и побежал к котёнку, который, совершив невообразимый прыжок с переворотом, помчался, не понимая куда. Ударившись о стенку сарая, молодой упал и зарычал. Барсик в три прыжка пересёк путь старому другу. Они сидели и смотрели

глаза в глаза. Потом кот проговорил нечто нечленораздельное, пёс взвизгнул удивлённо и отступил.

Утром на крыльце лежало две крысы и полёвка, а напротив сидели Барсик, Чарлик и Васька. Глаза троицы светились счастьем.

Время неумолимо. Времена года бегут своим чередом. С наступлением ноября идут нескончаемым потоком дожди. Коты днём выходят на улицу, а вечером мы запускаем их на веранду, где у каждого свой картонный ящичек с подстилкой.

– Барсик! Вася! Домой! – открываю дверь и кричу в темноту.

Первым появляется старый кот. Он спокойно входит на веранду и присаживается у моих ног. Вторым влетает молодость и, не тормозя, мчит кругами по веранде. Я даже «Ой!» сказать не успел, весь пол окрашивается следами и кусками чернозёма.

– Вася! Стоять! Мать перемать... тудыт твою маленькую морду в грязь... Сидеть!

Трёхцветный замирает, смотрит на взрослого собрата. Барсик выдавливая из себя: «Яйя-йя!», – и ложится на спинку у входной двери. Я, ругаясь, вытираю лапы преданному и послушному другу. Юный отпрыск с виноватым видом укладывается рядом.

Барсик ушёл зимой, а с нами живёт его копия, как в поведении, так и по внешнему виду. Кто знает, может, Вася был

2

К весне Василий подрос, возмужал. На улице потеплело, день увеличился. Снег местами ещё лежит в полях и лесу. Кот по привычке приходит ночевать на веранду. Рефлекс обязательно вытирать лапки закрепился, но эта процедура раздражает нашего молодого питомца, и он издаёт грудное рычание.

– Папа, мама, только тихо... пойдёмте на веранду, – Ваня шёпотом зовёт нас к выходу и машет рукой.

– А чего так тихо? Обычно орёшь, – Соня смотрит на сына.

– Там сорока играет с Василием.

Мы выходим на веранду, стараясь не грохотать. На участке между садовыми деревьями, где обычно высаживаем картофель, прыгает большая стрекотуня. Пернатая, слегка расставив крылья, смотрит в одну точку и щёлкает клювом. Потом делает несколько прыжков в сторону и опять стрекочет. Ещё прыжки и замирание. Если бы не знали, что птица живая, подумали, стоит чучело в огороде.

Справа из-за сарая полулежа, крадётся наш трёхцветный: уши и хвост прижаты, весь напряжён. Сделав несколько вих-

ляющих движений бедрами, Вася прыгает на сороку, которая за секунду взмывает на рядом стоящий абрикос. Охотник издаёт протяжное, с разочарованием: «Мя-я-яу-у-у!».

– Эх, неудачник, – хлопаю себя по коленке.

– Не спеши, смотри дальше, – улыбается сын.

Белобокая парит за спиной хищника – посадка. Замирает, чуть расставляет крылья и повторяет свой танец в противоположную сторону. Василий принимает боевую стойку, затем прижимается к земле и крадётся по-пластунски за добычей. Птица вновь взмывает на соседнее дерево.

– Такое ощущение, что сорока издевается над нашим котиком, – восклицает Сонечка.

В этот момент слева из-под забора показалась морда Чарлика. Перейдя на наш участок, он присаживается и молча, наблюдает за процессом охоты. Через некоторое время пёс обходит птицу и повторяет движения друга: прилег, смешно прижав голову к земле, и пополз к сороке.

Пернатая явно не ожидала такой сплочённости команды соперников. Её клюв мотается из стороны в сторону. Она волновалась, но была начеку. И вот прыжок... Кот и собака сидят рядышком, а сорока, не рассчитав, задом влетает в растянутую капроновую сеть, которую мы используем для веток вьющейся розы.

– Вот и конец птице! Надо идти, выручать, а то..., – я поднимаюсь.

– Смотри! – Соня улыбается.

Белобокая зацепилась лапой за сеть, лежащую на земле. Она оперлась спинкой о полотно с ячейками, расправила крылья и замотала головой. Чарлик с Васькой подошли ближе. «Авы-во-вы-и-тя-я-я», – выскочило из пасти пса. «Мяу-вы-у-у-у-я-я-у», – посмотрел на друга кот. Сорока гордо прокричала: «Ктях-тях-иях».

– Сожрут! Пойду... птичку жалко, – я выскакиваю с веранды.

В этот момент «Собакин» и «Котович», наверно, почувствовав поддержку, кинулись на птицу. Пока я добежал, пёс и кот получили порцию ударов клювом промеж глаз и отступили.

– Чарлик, иди домой! А ты марш на место, – скомандовал я, указав Василию на веранду. – Ваня, иди, помоги, а то она и мне в лоб клюнет.

– Я пас... она и меня может стукнуть.

– Кеша, хороший! Кеша..., – птица сложила крылья, опустила хвост и наблюдает за мной. – Соня, ты посмотри, он слушает...

Погладив сороку по голове, я аккуратно стал извлекать лапку. В какой-то момент, «кхекнув», пернатая резко взмыла в воздух.

Не знаю, чем белобокую привлёк наш двор, но она часто прилетает поиграть с Василием и Чарликом, а в их отсутствие важно вышагивает по участку.

Но после этого случая мы стали замечать, что наш моло-

дой кот приносит похвастаться не только головы мышей и крыс, но и перья.

3

Работая на улице, мы с Соней всегда перекидываемся короткими фразами с Васей. Питомец успел набраться от Барсика интересных и нужных манер. Бывает, зовёшь его ночью, а он, прежде как появиться, издаёт то короткие, то протяжные звуки.

Всю весну, наверно, пока молодой, боялся наш любимец выходить на улицу, но в сопровождении всегда был рад прогуляться.

Иду выносить мусор.

– Вася, пойдёшь на улицу?

– Мяу!

– Ну, пошли.

Выходим. Я направляюсь на перекрёсток до мусорных баков, а «мужик» обследует местность, останавливаясь и принюхиваясь то в одном, то в другом месте. Однако далеко за мной от двора не уходит.

Со временем соседи стали смеяться, мол: «Вам и собаки не надо. Кот и провожает, и встречает. Позовёте, бежит, орёт...».

Пока не начались летние каникулы, Васька встречал Ивана с занятий. Уж не знаю, как он его чувствовал, но точно не видел. Взберётся на столбик у забора, сядет и ждёт. Только покажется фигура сына где-то вдальеке, он спрыгивает и бежит его встречать. Бывало, на других котов напорется или на собак. Славно получал тумачков. А потом стал пропадать. Понаблюдали. Уходит либо один, перепрыгнув через забор, либо с Чарликом, пройдя по лазу на соседский участок.

Бывало, придет, хромает, а то уши подраны. Вернулся раз жестоко побитый и исцарапанный. С кем и где, не знаю, но вид был «пиратский». Неделю отлёживался.

Пошли как-то раз с ним в магазин.

– Варлаам, привет! – сосед с противоположной стороны.

– Здорово, Сергей! – иду к нему, а он с сыном старшим машину под капотом разглядывают.

Пожали руки. Лешка улыбается, на Васю смотрит.

– У вас кот породистый! – в лоб словом бьёт.

– Это надо у Ильи спросить, – парирую я молодому парню. – Я даже ни разу его кошку не видел. Всё рыжий, бандитского вида крутится у двора.

– Это жених его кошки. С соседней улицы приходит, – поддерживает разговор Сергей.

– Тем более, как он может быть породистым... наш? – чешу затылок. – А вы чего под капотом? Потеряли чего?

– Я на газ переделал, а тут с работы ехал и... переключился на бак с бензином, а она не едет... Вот разбираемся.

– Вот смотрите, – Алексей перебивает отца, тычет мне в нос смартфоном, – видите, у вашего Васьки черепаховый окрас. Зоотехник сказал – породистый кот.

– Ну, раз Петрович сказал, значит породистый, – смеёмся с Сергеем.

– Варлаам, а ты долго в магазин ходить будешь? – из калитки выходит Соня.

– Сейчас разберёмся с породой...

– Кого?

– Лешка говорит, у нас «Василий Варлаамович» породистый, окрас черепаховый...

– А где он?

Посмотрев вокруг, я не увидел нашего хищника. Пожал плечами, и в этот момент со стороны дома Ильи раздалось протяжное и грозное «Мяу!».

– Мать... перемать, – я всплеснул руками.

Напротив нашего Васи сидел большой рыжий кот. Они смотрели, не отрываясь, друг другу в глаза и издавали протяжные звуки. У меня мурашки пробежались по спине.

– Пошли домой, Вась! – но «породистый» даже не шелохнулся.

Повернуться хвостом к врагу – расписаться в слабости и получить по спине. Такого позора Вася не переживёт. Через секунду клубы пыли скрыли дерущихся. Я побежал домой за лопатой, а возле ворот Соня передала мне ведро с водой, которую, подбежав к облаку пыли, я выплеснул на котов. Со-

перники разбежались.

– Он у вас ещё и боевой, – с восхищением сказал соседский сын.

– Не знаю, но я за него перепугался не на шутку, – только и сказал, уходя домой. Вася, прихрамывая, бежал впереди и оглядывался. – Иди, иди... сейчас в угол поставлю, будешь дома сидеть.

– Мяс! – полагаю, «боец» принял наказание как должное.

Во дворе осмотрели с женой нашего «защитника». Оказали ему первую медицинскую помощь, обработав глубокие царапины на голове и животе перекисью водорода.

Прибежал Чарлик. Он взвизгнул и зарычал. Вася спустился со стола.

– И где ты ходил? Надо было другу помогать на улице, – Соня проговорила спокойно и для нас вполне естественно. – Васю чуть не порешили, а он...

Чарлик присел и прикрыл глаза лапой.

А я пошёл в магазин.

– Живой? – кричит Лешка.

– А что с ним делается? Он же породистый, – улыбаюсь парню.

Любимчик

Не знаю, как и кто отреагирует, но сегодня я буду писать о своём благоверном, то есть о его чрезмерной любви к домашнему питомцу. Варлаам уже писал про нашего Васечку, которому десять лет. Однако он всегда обходит углы и не желает ощущать на себе пристальный взгляд своих читателей даже через экран монитора.

Девочки меня поймут. Мужчины, прислушайтесь – животные всегда остаются животными, не очеловечивайте их...

Итак, с появлением Васи я и дети заметили, что наш глава семейства изменился.

– Мамочка, я никогда не видела, чтобы папа держал на руках кошечек. Смотри, – дочка потянула меня на веранду.

Уставший хозяин посапывал на надувном матрасе, а Василий покачивался на нём вверх-вниз с каждым вздохом.

– Пусть поспят, – я улыбнулась.

С тех пор эта парочка восседала в кресле или лежала на диване с закрытыми глазами. Любимец супруга всегда был на коленях, но чаще на хозяйском животе.

– Мам, я тоже хочу мороженое, – Ваня подаёт тарелочку.

– Я не покупала...

– А папа с Васькой едят на улице, – огорчается сын.

За садовым столиком ведут беседу наши сладкоежки.

Муж ложечкой набирает мороженое и кладёт на край столешницы. Питомец, опираясь передними лапками в крышку, поедает лакомство, урча как паровоз.

– А детям? – смотрю внимательно и стараюсь выглядеть строгой.

– В холодильнике. Нижний ящик морозилки, – спокойно отвечает отец семейства.

Соседи смеются, называя кота «собачкой». Этот «паразит» и шагу не сделает без хозяина. Куда один, туда другой. А чтобы выйти за забор самостоятельно, ни-ни. Только через громкое «Мяу-у-у-у!», сидя у калитки. Папочка наш бежит открывать настежь створку, чтобы питомец мог покинуть двор, гордо подняв голову и задрав хвост.

– Соня, привет! – соседка машет рукой. – А ваш Вася домой попал?

– На огороде с детьми...

– Утром ходил вдоль забора и так жалобно орал... Серёжка хотел его перекинуть, но ваш убежал.

– Это Варлаам его выпустил, а впустить забыл.

– Ох, обидите Ваську, намочит вам тапочки, – смеётся Елена.

– Зачем? Он просто разорвал один в клочья. Теперь хозяин в калошах.

Приходит зима, и начинаются морозы. Дружок мужа со стороны веранды прыгает на ручку двери и повисает до тех пор, пока она под его весом не опускается. Когда кот со-

скальзывает, происходит щелчок с громким – «Дзинь!». Это знак: либо Василий просится на улицу, либо в дом погреться. Милый ему даже туалет в «стекляшке» поставил, а то куда бедненький «кис» будет ходить, земля то замёрзла. Другие, ничего, справлялись.

Так повелось, что кормит питомца только Варлаам. И еду ему готовит он сам. Наша четырёх лапая привереда питается только кашей из минтая с геркулесом, смешанной с сухим кормом. Иная рыба или крупа, в глазах Василия полное непонимание и недоумение. Было так два раза – борьба, кто уступит. Победил хвостатый. Голодный, но гордый. Кастрюлю с кашей дарили Павлу для Чарлика. Пёс вылизывал содержимое так, что посуду можно было не мыть.

Процесс приготовления – это целый ритуал.

– Зачем тебе ножницы? – наблюдая за супругом, задаю вопрос.

– Плавники на миньке срезать.

– Для чего? – не отстаю.

– В рот попадут, кот подавится..., – муж невозмутим, он в теме, руки выполняют отточенные действия.

А я в недоумении: «Когда птичек ловит и мышек ест, ничем не давится». Он потянулся к раковине:

– Подожди, а сейчас?... – спрашиваю аккуратно.

– Кастрюлю надо помыть, – губкой трёт утварь.

– Ты когда поросётам варил, почему выварку не мыл? – смеюсь.

– Им без надобности, а Вася – друг.

Процесс бурлит. Рыба нарезана мелкими кусочками, залита водой, и кастрюлька стоит на плите. Пять минут варится минтай, после чего мерным стаканчиком отбирается определённое количество овсянки и отправляется во чрево ёмкости. Огонь на самый минимум. Содержимое помешивается. Супруг устремляет взгляд на часы. «Щёлк!» – и добавляется ложечка растительного масла. Любимый где-то вычитал, что это способствует блеску шёрстки животных. Время вышло, кастрюля накрыта крышкой. Ещё две минутки, и огонь погашен.

С чувством выполненного долга супруг покидает кухню.

Приём пищи животного два раза в день, строго по расписанию. Утро. Вася прыгнул на ручку. Мой ненаглядный встал и, набросив халат, шаркая тапками, бубня себе что-то под нос, выпускает зверя на улицу. Шум воды возвещает – он моет Васины тарелочки. Вдруг начинает работать микроволновка. О! Это я всегда пропускала...

Стук дверей. Громкое Васино «Мя-я-у-у-у!», и муж возвращается в постель. Наблюдаю за ним с интересом. Он всё делал с закрытыми глазами. Коснувшись подушки, тут же захрапел.

– Варлаам! – шепчу ему в ушко.

– А? Что?

– Ты что-то разогревал в «печи»?

– Каша из холодильника. Кот и так замёрз, пока в туалет

бегал. Сейчас тёпленького поест, согреется...

– Совсем сдурел...

– Да! Что? – присаживается на краю постели.

– Животные едят..., – останавливаюсь. – Всегда греешь?

Я не замечала раньше.

– Да! Всегда! Просто ты в этот момент в ванной находишься...

От любимчика...

– А кто в яме?

– Не знаю! Но сыр очень любит!

(из анекдота)

Невероятно мне свезло сегодня. Мои «кормильцы» на улице, а я, уличив минуточку, занял место у компьютера. Окошечко рядом, видно, как они там по снежку прыгают и ветки на деревьях спиливают в саду. Однако не расслабляться и быть начеку, в любой момент могут вернуться.

Итак, понаписали они про меня много, качественно и здорово. А я? Что хочу рассказать о себе? Наврали они всё с три мышиных хвостика. Буду правду изливать. Жаль, не тот я кот учёный, что ходит взад-вперёд и песнь заводит. Эх, нет гусяного пера, с чернилами, я бы вмиг, а тут «клава». Не в кайф двумя когтями, быстро не получается, отвлекаюсь постоянно.

Пригнали меня, значит, в общую отару. Тьфу! Не оттуда. Это про барашка Шона. Так! О! Мой дедушка кабан невероятный, его на свадьбу как-то пригласили... Опять в сторону. Про свинку Пеппу, кажется. Хорошо! Прекращаю. Вы почувствуйте, что творится в голове домашнего любимца, когда он телевизор смотрит. Как нет? Я каждый день рядом с

нею на диване с сериала на сериал, с одной картины на другую. То детектив, то ужастик, особенно она уважает мистику. Пока дойду мозгами своими до истины, весь вылижусь.

Значит, принёс меня гладкокожий с пролысиной у себя за пазухой и вручил... , подарил... в добрые руки сдал. Точно!

Мне бесхвостые приглянулись. Запахи от них вкусные исходили. Сами тёплые, мягкие. От неё ещё ароматы мясные. Он вообще многозапаховый. Их дитяткам я понравился. Ещё бы – симпокотипулечка. Но меня никто ни тискал, ни таскал, а воспитанием занимались хищник Барс и чернявый Чарльз. Не ведаю проблем собакевича, но мне от старого кота перепало изрядно и часто. Однако научил он меня порядку.

Был у меня вражина рыжий, просто непробиваемый. Мой сэнсэй в то время ушёл в долину душ, и пришлось мне пару раз держать бой с кривоzubым. Первый раз хозяин спас, разлил водой. Я в запале страсти не понял, за кем победа. Но во втором отвоевал почёт и уважение округа.

Сегодня можно отдыхать и не бояться за территорию. Вышел на полчаса, обежал периметр, «галочки» свои проверил, новых набросал и домой. Ка-а-а-йф-ф-ф!

Правда, шерсть лезет постоянно. Вар говорит, что я старею. Интересно, это как? Сон поправляет его, мол, мудрее становлюсь... Берёт щётку, меня и выходит на улицу, где с усердием вычёсывает мою шкуру. После процедуры «очищения» я сильно худею от переживаний и стресса, но моя шуб-

ка блестит на солнышке, привлекая подружек.

Выйду перед двором, сяду у лавочки, так запою..., а я это делаю славно. Глотку деру, стараюсь. Бывало, камень прилетит. Нет! Я не сдаюсь, громкость увеличиваю, пока смазливая кошечка не отзовется. Попрыгали всех красавиц в жилищах. Никакой радости, прямо жуть. Не откликаются свои милашки, не беда. Я к другим пробираюсь. Людям жизнь легче даётся, никакой борьбы. Самец с самкой в тепле, еды полный трясущийся ящик с холодом. Малышей завели и никаких забот. Кайф!

Барс рассказывал, его Ксю и Ван готовили в десантники. Об одном жалел, что парашют не всегда раскрывался, то ли высота малая, то ли система не срабатывала. Жаловался, плохело ему иногда от тренировок, но волю силы он в себе воспитал, не плакался. Всегда с гордостью о том мурлыкал.

Меня физические упражнения прошли стороной. Правда, разочек мне усатый «вертолёт» устроил от крыльца до огорода. Наверно, в лётчики готовил. Да куда там, рождённый ползать тому не обучен, и желания нет. Летел я славно, но кусок курочки, что стащил со стола, из зубов не выпустил. Наука пошла впрок, больше не самовольничаю: попросил – дали, нет так...

Уж не знаю, какая тяга меня подтолкнула, а полюбил я летом, лежа в тенёчке на грядках, похрустывать огурчиками. Вкуснятина не намурлычешь какая. Во-о-от!

– Варлаам, не понимаю, что с огурцами, – хозяйка пока-

зывала на висящие огрызки.

– Может, полёвки нагрызли?

– Столько? Маленькими зубками? – её возмущению не было предела.

Они бы в жизнь не разгадали ту загадку, если бы я сам себя не выдал с потрохами. Ну, хрумкал себе в одном месте, а тут соседке собрали бесхвостые «зелёных». Да пусть бы стояли, где их оставили. Нет! Решил я попробовать, чем отличаются ведёрные от...

– Иди сюда! – кричит она.

– Что? – он вылетает, словно ошмаленный.

– Васька огурчики жрёт. Вот кто на кустах их объедает.

И так мне стало стыдно, что страшно. Вжался я в землю и жду. Наказание всегда приходит неожиданно.

– Молодец! – голос хозяина.

Приоткрываю глаз, он улыбается. Что такое? Неужели свезло?

– Теперь будем знать, кому выбрасывать излишки...

Вот оно! Будут закармливать до смерти. Сам напросился. Однако миновала меня эта участь. Кайф!

Но зеленью питаться я люблю. Мышку птичку съел, огурчиком хрустнул – рацион.

С недавних пор стал меня пленить по утрам некий волшебный запах, что от хозяйского стола исходит. Долго терся, выпрашивал, голос подавал, старался. Кусочек перепал ужасно вкусный. Сон сказала: «Сыр».

Я так на него подсел, что за малюсепулечку этого велико-лепия готов плясать и делать всё. Что с ним в сравнении моро-жѐное? Ничто... хотя и от него я никогда не отказываюсь. Сидим с усатым всегда вдвоём, съедаем целый белый кирпич, но «Сы-ы-ы-ы-ыррррр».

– Варлаам, ты что сегодня купил? – она рассматривает чудесный жёлтый треугольник.

– Решил вот попробовать. Коллеги нахваливали.

– Я же всегда беру полутвёрдый, со вкусом топлѐного молока, а это что?

Не понимаю их совершенно, запах меня сводит с ума. Потеря об ноги одного, потом другой. Присел и молча жду. Не выдержал: «Мяу-у-у-уа!». Сон отрезала кусочек:

– На, моё золотце.

В эту секунду я убедился, что приятно пахнущее не всегда вкусно. Отошёл от дурного сыра, смотрю на хозяйку.

– Даже Вася не стал, есть, а ты: «Коллеги...». Я его на выпечку, сделаем пиццу. Кис-кис-кис, пойдѐм нашего пожуѐм.

Люблю я их, своих двуногих. Они – как котята. Думают, что я у них живу. Это они в моём доме на всѐм готовом. Эх!

– Вася, ты дома? – пришли, сейчас надо замереть и не дышать. – Кисюлечка! Ой! Кот за компьютером сидит.

Спрыгиваю со стула: «Мяау-у-у-у!», – люблю бока чесать об её ноги: «Му-у-уррр!».

– Варлаам! – смеётся она, значит, надо убежать, хорошо он дверь приоткрыл, успеваю. – Наш любимчик рассказ напи-

сал. И про нас есть...

Карандаш

Учась в третьем классе, я обращал внимание, что мама, заблаговременно, приобретала в «Союзпечати» или на почтамте открытки и конверты. Недели за две до того или иного праздника, она доставала свою записную книжечку, брала ручку и писала поздравления нашим многочисленным родственникам, разбросанным по всему Советскому Союзу.

Будучи постарше мне было интересно помогать ей. Я искал в подшивках журналов школьной библиотеки поздравления, аккуратно выписывал их в отдельную тетрадку. Дома мы с мамочкой заполняли открытки, подписывали конверты. Отбирали наши семейные фотографии и вместе с открытками вкладывали их в нужный конверт, которому принадлежала своя марка в зависимости от места нахождения адресата.

Выпорхнув из родительского дома, это занятие стойко перекочевало и в мою семью. Адреса с годами утратили свою необходимость, хотя я их до сих пор храню на всякий случай. А вот список: с датами рождений, годовщинами, юбилеями моих близких и дальних родственников, одноклассников, сослуживцев, коллег, соседей и знакомых – висит, распечатанный на четырёх листах А4 на стенном крючочке в столовой нашего дома. Удобно и просто. Можно не снимая, уперев бумагу о стену, внести корректировку или

дописать новое. А при желании, переместить список на рядом стоящий стол.

Утром, шлёпая через кухню на веранду кормить кота, я всматриваюсь в список: «Кто у нас сегодня счастливчик? Ага!». Пока занята ванная комната, посредством SMS или WhatsApp набираю и отправляю поздравления. Всегда стараюсь придумать коротенький, но с тёплыми пожеланиями текст. Родителям звоним или заезжаем по пути на работу.

Со временем таблицы корректируются. А на мои плечи легла почётная обязанность напоминать домашним об их друзьях и знакомых.

– Варлаам! А где список? – жена осматривает столы и полочки в столовой.

– Соня! Нет его!

– Как нет? А где? Я точно помню, что сегодня у кого-то из коллег днюха, а у кого...? Надо по пути торт взять...

– Его нет, и больше не будет! – заключил я из ванной комнаты.

– Ва-а-арла-а-ам, не шути. Я серьёзно. Куда положил? Я прохожу в нашу спальню.

– Сонь! Я его выбросил. Поздравляю всех, поздравляю, а нас постоянно забывают...

– Ты, что обиделся?

– Да! – закрыл дверь в спальню.

Завтракаем. Семья молчит. Кот из-под стола на меня смотрит. Чувствуют, что я не с той ноги встал. Вот всегда

на правую ступал с кровати, а сегодня явно на левую... или сразу на две. Не помню.

– Папочка, я тоже хотела посмотреть, у кого день варенья... – печально так Ксюша, и смотрит большими глазами так нежно.

– Вот! – я встаю и извлекаю из шкафа под умывальником, стоящий между мусорной корзинкой и стенкой, список. – Посмотришь и выбросишь!

– Варлаам, да что случилось?

– Сонь! Я каждый год всех поздравляю, а нас в этом году много кто забыл. Я их ... А они...

– А я тебе говорила, не пиши. Зачем ты навязываешься. Близких поздравил, а остальные обойдутся. Зачем себе нервы рвать?

– Точно! Навязываюсь! Они, наверное, думают, что в гости набиваемся... А нас не поздравляют, чтоб в гости не пригласили, а то подарки придётся покупать... Жмоты! – рву листы и выбрасываю в мусорное ведро.

– Давай после работы вместе пробежимся и оставим в нём только близких... У всех свои заботы, проблемы...

Новый список содержал два листа А4. Но через полгода в него добавился ещё один. Качели с листочками продолжались в течение года.

– Соня, посмеяться хочешь? – с телефоном в руках я захожу в комнату.

– Что там?

– Смотри! Поздравил сегодня сына двоюродного брата Олега Лёшку с днём рождения... А он в очередной раз просит напомнить дни рождения наших детей... и твой.

– Вот видишь! Олег запишет и будет тоже нам писать или звонить!

– Жди! Он и в прошлом году спрашивал, я ему отправлял... и года два назад...

– Напиши!

Не знаю, что на меня нашло в тот раз? Вообще-то мне доставляет удовольствие поздравлять. И я это делаю с регулярным постоянством. Могу заказать безделушку в Интернет магазине, оплатить и указать адрес доставки именинника. На годовщину свадьбы покупаю цветы и курьером отправляю «молодожёнам». Это такая радость.

Поэтому список постоянно висит на своём прежнем месте, а рядом с ним на ниточке красный карандаш. Зачем портить бумагу, когда можно вычеркнуть того или иного недобросовестного «счастливчика».

«Тётя Наташа, вы поздравили папу? Нет? Пишите сообщение...».

«Дядя Юра, а вы маме с папой поздравлялку отправили? Как с каким? У них сегодня двадцать лет совместной жизни. Пишите...».

«Вы, что?! Он уже карандаш приготовил. Вычеркнет!».

Сейчас аналогичные таблицы почти в каждом доме близких и дальних родственников, и поздравления, не ради по-

дарков или благодарностей, а просто для хорошего настроения, сыплются со всех сторон в нужные даты. Это такое счастье!

Кеша

1

Сорока не оставила нас в покое. Почти каждый день рано утром она стрекотала и стучала клювом по металлочерепице. Но это ничто в сравнении с её катаниями сверху вниз, скребя коготками по металлическому полотну. Звук настолько раздражительный, что приходилось бежать на улицу и бросать в неё камешками, которые, в свою очередь, грохотали внутри дома так, как будто булыжник прыгает мячиком.

– Варлаам, хватит уже. Пять утра, дай поспать, – Соня выходит на веранду.

– Кеша, вали в лес... достал! – я зло смотрю на вышагивающую белобокую по коньку крыши.

– Ты почему называешь птицу Кешей, а вдруг она девочка? – уже за завтраком интересуется жена.

– Мне было лет десять или одиннадцать, не помню... мальчишки взрослые, сорочонка, закидали камнями и ушли. Он был живой. Я его подобрал и домой. С мамой выходили.

Назвали «Кешей».

– А что с ним потом было?

– Недели две пожил и улетел. Правда, в тот год часто нас навещал. Прилетит, сядет на оконный отлив и стучит клювом. Мама откроет створку, даст ему кусочек сыра, и он улетал. А то сидит на крыше и курлычет.

– Ваня, сынок, мы на работу, – Соня крикнула с порога и закрыла входную дверь.

Я выгнал машину, закрываю ворота. Супруга разговаривает с соседкой. Зоя на эмоциях, руками жестикулирует. Подхожу ближе.

– Сонь, опоздаем. Мы ещё к твоим старикам хотели заехать. Зоя, привет!

– От старых штиблет..., – парирует жена Паши.

– Ты чего с утра такая возбуждённая? Муж чем обидел или...

– Да сорока ваша задолбала! – Зойка аж покраснела от злости.

– У нас нет никаких птиц. Васька единственный представитель домашних любимцев в доме. А чужого добра нам не надо приписывать..., – я что-то тоже на волне соседки чуть вприсядку не пошёл.

– Как не ваша?!

– Стоп! – Соня оборвала прения сторон. – С работы приедем, разберёмся. Чего в пустую словами стреляться...

Ну, всё удовольствие разломала поговорить с дорогой

сельчанкой.

Что на работу, что с работы ехали, не проронив ни слова. Самое интересное, в течение дня ни один мускул на голове не пострадал от перенапряжения. Ну, будет разговор и будет.

Переоделись, привели себя в порядок и пошли на переговоры.

– Со-о-о-осе-е-е-еди!

– Заходите, гости дорогие! – приветствует Павел. – С чем пожаловали...? Ой, а в руках ничего нет?!

– В дом пойдём или на улице поговорим, – Соня сразу перешла к делу.

– А чего в доме вам делать нашем, – на пороге Зоя показала в позе руки в боки. – Сразу на место преступления и пойдём!

– О, как! – Пашка тыкнул пальцем в небо, – завели, значит, птицу, а нам страдай...

– Ребят, вы говорите конкретно, а этими наговорами грешно заниматься. Виноваты, поможем. Нет, так на нет и суда не будет.

Пошли за дом. Подходим к сараю.

– Здесь у нас куры! – Зоя руками развела. – А там сбоку яйцо скатывается и в солому...

– Экскурсовод хренов... Ты людям по существу. Варлаам сейчас взорвётся от твоего «эрмитажу», – сосед перехватил инициативу. – Куры несутся, яйцо выкатывается, сорока берёт его и... на крышу, – Пашка показал наверх сарая. –

Моя приходит, а из расчётного количества половина на месте. Знать, кто-то таскает. Куры не достают. Чарлик этим не питается. Васька замечен не был...

Сосед переводит дух, вытирает пот, а жена его продолжает:

– Я на дежурства встала. Моему то с утра на работу, а я на пенсионе. Караулю с самого, самого рассвета. Летит, значит. То орёт как оглашенная, а то молчком и сразу в солому нырк. На крышу сарая взлетела, в клюве яйцо. Стукнула, выпила и опять в солому... Вот я спрашиваю вас, мои дорогие соседи, чем я перед вами так провинилась, что ваша сорока у меня яйца таскает, а?

– А с чего ты взяла, Зоя, что она наша? – Соня подбоченилась.

– Так она у вас целый день во дворе живёт. То с котом играет, то с нашей собакой... Вы сами посмотрите. Варлаам, вот залезь на лестницу, взгляни на крышу.

Ущерб, конечно, был на лицо. По всей крыше скорлупа яичная красовалась.

– Теперь понятно, – я расплываюсь в улыбке. – Ну вы и придумали, кого крайними сделать.

– Ну дык, – Павел виновато опустил голову.

– Давай, сосед, думать, как её, проказницу, поймать. А то делим шкуру неубитого мамонта.

Претензии сошли на полное понимание соседей. Зоя с Соней накрывали на стол, пока мы с Павлом мастерили обле-

чѐнную крышку с сетью на их яйцо-приѐмник. Потом за ужином под домашнее вино соседского разлива вырабатывали план захвата проказницы.

– Зой, ты главное, вовремя дѐрни за верѐвки, – показываю руками по воздуху. – И не обнаружь себя раньше времени. Да не кричи, как словишь пернатую. Напугаешь, она вам клювом все руки побьѐт.

– Нет, Варлаам, я завтра утром не пойду на работу. Мистеру позвоню, не обломаются без меня... да и аварий на водопроводе вроде не намечалось.

– Тогда сами разберѐтесь. Всѐ! Спасибо вашему дому, а мы до своего пошли.

Рано утром нас разбудил дуплет радостного крика.

– Поймали Кешу. Жалко птицу, – я перевернулся на другой бок и накрылся с головой.

– Не переживай, Варлаам! Кеша за себя постоять сможет, – успокоила жена.

Через пять минут скрежет коготков по крыше и нечто похожее на «Кха-кха-кха» возвестили о весѐлом катании белобокой по крыше. Я даже представил улыбку и хитрый взгляд умной птицы.

На неделе встретил Павла:

– Здорово, сосед! – приветствую его.

– Здравей, видали, – в свойственной ему манере ответил угрюмо товарищ.

– Чего не весел?

– А ты, какой-то не в меру весёлый.

Обменявшись любезностями, провожаем друг друга к дому.

– На работе неприятности? Или дома что случилось, – наступаю собеседнику на «мозоль».

– А-а-а! – отмахивается. – Наберут пацанов на флот, а дядя Паша потом отдувайся. Сварщика молодого в бригаду приняли. Я ему говорю: «Возьми троечку. Дай соточку... и накладывай шов», – а он металл прожёл. Пришлось личным опытом отличаться, учить несмышлёныша.

– Так тебя, получается, повысили. Шефом назначили над «зелёным», – улыбаюсь.

– Назначить назначили, а прибавку к окладу простили. Вот где справедливость, Варлаам?

Я пожал плечами.

– Белобокая яйцо больше не таскает? – решил свернуть с большой темы.

– Нет! Зойка мне всё темя «выклевала». Пришлось нашу ловушку в крышку преобразовать. Теперь жена довольна, – сосед расплылся в улыбке.

Кеша как в воду канул. Давно его не видели. Даже скучать

стали.

Время бежит, вот и осень. На улице ещё тепло. Но то дождь, то пасмурно, земля сырая, по участку много не походишь, чернозём налипает, что чугуняки на ногах.

Соня вечером телевизор смотрит, Ваня у себя в комнате изображает, что уроки делает. Я читаю книгу.

Тук-тук-тук!

Я посмотрел на жену. Она на меня.

– Ванька, это ты стучишь?

– Нет!

Тук-тук-тук!

– Как будто по стеклу?! – сказала супруга.

Подойдя к окну, я отдернул штору, никого не видно.

Тук-тук-тук!

Прозвучало в другой стороне. Иду на кухню, открываю жалюзи.

– Кеша! – на отливе сидит сорока и аккуратно стучит в оконную створку.

Заметив меня, птица расправила крылья и открыла клюв, смешно мотая головой из стороны в сторону. Потом белобочкий подпрыгнул, взмахнул крыльями и полетел к веранде.

– Варлаам, что там?

– Кеша прилетел. Мне показалось, зовёт. Надо выйти.

– Так, пошли, посмотрим.

Выходим на веранду. На столе сидит Вася и смотрит сквозь стекло. Перед крыльцом стоит наш герой, а рядом

вторая сорока. Выходим к ним, пернатый расправляет крылья и клопочет, но тихо и бежит к нам, потом возвращается к собрату.

– Что-то друг Кеши выглядит неважно, – сказала Соня и присела перед второй птицей, – Ой! У неё лапка сломана, косточку видно, – поднимая птицу, сказала жена.

– Вася, освобождай стол, – кот недовольно произнёс: «Бра-ар-мя-я», – но послушно спрыгнул на стул.

– Поехали, Варлаам, в ветлечебницу.

Ветврач у нас в селе своя. Кабинет прямо у неё в доме. Соня с «потерпевшим» пошла лечиться. Я сижу в машине, а белобокая на капоте. Когда через сорок минут жена вышла, держа в руках птицу, Кеша расправил крылья и закурлыкал.

– Придётся вам у нас погостить. Твоей подружке шину наложили.

– Почему подружке? Как ты определила? – мне даже стало интересно, птицы практически не отличаются друг от друга.

– Светлана посмотрела, сказала, что это девочка. Давай её пока звать Клава. Кеша, пойдём к врачу пол определять... – Соня улыбнулась.

Сорока на капоте вопросительно проговорила: «Кла-ак?», – и, склонив набок голову, опустила крылья.

«Больную» мы определили в картонную коробку на веранде. Васю временно перевели в летнюю кухню, а Кеша определил себе место под козырьком сарая.

Вечерами мы позволяли коту и белобокому проведывать

Клаву, которая смешно ходила, переводя лапку с шины в сторону, напоминая пирата Сильвера. Кеша старался встать к подружке как можно ближе, бочком подпирая и помогая ей вышагивать ровно. При этом они смешно переговаривались «курлыкая», «гурлыкая», с постукиваниями клювами.

Вася, словно филин, смотрел на эту идиллию, сидя на столе. Птицы действовали на него как гипноз. Веки его тяжелели, и глаза закрывались.

Прошло чуть больше двух недель. Утром, с первыми лучами солнца, Клава и Кеша поприветствовали друг друга громким стрекотанием. И только потом где-то в стороне раздавалось «Ку-ка-ре-ку» соседского петуха. Жить стало веселее.

– Ну вот... наша «квартирантка» полностью выздоровела, – потягиваясь, проговорил я.

– Вечером поедem к Светлане снимать «гипс»!

Зимой влюблённая парочка порадовала нас своим визитом, катаясь с крыши по снегу.

Носки

– Варлаам, лето на дворе! Жара несусветная... Ты что надел? – Соня с крыльца мне вдогонку.

Я остановился на полпути к машине, осмотрел себя:

– Где? – я даже развернулся в одну сторону, в другую и попытался заглянуть себе на спину... эх, не рак я, не улитка. Ничего подозрительного не заметил.

– Я же тебе приготовила нормальные носки! Ты где эти откопал?

– В ящичке... Увидел носоки и...

– В каком ящичке? «Носо-о-о-оки», – передразнила меня.

– У кровати, в тумбочке. Выдвинул ящичек, взял, надел и...

– Ты бы еще шерстяные взял. В нижнем ящичке опять копался?

– Какой открылся..., – тяжело вздохнул.

Я понял, надо идти в дом. Сонечка так просто не отпустит: «И что опять не так?». Жена в руке протянула мне пару черных носков с укороченным верхом.

– Нарядился, как Гулливер, – она рассмеялась.

Я подошел к зеркалу от пола до потолка на веранде. Посмотрел на себя со стороны: «И чего ей не нравится? Нормальные мужские носоки... И до колен не достают».

– Хорошо выгляжу. Футболка, бриджи и носки...

– Снимай! Не позорь меня! Ты бы их еще до ушей натянул.

Присев на стул, я поменял носки и надел кроссовки.

– Варлаам! Ну, ты, никак сдурел совсем... жара..., – она постучала мне по голове, – сандалии для чего?

Тяжело вздохнув, надел сандалии и подошел к зеркалу. Покрутился. Подбоченился.

– Со-о-онь!

– Чего?

– Принеси галстук... тот светло-зеленый в полоску.

– Зачем?! – супруга присела на край лавки.

– Ну, как я в магазин без галстука. Непорядок! – я приложил воображаемый галстук к горлу, поправил «ежик» на голове, – И шляпу отцову тоже носи...

– Ва-а-арла-а-ам...?! Ты, серьезно?!

– Конечно, серьезно... голову то напечет...

Соня встала, прошла к вешалке, взяла кепку и запустила в меня:

– Проваливай за хлебом! Ишь, что удумал... галстук на футболку и шляпу отцову... да, ей сто лет в обед, моль всю покусала.

Я со смехом выскочил на улицу и, обойдя машину, побежал за хлебушком.

Вы не подумайте, Сонечка у меня жена заботливая, добрая. Бывало подруги ее сидят за столом у нас в гостях и му-

жиков песочат своих: тот носками по спальне разбрасывается, тот пастой зубной всю раковину уделал да щетку мимо стакана положил... А моя роднучка посмотрит на них с улыбкой и так нежно:

– Варлаамушка, ты посуду после первых блюд помыл? Второе можешь подавать девочкам!

Бабы рты поразевают и молчат...

Медуза

– Сонечка, я нашел нашу любимую волну в дороге, – верчу «барашек» и нажимаю кнопки в салоне нашей легковушки, настраиваю радио.

Музыкальный проигрыш и голос диктора оповестил: «Авторадио! Сделай громче!».

Каждый день в восемь утра мы покидаем дом и уезжаем всей семьёй по своим рабочим местам. Ксюшу и Ванечку завозим в школу. До работы жены добираемся минут за пятнадцать, и еще пять минут я перемещаюсь пешком в свой цех по сборке мебели, предварительно бросив машину на стоянке перед учреждением супруги.

Каждое утро, слушая «Авторадио», мы, на протяжении года, впитывали одну и ту же утреннюю рекламу, шутки ведущих и песни. Такое впечатление, что идет не прямой эфир, а запись. Только вот пленка на реверсе и его забыли отключить.

«Утро Сурка» нас даже веселило. Мы повторяли за ведущими, цитировали рекламу и пели вместе с исполнителями.

А сегодня что-то пошло не так. Скорее всего, редакция решила порадовать своих слушателей. Едем и наслаждаемся, прислушиваемся к новым шуткам.

Звучит песня, которую ещё не слышали. Певец исполняет

первый куплет.

– Соня, ты что-нибудь понимаешь?

– Да! Вот... «Отпечатки на руках, заводной маминот-фон». А! Магнитофон..., – она проговаривает за голосом, – «Время, тихая вода, утекает вонь». Потом разберем. «Кто не видит в небе знак, потеряет восемь ног». Тут просто. «Снова в мире пустота, а в меддому семиног». Чушь какая-то.

И начинается припев. Мы напряженно вслушиваемся, я поворачиваюсь к жене.

– А причем здесь «плинтуса»?

– Не знаю, но звучит красиво, – Сонечка приплясывает на сидении и подпевает, – Плинтуса, плинтуса, плинтуса, мы друзья... Плинтуса, плинтуса...

– Да-а-а-а-а...

– А что? Песня классная и мелодия танцевальная. Надо будет у нашей молодёжи поинтересоваться, кто поёт.

Так мы доехали к месту назначения. Я проводил Сонечку до входа, поцеловал и она упорхнула.

Шагая в цех, я напевал: «Плинтуса, плинтуса... плинтуса, плинтуса... Чушь какая-то. Причем здесь плинтуса?».

После восемнадцати часов я подошёл к машине на стоянке. Запустил двигатель. Обернувшись на здание, нашёл окно кабинета супруги.

Соня помахала рукой и показала, что уже спускается.

– Плинтуса, плинтуса, – она подошла к автомобилю.

– Ты тоже поёшь эту хрень?

– Представляешь, целый день...

– И я тоже... Даже представить не могу.

Мы посмеялись и поехали домой. По пути заскочили в магазин.

– Детвора, встречайте маму! Кто-нибудь возьмите у меня пакеты из рук!

– А в ответ тишина, дети делают уроки! – посмеялся я над нерасторопностью наших очаровашек.

Сбросив обувь, я перехватил у Сони продукты и вошёл в кухню. Занимаясь привычными делами, мы вдвоём весь вечер пели: «Плнтуса, плнтуса...».

Когда за ужином мы опять запели, дети переглянулись и начали улыбаться, играя в переглядки.

– Мам, а что вы с папой такое поёте? – Ксюша спросила, как-то не по-доброму. Мне показалось с иронией или издёвкой.

– А что? – я даже поперхнулся...

– Мы сегодня с папой по радио слышали эту песню, – перебила меня жена, – вот хотели у вас спросить, молодёжь, кто поёт...

– Это певец Матранг... ну, Алан Хадзарагов... «Матранг» у него псевдоним... А что вы там поёте?

– Плнтуса, плнтуса..., – дуэтом запели мы с Соней.

– Ха-ха-ха..., – Ксюша и Ваня, уже не сдерживая себя, засмеялись в полный голос и одновременно прокричали, – Медуза, медуза...

После ужина, прослушав несколько раз разные варианты исполнения, мы, наконец-то, услышали долгожданное «Медуза».

Как хорошо, когда в доме подрастающее поколение. А, если бы не они, нас с Сонечкой точно бы засмеяли родственники и друзья, услышав наши «Плнтуса».

Похудели вместе

Насмотрелись мы с Соней всяких передач о здоровье нашем и решили, что пора садиться на диету. Скоро лето, а из зеркала смотрят на нас два «чупа-чупса» на стадии перехода в холёных колобков.

Есть у жены коллега, которая специалист в этом деле. По её совету и разработанной методике, мы приступили к процессу. Суть сводится к тому, что рот заклеивается скотчем и полный... Так и есть, но «пушной зверёк» покинул нас в первый же день, так как все продукты из холодильника были розданы по соседям. Сарай и погреб закрыты, ключи переданы «старейшинам» нашей родовой общины.

– Если же я нарушу, взятые на себя обязательства... Тьфу, право! Сонь, а Сонь! Ну, зачем ещё клятву давать? – стою перед столом в зале, за которым сидят наши дети.

– Читай! Я сейчас тоже к тебе присоединюсь...

Ксюша живёт в общежитии при институте, а Ваньку определили на постой к бабушке. Таким образом, была решена первая задача – ничего в доме не варить.

– Ксения, ну хоть ты скажи матери...

– Пап, ты сказал «Да»? Терпи...

– О! А чего это ты так вырядился? – Сонечка чуть не упала со смеху.

На мне бирюзового цвета рубашка с галстуком и парадный пиджак... Правда ниже трико и ноги босы.

– Момент торжественный. Не в халате же клятву читать?
А на ужин сегодня что?

– стакан кефира!

Я только вздохнул.

И вот начались наши страдания. Утром подъём. стакан воды выпил, и приводить себя в порядок. Завтрак – на блюдце вареное куриное яйцо, огурчик, помидорчик и половина кружки чаю без сахара.

На работе каждый себе хозяин, но данная клятва обязывала стойко переносить все тяготы голодной жизни...

Обед в баночке из дома. Суп наилегчайший 500 мл – на курином бульоне отварные нарезанные крупно овощи.

Домой ехали молча. Общение было невыносимо. С каждым открытием ротовой полости голод усиливался.

Ужин – отварная курятина или раба без приправ и соли. Чай без сахара.

Перед сном стакан кефира.

Какой нормальный мужик, занимающийся целыми днями физическим трудом, выдержит такие мучения?

Первый выходной мы проснулись в пять утра, и лежали до семи. Старались не шевелиться, чтобы не усиливать чувство голода.

– Варлаам, ты чего там жуёшь?

– Ничего!

– Покажи! Быстро покажи... Ты, что сдался?

– Нет! Вот! – я извлек изо рта на ладонку кусочек древесной коры.

– Это что? Ты совсем головой пошёл...

– Знаешь, её во рту держишь, посасываешь, и чувство голода растворяется...

На следующий день Соня со мной согласилась. Кора отвлекала. На лицах появились первые улыбки, больше напоминающие страдание, нежели радость.

– Сонь... Сонь... Со-о-оня-я-я-я, – я трясущую жену за плечо.

– А! Чего? Где? – супруга повернулась.

– Ты кричала во сне. Страшилка приснилась?

– Нет! Блинчики жарила, зевак отгоняла...

– А я шашлыки прямо с шампура ел...

Со второй недели к семейной диете прибавились физические упражнения – легкая зарядка утром, в полдень на работе небольшая пробежка, дома вечером силовые комплексы.

На третьей неделе отказались от коры. Она была то соленая, то сладкая. А нам ни то, ни, то нельзя.

Сын навещал нас раз в день. Дочь приехала погостить на выходные четвертой недели.

– Папа! Мама! Вы такие молодцы! На вас приятно посмотреть...

– А раньше?

– Пап, плюнь. А как вы контролируете свой вес?

Я посмотрел на Сонечку.

– Никак...

– А у вас весы есть? – Ксюша явно хотела испортить нам настроение.

На следующий день в ванной комнате сверкали новенькие напольные весы, а мы с женой каждый разлиновывал свою тетрадку с показателями веса и объема талии.

Рацион менялся только овощами. Гимнастика занимала по утрам тридцать минут. Пробежка в полдень дошла до трёх километров, а вечером силовые комплексы (пресс, отжимание, приседание) пополнились тридцатиминутным фитнесом.

Через два месяца организмы наши окрепли, вошли в норму, и мы вернули домой сына. Соня готовила для него полноценные первые и вторые блюда. Это нас совершенно не беспокоило, но запахи пьянили до лёгкого головокружения.

– Варлаам, ты обратил внимание, что от близости появились новые ощущения?

– Нет! Я обратил внимание, что процесс увеличился по времени и двух раз мало...

– Ты мой ненасытный...

В апреле Ксюшенька приехала домой и, увидев нас, остолбенела.

– Ну, вы молодцы!

Ещё бы. За четыре месяца мы здорово похудели. Настолько, что пришлось обновить гардероб.

Ты это, заходи...

Дело было весной. Я сидел в Интернете, бегал по магазинам, выискивал объявления... одним словом, поднял рабочую суету по приобретению строительных материалов. Но покупать по завышенным ценам, когда есть места с заниженными, не хотелось.

Сосед присоветовал прокатиться в районный центр.

– Там, Варлаам, – говорит, – Есть склад, про который мало кто знает. В ём материалов видима... невидима и на все хорошие скидки.

Повелся я быстро. Петрович никогда не подводил. Где информацию брал, только ему известно. Бывший разведчик. Каких войск, не знаю.

Собрался и поехал. Сонечку предупредил, чтобы к ужину не ждала. Может очередь, а может еще чего.

Районный центр от нас в пятидесяти километрах. Дорога вначале проселочная, потом асфальтированная. Домчал быстро и без приключений. Городок небольшой. Население всего шестьдесят тысяч. Узловая железнодорожная станция. Автовокзал. Больница с поликлиникой огромные территории занимают. Даже детская железная дорога есть.

Пересек мост через Дон, въехал в город. Остановился, достал план-схему Петровича. Сориентировался и направился

до здания Пенсионного фонда. Здесь машину бросил на стоянке. Смотрю магазин строительных товаров. Надо же. Не обманул старик.

Походил, посмотрел. Что-то не то. Цены «кусаются». Да и на описание разведчика не похоже.

Сверился со схемой и пошел мимо домов. Забрел в гаражи и... уперся в тупик. Туда к железке значит забор под два метра, а вправо и влево его ни начала, ни конца. Для приличия походил, вдруг дыра в заборе есть...

– Стоять! – за спиной четко так, по-армейски.

Я решил повернуться.

– Стоять смирно! Не крутись! Кто таков?

– Склады ищу!

– Значит диверсант! – голос хихикнул, носом хрюкнул, – Кругом!

– Какой такой диверсант? – я повернулся.

Передо мной стоял среднего роста, полноватый мужчина лет шестидесяти с большим плюсом в расстегнутой рубашке и бриджах. Лицо гладко выбрито. Голову покрыла седина. Глаза с хитринкой, улыбка яркая. Судя по расстегнутой ширинке, то ли собирался, то ли уже полил цветочки у забора.

– Чего шарисься? Чего ищешь? Говори коротко и четко! Не люблю, когда воду в ступе месят...

– Склады строительные ищу. Вот сосед схему нарисовал, – показал лист бумаги, – Сказал, что дешево продают и всего навалом...

– Дык, был склад... уже года два, как нет. Только тропинка к нему за гаражами идет. Но там сейчас пусто.

– Бли-и-и-ин... только зря перся...

– Не сердчай, – мужчина заправился и глянул на меня потечески, – Куришь?

– Нет!

– Выпьешь со мной?

– Не пью!

– Да-а-а-а-а, – в свою очередь расстроился человек. Он протянул мне руку, – Алексеич.

– Варлаам!

– Еврей?

– Антисемит?

– Пошли..., – он зашагал в сторону гаражей.

«Странный, какой-то. И чего привязался. Может послать и к машине?», – выходя из кустов, думал я.

– От... черт, – споткнулся и чуть не упал... под ногой что-то прокрутилось...

– Чего там?

– Бутылка. Блин, – я схватил ее и зашвырнул в сторону пустующих строений за забором.

Со звоном разбившегося стекла в воздух с криками поднялась туча воронья.

– Бежи-и-им, – закричал мужик, и мы рванули с места.

Забежали в гараж.

– А чего убегали?

– У нас с ними давняя вражда.

– С кем?

– С воронами.

– ???

Я осмотрелся. Сказать гараж, ничего не сказать – квартира. Полочки. Картины. Фотографии со жрицами любви. Стол со стульями, диван и два кресла.

– Мой штаб, – не без гордости сказал хозяин.

В это время по крыше начался неприятный и звонкий стук.

– Началось, – Алексеич посмотрел на мое лицо, выражающее удивление, – минуты две будут бомбить, потом улетят. Присаживайся.

Оказалось мой новый знакомый полковник в отставке. Уже пятнадцать лет на пенсии. Каждый день в течение семи лет, кроме субботы и воскресения, он приходит в гараж, где встречается с друзьями и принимает «посетителей». Идет к нему местный народ с теми или иными проблемами разного бытового или медицинского характера, а Алексеич со своего штаба «разруливает» по телефону и помогает, выезжая на «место». Пока он рассказывал, я смотрел на него с интересом и восхищением.

Но народ с пустыми руками не заходит. Каждый норовит принести подарок – одну или две бутылочки спиртного. Хозяин открыл два шкафа, наполненные разными напитками.

– Но я предпочитаю домашнюю, сосед поставляет... чи-

стейший, как слеза самогон. Будешь?

– Не пью...

– А, да... еврей..., – Алексеич покачал указательным пальцем, – ...антисемит, помню...

И вот за эти годы, посетители, употребив, ходили в туалет за гаражи. И, представляете, каждый или через одного старались подручными предметами запустить в ворон. И так пернатым это надоело, что они в один прекрасный момент начали свои «бомбандировки». Алексеич даже машину продал, когда на ее крышу прилетели камешки.

Я просидел у него еще с часик. Поговорили на разные темы. Он, то ли из вежливости, то ли по привычке, поинтересовался моими проблемами, и чем он может помочь, предложил несколько раз выпить, несмотря на мои отказы. Но адресок «хитрого» склада с дешевыми стройматериалами написал... и позвонил, сказал, что человек от него подъедет.

– Алексеич, спасибо за гостеприимство и помощь. Пора. Будете у нас в селе, заезжайте. Мой дом, Ваш дом!

– Облизательно... адрес записал, телефон имеется. Понравился ты мне... а давай на рыбалку махнем? Созвонимся...

Мы встали, попрощались, и я вышел на улицу.

– Ну, ты это... если чё, заходи, – вдогонку сказал Алексеич.

Я обернулся, чтобы махнуть рукой и чуть не упал со смеху. Полковник стоял, облокотившись правым плечом в от-

крытую створку ворот, подбоченив левую руку и улыбался, а на закрытой створке был нарисован волк из мультфильма «Жил-был пёс» с написанной фразой «Ты это, заходи, если Чё!».

Ужасно вкусный суп!

Приехали с работы, а света нет. Ну, не беда при наличии газа. Спросили у соседей, в чём причина, говорят авария на подстанции. Восстановительные работы обещали закончить к вечеру, но что-то пошло не так и... всё село по дворам на улице ужинает. В гости друг к другу ходят. Запах шашлыка такой, что слюна на уши давит. Песни, музыка со всех сторон на разные вкусы. Не будний день, а праздник.

– Ваня, встречай родителей! Где ты? – кричу, открывая ворота.

А наш сын уже всё приготовил на дворе. Стол накрыт, только присаживайся и черпай половником окрошку по мискам.

– Вот, молодец! – хвалит жена. – Мы с папкой такие голодные, что...

– Мама, давай шашлыка сделаем, – Ванька перебивает, выходя из-за дома.

– Так мясо надо замариновать, времени много уйдёт, – загнав легковушку, выхожу из салона.

– А я... мы всё сделали. Вон в пятилитровой кастрюле стоит... уже три часа..., – отвечает наш восьмиклассник.

– Сам сделал? Молодец!

– Мы с Ксю вместе готовили.

– О, она дома? Приехала?! Какие вы у нас замечательные! – Сонечка по очереди целует сына и вышедшую из дома дочь. – Привет! Вы разливайте, да хлеб нарежьте. Мы с папой переоденемся и к столу.

Я обнимаю принцессу:

– Как дела?

– Всё хорошо!

Ужинаем за разговорами. Рядом на мангале в барбекюшнице мясо готовится.

– Соня, какие всё-таки у нас дети уже взрослые. Смотри, как наготовили. Моя школа! – не без гордости произношу на сытый желудок.

– Себя не похвалишь...

– Никто не заметит, – улыбается дочь.

– А что не так? Вы хоть раз голодные сидели, когда матери дома не было? – возмущаюсь. – Нет, ну обидно, правда.

– Нет! – спокойно говорит «мангальщик».

– Вот! Устами юноши говорит мужчина. Папа всегда для вас вкусности готовил...

– Было раза два всего, – Соня смеётся.

– Но... бы-ы-ы-ыло-о-о-о..., – перст указующий взмывает ввысь.

– Пап, а как назывался тот суп, помнишь с капустой и колбасой? – как-то не по-доброму улыбается Ксюша.

– Трататуй! – не задумываясь, выпаливаю, полюбившееся ещё в молодости слово.

– А рецепт напомни, – жена делает вид, что хочет записать в телефон.

– Да, какой там рецепт... всё, что нашёл в холодильнике, то и в кастрюлю.

Ваня переворачивает барбекюшницу:

– А я помню тот суп.

– Правда, вкусный? – всматриваюсь в глаза «шашлычника».

– Очень, – сын взрывается от смеха. – В том супе даже ложка стояла. Ты пробовал и говорил: «Ужасно вкусный суп!».

– За то, когда был горячим, жиденькое присутствовало, – пытаюсь парировать, чем вызывают всеобщий смех домашних.

– Варлаам, а всё-таки, что было в том супе? – Соня вытирает слёзы.

– Колбаска, кусочек мяса, картошка, – перечисляю, загибая пальцы, – рис, капуста, солёные огурчики... за жарка с панировкой...

– А в ней, что?

– Лук, свёкла кубиками, морковка соломкой, два помидорчика, чайная ложечка томатной пасты...

– Стоп! – вскричала хозяйка дома, смеясь. – Я сейчас лопну. Всё, хватит о кулинарных способностях папы.

Молча, едим шашлык с мангала, который пахнет приятным дымком, запиваем морсом. Вдруг Ваня приосанился,

замычал и начал стучать рукой по столу.

– Что такое? – я подскочил, хлопаю его по спине, а он смеётся.

– Всё, нормально! – сын показывает пустой рот, – я вспомнил... да не стучи, не подавился, успокойся...

– Фу-у-у-у, я испугался, – смотрю на жену. Она побледнела.

– Папа, ты лучше расскажи про рисовую кашу с мясом! – смеётся юный проказник.

Я присаживаюсь, из глаз покатались слёзы.

– Ваня, ты нас так больше не пугай. Больше за столом никаких разговоров! – аж по столу кулаком брякнул.

Все притихли. А я улыбнулся:

– А что про кашу рассказывать? Рис и мясо... ты же меня просил: «Сделай рис с мясом, как мама готовит». Вот я и сделал.

– Варлаам, у тебя ребёнок плова просил, – проговорила Соня.

– Вот и я говорю, каша.

Смеяться перестали, только когда пошли спать. Не знаю кому, как и что, снилось в ту ночь, а я был поваром.

Папа сказал!

На летние каникулы между третьим, четвертым курсами, наша принцесса заявила, о намерении закончить автошколу и получить водительское удостоверение.

Желание ребёнка, закон для родителей. Ну, как тут отказать. В современном мире управлять «железным конём» должен каждый. Это всегда пригодится в жизни. Но... мы с Соной отнеслись к этому с настороженностью. Ксюша, по крайней мере, в нашем присутствии, за рулём ни разу не сидела.

– Дочь, давай месячишко повременим. Я тебя хоть по полям да проселкам выкатаю, – робко начал я.

– Меня раньше, то один дедушка, то другой учили. Навык есть, – парировала наша любимица. – Тем более я уже ходила в ДОСААФ в районном центре, всё узнала.

– Ты бы хоть папу послушала, а если как я... с первого раза не сдала, потом пять раз ходила, пересдавала и, обрати внимание, деньги за это платила, – Соня решила поддержать мои начинания.

– Родители, у вас дочь с головой. У меня всё получится. Вон ребята, мои бывшие одноклассники, там перед армией на профессионалов учились, другие на любителей. Девочки закончили: Маша, Даша, Люба... Все сдали. Говорят, там классно учат и быстро.

– Хорошо! – я поднял руки. – Сдаюсь! У нас машина есть. Время будет я или мама с тобой покатаемся.

– Вы у меня самые классные, – Ксения целует нас по-очереди.

На неделе я съездил в автошколу, всё разузнал, внёс предоплату, предоставил копии документов на дочь. Ксюша прошла медицинскую комиссию и в назначенную дату началась её учёба и мои мучения. Почему? Да просто на автобус вечерний после занятий «студентка» не успевала, а на такси много не наездишься, тем более сердце сжималось, как можно молоденькую девушку в одну машину с чужим мужиком.

Вот и возил её два раза в неделю на обучение.

Теорию она схватывала быстро. Благо сейчас в Интернете масса программ, с помощью которых можно и медведя выучить. А когда ехали в ДОСААФ и обратно, моделировали с нею разные дорожные ситуации то на светофорах, то на нерегулируемых перекрёстках... объяснял я ей, как правильно совершить обгон, и в каких местах он запрещён. Работа и дом отошли на вторую позицию. Мама всецело была занята сыном, а я дочкой.

Во дворе будущий «ас» училась правильно совершать последовательность действий при размещении на водительском месте.

– Села! Ремень безопасности – надела! Проверяю ручной тормоз! Выжимаю педаль сцепление, проверяю нейтральное положение рычага коробки передач! Запускаю двига-

тель! – чтобы это прозвучало чётко, потратили неделю. – Так! Включаю ближний свет фар, левый поворот и начинаю движение...

Для того чтобы девушка уверенно управляла педалями и переключала передачи, я поднял машину на шлакоблоки, для свободного вращения колёс. Не знаю, сколько мы так «проехали» километров и потратили бензина, но Ксения всё делала уверенно, не опуская взгляд на педали и на рычаг.

Несколько раз мы ездили по полевым и лесным дорогам. Ксюша чувствовала себя уверенно, однако скорость совершенно не ощущала, это меня очень нервировало. Сердце обливалось кровью, когда наша «ласточка» шаркала днищем или порогами, разрезала песок...

– Папулечка, ты меня завтра отвезёшь к восьми утра? У меня будет первое вождение, – довольная принцесса присаживается в машину.

– А мне на работу... Ты бы хоть у меня спросила.

– Сейчас пойду, договорюсь с инструктором на другое время.

– Не спеши, – набираю номер на сотовом, переговариваю с коллегой. – Поедем к восьми.

– Я тебя люблю, папочка!

За полчаса до назначенного времени мы гуляли по внутреннему дворику автошколы.

– Вон инструктор идёт. Андрей Сергеевич. Здравствуй-те! – «курсант» приветствует мужчину лет пятидесяти.

– Здравствуйте! Готова?

– Да!

– Здравствуйте, Андрей Сергеевич! – протягиваю руку. Мы приветствуем друг друга мужским рукопожатием.

– Ксения, я буду в машине, – ухожу, а чего стоять и смущать людей.

Первое вождение, как пояснили дочери, заключалось в том, что инструктор показывал узлы и агрегаты машины. Объяснял, где горловина бака, где рычаг в салоне, чтобы его открыть. Что находится под капотом, и как называется. Потом курсант сел в салон и продолжалось обучение последовательности действий...

Я так удивился, когда через пять минут после нашего расставания к выезду на проезжую часть подъехал автомобиль с буквой «У», за рулём которого сидела улыбающаяся Ксюша.

– Если бы у меня все такие курсанты были, я бы отдыхал на этой работе, – смеётся Андрей Сергеевич при нашем расставании.

Едем с дочерью домой.

– А как он тебя на первом занятии сразу на трассу погнал? Нас раньше вначале на автодроме выкатывали...

– Он мне начал показывать, как и что, дошли до бака. Я говорю: «Он вот здесь открывается», – и потянула за рычажок. Потом открутила пробку и на усики крышки повесила. – Ксюша смеётся. – Он спрашивает: «Откуда знаешь?», я ему:

«Папа сказал!». Дальше сажусь в салон, проверяю ручник, рычаг передач. Он опять: «Кто показал?», я ему: «Папа!». «А папа тебе показывал, как надо начинать движение?», – спрашивает Андрей Сергеевич. Я ему: «Да!». Он улыбнулся: «Ну, тогда нам на площадке делать нечего! Поехали в город!». Вот так всё и было.

Три месяца пролетели в одно мгновение. Тестируя дочь по билетам, я и сам что-то вспоминал, а чему-то откровенно учился. Правила меняются, а незнание от ответственности не освобождает.

В день экзаменов мы с Соней оставили принцессу в ГИБДД, а сами поехали по делам. Первый звонок: «Я сдала теорию! Ура-а-а-а! Жду автодром и город». Второй звонок: «Ура-а-а-а! Автодром мне покорился!».

– Поехали, забирать нашу студентку, – говорит Соня.

Припарковались. Ждём. На площадку въезжает «учебник». За рулём Ксения. Улыбка от уха до уха. Рядом инспектор ГИБДД. Автомобиль останавливается, слышен треск поднимающегося «ручника». Двигатель замолкает.

– Мама! Папа! – счастье через край. – Я сда-а-а-ла-а-а!

Девица повисает на шее у жены, потом перекрещивает руками мою шею. Подходит инспектор ГИБДД и Андрей Сергеевич.

– Здравствуйте! А это вы «Папа сказал»? – смеётся полицейский.

– Да, это он... папа этой замечательной и способной уче-

ницы, – опережает меня инструктор.

– Спасибо вам! Дочь у вас молодец! – обмениваемся рукопожатиями.

Всю обратную дорогу, я и Соня молча, слушаем очередной круг рассказа восторженной дочери, как она сдавала экзамены, и как на вопросы и замечания инспектора ГИБДД она говорила: «Папа сказал!».

Грибочек

Август. Лето почти пролетело. Скоро начало учебного года и, коснувшись детских лиц своими ласковыми лучами, солнышко проводит ребят в классы на торжественной линейке.

Нас это предстоящее начало толкнуло в путь. Надо нашего десятиклассника принарядить, да приобрести необходимое к началу занятий.

Решили ехать в город к кумовьям. Машину можно оставить за шлагбаумом во дворе и автобусом или ногами прошвырнуться по школьным ярмаркам и магазинам.

Город. По сравнению с селом – муравейник. Суета везде и во всём. Дорога как автодром. Машины снуют туда, сюда... подрезают, не уступают. Средние пальчики в окошках мелькают. А сколько светофоров понаставили, разметок разных нарисовали и камер навесили... только и гляди в оба, чтобы не получить «письмо счастья» или не увидеть бегущего из-за угла с довольным лицом инспектора, машущего приветливо палочкой-зеброй. Но это все мелочи по сравнению с пешеходами. Так и норовят перед машиной проскочить, да по голове себя постучать или висок подправить, покручивая пальцем.

Оставили мы машину во дворе дома Володи с Галей и

по своим делам. Я просто отдыхаю. Можно сказать, катаюсь на общественном транспорте с выражением удовольствия на лице, прогуливаюсь по городу, перебегаю дорогу перед машинами и громко возмущаясь, отрываюсь по полной, выставляя средний палец правой руки, покручивая у виска и постукивая себе в лоб.

Наверное, часов пять отдавались общей неразберихе городской суеты. Купили всё, согласно списку и возвращаемся.
– Смотрите... грибочек?! – Ванька показывает пальцев.
На краю тротуара важно стоит кондитерский продукт.

– Ой, а там листочек шоколадный, – Соня кивает головой в сторону от нашего маршрута.

Помню, мы еще посмеялись. Мол, горе покупатель пока донесет до дома нечто кондитерское, только коробка и останется.

Звоним в квартиру.

– Кто там? – Галина строго так спросила, мы даже слегка вздрогнули.

– Галя, мы... открывай!

Щелкнул замок. В проходе стояла явно чем-то расстроенная женщина. Мы прошли в прихожую, поставили свои пакеты.

– Ты чего такая? – спросила ее супруга.

– Володька пошел к товарищу, и до сих пор нет...

– Наверное, засиделся! Мужик взрослый. Придет. Ставь чайник, мы вкусняшек купили, – я постарался приободрить куму.

Надо сказать Вовка бывший военный. На срочной службе кусочек Афганистана зацепил. Потом училище артиллерийское. Молодым лейтенантом попал на Северный Кавказ. Вернулся живой, но слегка контуженный. Майором бросил воинскую повинность и устроился в полицию. Просидел в дежурке до пенсии. Так что товарищей у него пруд пруди и еще так раза три...

Пока пили чай, Галина всё переживала за мужа.

– Кума, а посмеяться хочешь? – она на меня подняла удивлённые глаза. У неё, понимаешь ли, переживания, а я со своими веселостями лезу, – Мы, когда возвращались, грибочки и листочки собирали...

– Какие? – напряглась женщина.

– Ненастоящие. Такое впечатление то ли с торта, то ли с пирожного, – пояснила моя любимая.

– Где? – Галя вскочила на ноги, чуть стол не перевернула.

– Там! – хором ответили мы и стали показывать руками в разные стороны.

– Вперёд! – скомандовала супруга военного, – За мной!

Через минуту мы стояли на улице возле грибочка. Галина смотрела по сторонам. Её лицо было сосредоточено.

Вечерело. Солнце клонилось к закату. Снующих прохо-

жих по тротуарам стало меньше, чем днём.

– Листочек где?

– Вон! – протянул руку Иван.

– Шёл через «Пятерочку». Значит, сидел в гараже у Сергеевича, – она посмотрела вдаль, – как же он проскочил мимо арки родного дома? Опять упился паразит.

– Ты объясни, что происходит, – мы не на шутку разволновались, – Ходим, словно за следопытом в прериях.

То, что Владимир любитель выпить, мы знали. А вот его супруга нам рассказала, пока мы шли по тротуару от грибочка выше по улице мимо арки, что он в последнее время под любым предлогом раза два в неделю уходил на «деловые» встречи со своими бывшими сослуживцами. Как правило, засиживался долго. Чтобы смягчить сердце любимой женщины, он всегда на обратном пути покупал цветочки и пирожные. Когда слегка перебирал со спиртными напитками, нередко падал и терял часть или все, что было у него в руках. Но домой приходил. А сегодня.

– Смотрите! Половинка пирожного... вон между торцами домов, – Соня первая увидела следующий ориентир возможного перемещения кума.

Галина уверенным шагом вошла во двор и проследовала вдоль детской площадки.

– Вова?! Милый, – она всплеснула руками и сложила их на груди.

Я подумал, что сейчас упадет в обморок. Мы с сыном взяли ее под руки.

– Где ты видишь? Я его не наблюдаю до самого поворота дома.

– Вон, смотри, из кустов носки торчат на ограждении палисадника.

Подойдя ближе, мы заметили возложенные на небольшой заборчик ноги в зелёных носках. Рядом стояли фетровые туфли. Всё остальное находилось между поломанным кустом. Похрапывая, Вова спал на спине, прижимая к себе букетик полевых цветов и остатки коробочки с тем, что раньше называлось пирожные.

Дальше всё развивалось быстро, как в армии: подъем, туфли, поднятие на ноги, приведение тела в порядок и ни одного упрека. Кум всё принял как должное. Смешно подпрыгивая и слегка покачиваясь, он семенил за женой.

Мы сидели за столом, пили чай и уже собирались ехать домой. За окном темно. Чуть больше ста километров это не расстояние, но всё же. В кухню вошли Вова с Галей.

– Наконец-то! Мы думали, ты его задушила, и тело разбираешь на запчасти, – пошутил я, – хотел идти, место готовить в багажнике.

– Как можно, Варлаам? Я же его люблю... моего самого, самого... Вот нацеловались и к чаю успели.

– Сонь, ты слышала? Они целовались, а мы что, – я подошел к жене, нежно обнял и поцеловал, – поехали домой,

любимая.

– Так не честно! – возмутился Иван, – Все целуются. А я? Поехали домой... меня Валя ждет!

– ??? – у меня даже в носу защекотало, – а мы с мамой, наивные, думали, что он с братом в компьютер играть ходит... Дома поговорим!

Соня против

«Я-я-я тебя лю-ю-люблю-ю-ю,
Леплю, тварь и малю-ю-ю.
О-о-о-о, это Чу-у-удо-о-о,
Чу-у-удо-о-о с ногами-и-и...»

Я сижу на веранде, спаиваю провода на старом триммере. Нашел его на обочине прямо в посёлке. Пспрашивал чей, никто не признаётся. Горе-хозяин видно психанул и выбросил. Я разобрал, сейчас подпаяю, почищу, смажу – пригодится в хозяйстве второй агрегат траву косить. Ванька закончил десятый класс, летом будем вдвоём работать: он двор чистить электрическим, а я в поле на домашнее хозяйство – бензиновым.

– Варлаам! – Сонечка из дому кричит.

– Чего-о-о? – вторю мелодии, исполняемой мною песни.

– Иди сюда! – так грубо и командным голосом, меня аж передёрнуло.

– Я-я-я за-а-ан-я-ят...

В приоткрытую дверь на веранду входит жена с ноутбуком в руках.

– Это, что?

– Где?

– Вот! – супруга ставит рядом с инструментом на стол

«моё сокровище» и показывает пальцем в экран.

– Твою дивизию... мать перемать..., – страничка сайта Проза.ру не закрыта. – Рассказ пишу.

– Вижу! Писатель поселкового масштаба! – прозвучало, я бы сказал, обидно.

– Сонь, я отвлекся... не дописал. Закончу и допишу.

– Допишешь? Эту мерзость? – моя милая так слегка... как замахнулась, я чуть щекой к паяльнику не прилип.

– Тудить тебя в кочерыжку... мать перемать... чего творишь? А, если бы я глазом? И всё... Циклоп поселкового масштаба, как ты говоришь.

– Варлаам, эту мерзость ты больше писать не будешь.

– Та, где ты там мерзости увидела? Никакой работы в удовольствии. Вот стукнуло что-то в голову, и все дома должны всё бросить и бежать... Пожар, что ли? – я выключил паяльник, вышел на улицу к рукомойнику и, вытирая руки, присел к ноутбуку.

Пробежался глазами по тексту. Слегка смутился. Жена прочитала как раз прелюдию к любовной сцене... да, чё греха таить, наверно, и всё остальное. Хотя там ничего до постели не дошло.

– Сонечка, ну это фантазия, а обойти это место по сюжету никак не получится... всё, как в жизни. Понимаешь?

– Понимаю! Только я не хочу, чтобы это было описанием нашей жизни.

– Тут ничего из нашей жизни...

– Да-а-а-а?! Смотри... читай... вот здесь...

– «Это был наш первый «французский» поцелуй. Мой язык проник...». Ну?!

– Так как было у нас в первый раз. Читай отсюда, – жена указала место.

– «Она чуть отклонилась и моя рука легко поймала её молодую грудь...». Сонька, ну ты её Богу с ума сходишь... Да так в первый и десятый раз у всего человечества происходит...

– А я, против! – отрезала супруга.

– Чего, против? – нет, я не издевался. Я действительно не понял, против чего она конкретно.

– Я не позволю тебе позорить меня перед родными и соседями.

– Милая, чем я тебя перед всеми позорю?

– Они все тебя читают в Интернете...

– Ну, и пусть читают.

Жена махнула рукой и ушла в дом. Я ещё раз перечитал. «Чего обиделась?», – вздохнул и пошёл за женой.

Соня сидела на краю кровати в нашей комнате. Пальцы её перебирали фартук, лицо грустное, глаза опущены. Я присел рядом:

– Роднулечка, ну что ты? Обиделась? Да? – приобняв её за плечи и подтянув к себе, я поцеловал в щёчку.

– У-у-у..., – отстранилась от меня Сонечка.

– Милая, ну, что ты... не надо... я не буду, я уберу, сотру,

удалю, – я целовал жену в щёчки, губки. Мы обнялись и повалились на кровать, наслаждаясь друг другом...

– Мам! Пап! Я дома, – как гром с ясного неба раздался голос сына.

Мы вскочили, как ошпаренные. Только мне не удалось выпрямиться и я «ойкнув», упал на колени.

– А вот вы где? Чего делаете?

– О, Вань, принеси с веранды, на столе отвертку фигурную... ножка раскрутилась на кровати. Если бы мама не заметила... день, два и всё... сломалась.

Эта история красовалась в моём следующем рассказе и Соня не была против. Только обозначилась: «У тебя так нежно, получается, описывать любовные сцены, что я хочу тебя, мой Неандерта-а-але-е-ец!».

Гимнаст

Выходной день. На улице весенняя капель. Снега почти не осталось. Дети играют во дворе. Сонечка строчит на швейной машинке. Я сижу рядом, читаю вслух рассказы О. Генри. Да-да, так у нас заведено уже давно. Стараемся просвещаться. Но не каждый в отдельности, а вместе. Я читаю, потом мы вместе обсуждаем прочитанное.

– «Я так и думал, что этого озорника на месте не окажется, – ухмыльнулся Энтони. – Всего наилучшего, Келли», – дочитал я очередной рассказ и захлопнул книгу. – Чем займёмся?

– Давай телевизор посмотрим, – не отрываясь от своей работы, предложила Сонечка.

Я взял пульт и нажал на кнопку «Вкл».

«А сейчас дорогие мои мы поговорим с вами на пикантную, но нужную тему. Герман Шаевич, помогайте!»

«Что нужно сделать перед интенсивным рабочим днем или долгим переездом? Правильно!»

«Облегчить кишечник, дорогие мои!»

«Однако далеко не всегда это происходит по нашему желанию. Что же сделать, чтобы заставить организм сходить в туалет именно сейчас?».

– Хорошо, что у нас не обед..., – вырвалось у меня.

– Оставь! Интересно!

Елена Малышева и её коллеги бурно и весело обсуждают тему. И вот:

«Вы знаете, дорогие наши зрители в студии и у экранов телевизоров, как надо правильно сидеть на унитазе?».

– О! Смотри... они «белого друга» притащили в студию.

– Не мешай. Дай послушать. Мы же всё делаем не так...

«А как правильно надо сидеть на унитазе во время освобождения кишечника, нам покажет доктор Шубин».

Коллега ведущей пояснил, что в наших квартирах унитазы установлены на разной высоте, каждый из нас имеет свой рост, и это не всегда позволяет принять правильную позу...

По очереди, после Дмитрия, доктора в студии продемонстрировали своё умение «восседать» на фарфоровом изделии.

– Соня-я-я-я, ха-ха-ха, – я заливался со смеху. – Соня, а я подумал, они штаны снимать будут...

– Варлаам, ты как ребёнок.

– Пойду, закреплю теорию на практике.

Телевизор продолжал работать. Закончилась передача, началась другая. Монотонно строчила швейная машинка...

– А-а-а-а... мать перемать... да лучше б я чего себе сломал... да, что за... блин, блин, блин...

– Варлаам, что случилось? – Сонечка подбежала к туалету, из которого выходил я.

– Что? Что случилось? – на лице жены застыл ужас.

Я не переставал сыпать ругательными словами.

– Стоп! – скомандовала Сонечка.

– Чего орёшь?

– А, ты?

– Я по делу!

– И я... Что стряслось?

– Сиденье лопнуло, – я попытался улыбнуться.

– Как?

– Сел я на него и...

– Варлаам! – как можно строже произнесла супруга. –

Пять лет, как новый санузел сделали, всё поменяли, всё работало и не ломалось.

Мне так стало стыдно.

– Я... понимаешь... в передаче... Малышева сказала...

Сонечка прошла к унитазу. Откинула крышку. Приподняла сидение. Сверху гладко, а снизу трещина в районе крепежа.

– Ногами, что ли встал?

– Да, нет! Не встал. Сел! Блин! Пошли в зал.

Присели за стол. Соня не сводила с меня взгляд, в котором повис вопрос: «И?».

– Доктора показали, как правильно. Я решил попробовать. Приподнял ноги. Главное увидел, что на наш с тобой рост надо подставочку сделать сантиметров двадцать, двадцать пять от пола. А дети у нас ниже. Вот я решил примериться под Ксюшу, а потом под Ванятку. Вытянул вперед но-

ги, отклонился назад и что-то хрустнуло. Во-о-от!

Я посмотрел на жену. Соня улыбалась, а после моего «Во-о-от», залилась смехом.

– Ой! Варлаам, ну ты и выдумщик. Я представила себе, как ты на унитазе гимнастикой занимался. Ха-ха-ха!

Ты не приходи...

Вечер. За окном осень. То ветер гуляет, листва шелестит за окном, то дождик срывается, бьет по крыше.

Ксюша позвонила маме и сказала, что у нее все хорошо. Занятия в университете по распорядку.

Ванюшка пошел ночевать к двоюродному брату. Никак не могут оторваться от своих компьютерных игр. Несерьезно запрещать парню, который и учится хорошо, и по дому помогает. Должны у ребят в его возрасте быть свои интересы и занятия.

Мы с женой расположились в зале перед плазмой. Сонечка на диване, я в кресле. Смотрим художественный фильм. Сюжет с одной стороны простой, с другой всю душу вывернул наизнанку.

Супружеская чета, прожившая долгую жизнь, воспитавшая троих детей, стоит на пороге расставания. Она неизлечимо больна. Он ее поддерживает. Но все тщетно – жена уходит, а муж решает посетить своих разъехавшихся детей, увидеться с ними в последний раз.

– Тяжелая история, – Соня вытирает слезы, текущие по щекам.

– Так их жалко..., – я тру глаза кулаками.

– Такие фильмы смотреть на ночь нельзя. Теперь будут

сниться.

– Лучше бы боевик нашли или триллер...

– Скажи еще ужастик, чтобы всю ночь вампиры да маньяки снились.

– Сонечка, а ты сильно будешь переживать, если я первый уйду?

– Куда?

– Ну, умру и всё!

– А чего расстраиваться? Я еще молодая, в расцвете сил.

Найду себе приличного дедушку и...

– Я не про сейчас спросил, а вообще.

– И я вообще говорю. Мы же уже не молодые. Ксюша скоро универ закончит, замуж выскочит и в городе останется. Чего ей сюда возвращаться. Иван? Ну, два годика и тоже... либо в институт поступит, либо в армию уйдет. И чего мне одной маяться?

– Да что ты про сейчас заладила?

– А ты чего этот разговор завел?

– Просто спросил!

– Я просто ответила!

Пока разговаривали, супруга пультом нашла другое кино.

Пошли титры.

– Это что?

– Кино?!

– Боевик?

– Какая тебе разница... я уже видела. Хороший фильм,

тебе понравится.

На экране менялись сюжеты, разрывалась музыка, то вздыхали, то кричали персонажи.

– У меня голова болит, – я посмотрел на Сою.

– Она у тебя вечно болит. Пойди таблетку выпей.

– А ты уже не можешь мужу подать таблетку и воды в стакане? Вот так живешь, крутишься... живете, как в масле, а как мне плохо стало...

– Завел старую пластинку. Варлаам, замолчи, – жена встала и вышла из зала.

Она вернулась с наполненным стаканом воды и таблеткой.

– На!

– Какая таблетка?

– Тебе какая разница? У тебя же голова болит... я тебе и принесла от...

– Я спросил «Какая таблетка?», а не от чего...

– Круглая таблетка белого цвета! – Соня уже начинала смеяться.

– Никто меня не любит в этом доме! – заключил я.

– Всё! Завелся! – она присела на диван и продолжила смотреть фильм.

Я проглотил таблетку и запил водой.

– Вот буду умирать, и никто не подаст водички, – грустно произнес, смотря в потолок.

– Варлаам, ты, когда умрешь... ко мне не приходи.

– Как это не приходи? – я оживился, – а если у меня что-

то заболит? Там никто не знает чем меня лечить.

– Там быстро вылечат. В котел посадят и дровишек подбросят...

– А как же ты одна без меня? Непорядок. Буду приходить!

– Ты меня будешь пугать, – и Соня не выдержав, рассмеялась в полный голос.

Я встал с кресла и пошел в ванную комнату.

– Никто меня не любит в этом доме... А я не люблю эти мелодрамы...

Временно забытые

Почти год мы с Соней живём вдвоём. Я подрядился на работу вахтовым методом. Жена работает на прежнем месте. Дети упорхнули: младшенький в университете учится, а Ксения по окончании ВУЗа, приглашена работодателем в Москву.

Общения не хватает. Друг на друга смотрим, как будто не видели никогда. Вечером пытаемся позвонить детям, сбрасывают. На наши сообщения в [WhatsApp](#), приходят ответы: «Занят», «Не могу говорить», «Я на работе», «Перезвоню сама»...

Они, конечно, перезванивают и пишут. Но общения всё равно не хватает. Отсутствует то теплое и близкое, что было раньше в семье, когда сидели за игрой в шашки или шахматы, клеивали модели или накрывали стол на дворе, работали на участке.

– Варлаам, хватит вздыхать. Найди себе занятие, – Соня работает на швейной машинке.

У неё так ловко, получается, перешивать вещи или со старья делать новые изделия. Все родственницы от мала до велика, ходят с подарками, сделанными руками жены: кошельки, сумочки...

– Ты, уже достал. Взял бы на гитаре что-нибудь сыграл, да

спел, – супруга смотрит на меня, а мне даже песни в горло не идут.

Никогда не думал, что так буду скучать без Ксюши и Вани. Однако, желание Сони, как и всегда, для меня – закон. Расчехляю инструмент, достаю свои песенники и...

– Что ты там себе под нос мурлычешь? Пой уже. От твоего мычания даже кот с головой под коврик спрятался, – смеётся.

Я подстроился, прокашлялся, попытался в полный голос пропеть «Есаула». Да не тут-то было, ноты в голосе смешались и вышли «прихрамывая».

– Да-а-а-а, а так хотелось сегодня услышать «начальника транспортного цеха», – жена улыбается. – Кота напугал, он вон в дверь выти пытается. Выпусти.

Хвостато-усатый любимец выходит на веранду. Я открываю холодильник, пью компот. Беру два сырых яйца и, очистив по очереди носики, проглатываю их содержимое. Прокашливаюсь, перекидываю гитарный ремень через голову, разминаю пальцы.

– Ну, вот. Другое дело, – Сонечка смотрит так нежно, что я исполняю несколько песен подряд, словно на одном выдохе.

– Идея! – восклицаю я.

На столе в столовой сотовый телефон ставлю на подставку, включаю видеозапись:

Зелёною весной
Под старую сосной
С любимую Ванюша
Прощается.
Кольчугою звенит
И нежно говорит:
«Не плачь, не плачь,
Маруся – красавица!»

Получается громко, с задором. Я даже успеваю присвистывать и «жонглировать» мимикой. Наблюдающая за мной Соня, смеётся в полный голос.

– Артист, это что сейчас было?

– Теперь делаем вот так, – я отправляю видео Ивану и Ксюше. – Освободятся от своих дел, посмотрят!

– Понятно! Папа начал воспитательный процесс. Не хотите по-хорошему, будет по-доброму. Интересно, что ещё придумаешь.

А тут и думать нечего, когда мыслительный процесс сам себя догоняет и подпинавает.

– Сейчас! – высказываю на веранду.

Стучают дверцы, шаркают ящики. Собираю всё, что мне было нужно, возвращаюсь в столовую. Соня пытается выглянуть из зала.

– Не подглядывай. Потом всё покажу.

Привожу себя в эстрадный вид, беру гитару:

Мы вышли из дома, когда во всех окнах,

Погасли огни один за одним.

Мы видели, как уезжает последний трамвай.

С таким артистизмом и подплясыванием, я ещё никогда не играл, тем более не пел:

Видели ночь, гуляли всю ночь до утра.

Видели ночь, гуляли всю ночь до утра.

Я даже не заметил за собой, танцующую жену. Она прыгала, дёргалась, кривлялась и смеялась. Запись получилась на всё пять баллов. А мой внешний вид: подтяжки на футболку, галстук и панама цвета «хаки», придавали пикантности и гармонии с исполняемой песней.

Запись тут же была отправлена детям.

Спустя час пришли сообщения: «Здорово!», «Норм!», «Мама супер!», «Папа, ты молодец!».

Ещё спустя время: «Папа, ребятам на курсе понравилось. Мы так давно не смеялись! Присылай ещё!»; «У нас в офисе ВЗРЫВ эмоций! Папа, тебе надо зарегистрироваться в Ютубе или Тик-Токе! Я вас с мамой люблю!».

Таким образом, был налажен контакт. На душе стало теп-

ло и уютно. Периодически я отправляю детям песни в своём исполнении, а в последнее время читаю собственные рассказы и миниатюры с описанием нашей семейной жизни. Ивану и Ксюше очень нравится. Они перезванивают чаще, и мы с Соней перестали ощущать себя временно забытыми.

Аквариум

Наша жизнь катится равномерно. Уже стали привыкать к отсутствию в доме детей. Ксюша в Москве, Ваня в военном институте. Наш досуг вечерами и на выходные заполняют кот Василий и телевизор.

Тут после работы решили заехать в юридическую контору. То сё... пятое-десятое время не стоит на месте, а законы меняются, вопросы копятяся.

Пока сидим в очереди, листаем журналы и пробуем конфетки из шарообразной стеклянной вазы. До ужина ещё не скоро, а клиент у юриста застрял, клещами не вытянешь. Он когда входил в кабинет, так и сказа: «Я на пять минут. У меня вопрос плёвый». Вот уже без малого сорок минут там.

– Варлаам, – вполголоса Соня говорит и показывает на ту самую вазу со сладостями.

– И?! – также тихо отвлекаясь от глянцевої картинки.

– Правда, красота?

– Нормально, но не до восхищения.

– Ты чего? У нас на полочке над телевизором в зале будет шикарно смотреться. Представляешь, можно и конфеты, и фрукты положить...

– Ну да, – поддакиваю Соне.

Если у моей жены возникла идея, надеяться на то, что она

со временем пройдёт – бесполезно. Эта идея обретёт свою материальность и будет радовать взгляд хозяйки нашего дома. Спорить и сопротивляться только навредить себе. Поэтому:

– Сегодня, наверно, мы уже не успеем по магазинам. Давай завтра после работы посмотрим. Найдём, купим.

– Угу! – кивнула супруга и, повернувшись к секретарю, – Девушка, а где вы такую вазу приобретали?

– У нас в торговом центре рядом с железнодорожным вокзалом. А моя подруга в зоомагазине купила. Это же аквариум. Вы знаете...

Девушка не успела договорить. В открытую дверь кабинета вышел мужчина, и хмурый юрист пригласил нас жестом войти.

Что такое сутки в человеческой жизни? Иногда это одно мгновение, а бывает и целая вечность. В течение рабочего дня Соня мне позвонила несколько раз, и всё время говорила о предстоящей покупке и о возможных местах её расположения в нашем доме.

– А покупать пойдём в зоомагазин на рынке. Они работают до семи вечера. Там на втором этаже, где продают рыбок, посмотрим вазу. Мне девчата в отделе рассказали. Представляешь, некоторые в них рыбок держат.

Освободившись раньше, потому что кому-то было невтерпёж, в пять часов мы были в магазине.

Соня разговаривает с продавцом, выбирая подходящую

вазу. Если я в юридической конторе не придавал значение словам секретарши, то сейчас оказалось, что это действительно вазы и одновременно аквариумы – товар двойного назначения.

– Мужчина, не стучайте по стеклу. Рыбки начинают нервничать, –

это мне делает замечание девушка за прилавком. – Представляете, какой для них стресс. Они даже...

– Простите, – я сделал шаг назад, – а у вас есть золотые рыбки? – мне вспомнилась маленькая Ксения в зоосаде.

– Да! Пройдите вон к тем стеллажам, – продавец показывает рукой.

Я посмотрел на жену. В её руках был огромных размеров фужер, прямо как в фильме «Особенности национальной рыбалки».

– Тебе нравится? – спрашивает она.

– Да! Только будет жалко, если ножка отколется.

– Ты прав! Возьмём вот эту. Девушка, мы ещё рыбку сразу купим, – Соня покрутила головой, – Вон ту, жёлтую.

Мы никогда не держали дома аквариумов. Поэтому тут же прослушали небольшую вводную лекцию, из которой поняли, что золотая рыбка у нас долго не проживёт. Нужен большой аквариум с нагнетателем кислорода, подсветкой, растительностью и фильтром постоянной очистки воды.

Посмотрев на моё лицо, супруга вздохнула:

– А что вы нам посоветуете на первое время?

– Можно взять гуппи, можно петушка, – охотно предложила девушка. – Они будут себя хорошо чувствовать в вашем аквариуме.

– Гуппи сразу нет, – сказала Соня. – У меня в детстве с ними уже был печальный опыт. А петушки это, какие? Покажите!

– Они перед вами.

На прилавке в разовых пластиковых баночках находились рыбки разных цветов: бордовые, тёмно-синие, перламутровые и зелёные. У них были большие спинные плавники и по их размеру огромные хвостовые. Рыбки то расправляли их, то сжимали.

– Дайте нам двоих. Одному будет, наверно, скучно, – Сонечка чуть не прыгала от радости.

Я любовался супругой и видел в ней маленькую счастливую девочку. Но продавец пояснила:

– Они будут драться, и в конечном итоге останется один. А самочку самец забьёт за один день.

– Ого! – непроизвольно вырвалось у меня. – Такие жестокие?!

– Вот такие рыбки, – пожалала плечами девушка.

Получив ещё несколько ценных советов, приобретя корм, одного петушка и зелёный водный кустик, мы покинули магазин. У Сони появилось существо, требующее внимание и заботу. Её лицо сияло.

Дома, пока я готовил лёгкий ужин, она процедила отсто-

янную воду, обработала аквариум. Расставила в нём прокипячённые морские камешки, когда-то собранные на берегу Чёрного моря нашими детьми. Среди «мелкой гальки» закрепила растительность. После того, как в аквариум была залита вода, в него жена нежно перелила петушка.

Аквариум был торжественно поставлен на подоконник кухонного окна, тюль сдвинута в сторону, жалюзи подняты. Яркое осеннее солнышко слепило глаза и играло отражением от воды на стенах помещения.

Мы ужинали друг против друга. Соня не отрывала счастливого взгляда от плавающей рыбки и мило улыбалась.

В какой-то момент моё внимание привлёк поднимающийся от стола белый дымок.

– Сонька, горим! – я подскочил и перенёс аквариум на стол у противоположной стены столовой. – Ты видела?

– Нет, – искренне и спокойно проговорила моя любимая.

– Больше не ставь аквариум на подоконники и столы, где попадают прямые солнечные лучи. У нас лупа получилась, а она нам клеёнку подпалила. Вот, видишь.

Мы, молча, смотрели на съёжившееся пятно от высокой температуры.

– Бли-и-и-ин! – протянула жена. – А если бы мы так оставили на завтра?

Про это думать не хотелось. Продолжили ужин.

– Соня, а что ты в магазине про гуппи говорила? Я так и не понял.

– Там грустная история.

– А всё же?

– Я когда ходила во второй класс, упростила маму с папой купить мне рыбок на день рождения. Аквариума у нас не было. Отец купил гуппи и подарил их мне в стеклянной литровой банке.

– А чего Абрамыч аквариум сразу не приобрёл?

– Его купила моя бабушка, но когда она мне его вечером того же дня подарила, рыбок уже не было...

– ?! Почему? Кот съел?

– Нет. У нас кота не было. «Февраль, холода», – пропела Сонечка и скривила рот в улыбке. – У меня в комнате работал обогреватель. Я подумала, что рыбки замёрзли, пока папа их нёс по улице, и решила погреть бедняжек. Поставила баночку на обогреватель, включила на максимум...

– Ты меня пугаешь, – я попытался ёрничать.

– Пока мы с мамой накрывали на стол, пришли гости. Меня поздравляли, дарили подарки... Всем хотелось сказать мне много приятного, обнять, поцеловать..., – Соня тяжело вздохнула.

– А рыбки?!

– Когда я пришла в свою комнату, вода булькала, а в банке, как сказал папа, была самая дорогая уха.

– Рыбки, Соня – не твоё!

Спросите как петушок? Живёт и радуется нас. Теперь наш досуг вечерами и на выходные заполняют кот Василий, пе-

тушок и телевизор.

Курочки-дурочки

«Ух-ты, мы вышли из бухты

Впереди наш друг океан», – вспомнил Юру Гальцева, напеваю себе.

По причине снежной погоды на столе в зале я устроил мастерскую. Просмотрел несколько видео в Ютубе и разобрал механическую швейную машинку. Она досталась Соне по наследству от мамы, которой, в свою очередь, она перешла от... Запутаться можно в этих родственных дебрях. Как бы то ни было, а у меня работа спорилась. Разобрал всю машинку, разложив её на столе. Все почистил, продул, смазал маслом и дело оставалось за малым – собрать это богатство.

«А где-то в Крыму

Девочка в розовом сарафане

И мама её не отпускала гулять», – бурчу уже по пятому кругу.

– Варлаам, ты дома? – вернулась от подруги жена.

– Да! Я в зале-е-е.

Сонечка входит раскрасневшаяся.

– На улице мороз небольшой. Ночью до минус шести, пе-

редают, – она присаживается рядом.

– Переживём, – я регулирую челночное устройство, чтобы натяжение нити совпадало с регулятором.

– Что-то не получается?

– Сонь, ты чего так рано пришла? Видишь, процесс важный идёт. Ошибусь на полмиллиметра, и будет она тебе петьльки навязывать, может и нитку рвать.

– Так кто так регулирует? Ты вначале собери... Варлаам, а зачем ты её вообще разобрал?

– Ты работаешь на электрической. Представь, ну если света нет. Достали эту и сделала, что хотела. Или...

– А короче, можно?

– Решил привести её в порядок. Вдруг Ксюша попросит или ещё чего. Отстань.

Супруга изобразила обиженное лицо, встала и ушла в комнату.

– Мать перемать... тудыть её в кочерыжку... Сонь! Иди сюда! – минут через десять зову жену.

– Что? – уже облачившись в халатик, присаживается рядом со мной.

– На какую глубину уголка в эту щёлку заходила, когда лапка опущена?

– Вот так примерно, – показывает пальцем.

Соня внимательно наблюдает за моими манипуляциями.

– Всё! Можно настраивать. Пересаживаемся. Нитку я заправил, пробуй, – механизм заработал, как часики. – Пред-

ставляешь, с первого раза и всё «чики-пуки».

– Ого! Новое словечко, – жена улыбается, – я хотела с тобой посоветоваться.

– Теперь можно. У нас всё настроено, аж душа радуется, я расплываюсь в улыбке.

– Давай курочек заведём?

– В зиму?

– Можно подумать мы, на Севере живём. Конечно, в зиму. Катерина собралась инкубатор заводить. Может, нам десяток яиц заложить от своих кур. По цене сговоримся.

– Ну да. Родственники, как-никак, – поддакиваю. – А потом, как у тещи с тестем будет в позапрошлом лето.

Аглая Иннокентьевна всегда на подворье держала птицу. В то лето у неё бегало десятка три кур, как говорится, в свободном «полёте». Захотели, забежали в сарайку или вышли. И вот в тот злополучный день выходит хозяйка на улицу, а птица вся лежит по сторонам разбросанная, только ветерок пёрышки колышет. Глаша подхватила одну, другую курицу, трясёт, гладит, разговаривает, а они безжизненно болтаются в её руках. Слезы из глаз тещи в два ручья. Бежит в дом, мужа зовёт.

Абрамыч вышел:

– Ёсики-колёсики, да что ж это такое творится. Кому же было надо нам птицу травить. Убью! – кого он собирался лишать жизни, неясно.

– Давай, пока они не окоченели, порубим, кровь гадкую

спустим. Я их почищу... может, ещё в пищу пойдут?

– А если яд? – тесть стоял с каменным от злости лицом.

– Я ветеринару на ферму снесу, проверит, скажет можно или нет.

Горевать некогда. Хоть мясо на бульон или тушёнку спасти.

Абрамыч достал чурбан, вбил в него два гвоздика так, чтобы голову курицы зацепить, вытянуть шею и топориком отсечь в раз.

Аглая Иннокентьевна набрала два ведра воды и в каждое по кипяtilьнику, воду согреть.

– Ты их руби, я буду за лапки подвешивать. Пусть кровушка стекает, – сквозь слёзы говорит деду.

Надо сказать, что им тогда по семьдесят было. Вроде всё делают быстро, а что-то мешкают. Кого позвать на помощь, позвонить не догадались. И время терять не хотели.

Наклонился тесть, поднял на руки первую «жертву».

– Любимица моя. Больше всех яичек несла. Умница беленькая..., – сказал и опешил, лицо в удивлении застыло. Бабка плакать перестала.

Курица приподняла голову, открыла один глаз и смотрит остекленело на хозяина. Из приоткрытого клювика выскочило похожее на «Ик!» и следом «Рыых!». Абрамыч соорил безгливую гримасу:

– Старая, ты чем птицу кормила?

– Зёрнышков с мешка пшеничных насыпала, – подёрнула

плечами Глаша. – А что?

– Да она, – муж повернул птичью головку к своему носу и вдохнул, – фу-у-у-у, пьяная...

– Не мели. Откуда?

– Нюхни, – птица была передана в руки хозяйки.

– Господи! Где их угораздило? Вот курочки-дурочки... чего наелись?

Тесть с тещей обошли двор, но ничего тогда подозрительного не нашли.

– Соня, а всё-таки, чего у них тогда куры наелись? Аглая Иннокентьевна не рассказывала? – интересуюсь у жены.

– Не знаю. Мама предполагала, что папа ставил брагу на самогон, а жмых у забора выбросил. Но разве он признается?

Я улыбнулся, вспомнив рассказ Абрамыча во всех красках. Особенно про то, как пьяные куры ходили, обнявшись крыльями, и «Кур-кур-лыкали» песни.

Дырчик

– Варлаам, привет! Не рано машину «переобуваешь»? – проходит сосед с дома по противоположной стороне улицы, через два дома от Сергея, как раз по диагонали от нас.

– В самый раз, – отвечаю Владимиру, откручивая гайки балонником, – по прогнозу на днях снег... обещают...

Сосед крутит головой, озирая небесное пространство, на котором ни одной тучки, ни облачка. Демонстративно вытягивает вперёд руку ладонью вверх:

– И кости не болят, и мороси нет... Вокруг вон и листва на деревьях, трава зелёная. А тепло градусов десять, не ниже, – пожимает плечами.

Я продолжаю свою работу.

– Ты чего молчишь? Твой гидромет, наверно, ошибся... Посмотри на небо. Сашка, вертолётчик, в таких случаях говорит: «Видимость на миллион!». А он про осадки...

– Соня по карте смотрела. У них на работе погодные приборы. Циклон к нам идёт с Москвы. Там уже замедает. Представляешь, ноябрь, а зима...

– Ерунда это всё! – заключил Володя и пошёл дальше.

Закончив со сменой летней резины на зимнюю, я загнал машину задом под навес во дворе. Опустил брезентовую штору, чем не гараж, и зашёл в дом.

Уже вечером, когда мы с Сонечкой смотрели кино, начал усиливаться ветер. Ближе к полуночи его порывы вызывали во мне обеспокоенность: «Всё ли закрепил? Не улетит ли что-нибудь со двора? Ого, как задувает...».

– Варлаам, в окно ничего не видно. Пойдем, посмотрим, – супруга поправляет шторку.

Как были в халатах, вышли на веранду. Здесь ветер наводил просто ужас своим завыванием. Я включил свет. Василий сидел на столе и широко раскрытыми глазами смотрел в темноту за стеклом.

– Здесь погаси, а на улице включи свет, – сказала жена.

– Мать перемать... тудыть всех ваших в качель... едрит Мадрид..., – как из рога изобилия полились из меня эпитеты.

На улице ветер гонял множество снежинок, покрывающих землю. Деревья раскачивались в стороны, столбы, то ли фонари на них, дергались рассыпающимися в стороны световыми бликами.

– Кра-а-асо-о-ота! – только и проговорила супруга.

– А кому-то завтра на работу.

– Утром позвоню директору, спрошу. Может, даст отгул.

– А он что, не человек? Наверно, тоже с утра будет откапываться.

– Ой, не выдумывай. Снег небольшой, а ветер... и не такие переживали. Вася, пойдём домой!

– Мя-я-я-у-у-у, – протянул хвостатый друг и спрыгнул

на пол.

В течение ночи я периодически просыпался то от завывания ветра, то от бряцания или неопределённого постукивания. После пяти утра всё стихло. Погружаясь в сон, мозг подал команду: «Вставай! Выйди на улицу!».

Приоткрыв глаза и посмотрев на окно, мне показалось необыкновенно светло: «Блин! Будильник! Соня, кажется, заводила. Но почему...».

Я соскочил с кровати и поднёс экран смартфона к носу – 05:54. «Рано!», – заглянул за штору. Окно наполовину было залеплено снегом.

Выскочил на веранду в чем был, то есть «без ничто», и ахнул. Свет луны, пробивавшийся сквозь тучи, весело отсвечивал от снежного покрова, лежащего ровными сугробами.

В доме заиграла музыка – будильник. Я оделся, напялил шапку и перчатки, ступил босыми ногами в валенки и... Хорошо, давил небольшой морозец, снег был лёгкий. Сейчас надо быстро очистить выезд для машины, чтобы Сонечка успела на работу.

– Варлаам! Уже без пятнадцати семь! Мне пора выезжать, – кричит моя любимая, когда я дочищаю проезд к дороге.

– Я тебя отвезу! Заводи машину, пусть прогреется.

Двигатель работает ровно, габариты включены. Свет от них расходится в стороны по нетронутому насту. Дышится легко, во всём теле чувствуется усталость, значит, поработа-

ли все мышцы.

– Соня, я быстро в душ, переодеваюсь и едем... домой вернусь, позавтракаю...

Машина на небольшой скорости разбивает снежную целину. словно от катера по воде, расходятся «волнами» в стороны белые массы. Дворники очищают стекло от снежинок. По трассе кто-то нас опередил, проехав первым. Теперь приятно двигаться по чужой колее.

Возле здания управления ни единого следочка, и ворота закрыты. Только одинокая фигура охранника, в свете фар очищающего тропинку от крыльца административного здания к въездным створкам.

– Директору звонила?

– Да, но он трубку не взял. Варлаам, ты не волнуйся. Вон Михалыч дорожку почистил. Мне есть чем заняться. Поезжай домой. Я тебе позвоню.

Дома ещё пару часов я провозился, собирая снег со двора на огород, гуртуя его вдоль расширенного проезда.

– Привет, сосед! – у раскрытых ворот стоит Зоя. – Соня дома?

– Здорова! На работе!

– Ты чем так быстро двор убрал? У нас по пояс навалило...

– Лопатой, – удивляюсь вопросу. – У нас было столько же.

– Не брешу. Я утром видела, как в свете фонаря снег летел в стороны непрерывно. Ты так с твоим весом не сможешь

быстро двигаться, лопатой махать. У тебя какой «дырчик»?

– В смысле, не смогу?! Ты о чём?! – я начинаю уставать от вопросов, поэтому чуточку нервничаю.

– Электрический или, как у моего, бензиновый? Слышишь, завёлся, сейчас полдня будет его катать...

– А-а-а-а..., – подыгрываю соседке, – у меня электрический...

– Покажи!

– Сейчас вилку в ухо вставлю, – смеюсь во все горло.

– Шутник, – Зоя разворачивается и быстро идёт домой.

– Привет, змея! – голос вроде Вовкин, у них «патологическая» любовь между семьями.

– Сам, козёл! – отпарировала Пашина супруга.

– Славненькое утро, Варлаам! – сосед, проходя, смотрит во двор. – А твой гидромет не соврал..., – улыбается.

Раздевшись, я решил ополоснуться и испить чаю.

Чайник свистел, как «заправский тренер». Я положил в большую кружку три кусочка сахара, насыпал листового чая и бросил три ягодки сушеного шиповника. Залил кипятком. По кухне разлилось великолепие ароматов.

Включил компьютер и, отхлёбывая из кружки, погрузился на просторы Интернета.

Спустя час в хорошем настроении, я вышел на веранду. Лицо застыло в искажённой улыбке, кулаки сжались... Природа сегодня просто издевалась надо мной – на улице большими хлопьями валил снег, накрывший двор ровным слоем

на ту же высоту, что и утром.

МРТ

Я уже рассказывал, что у нас много родственников и близких. Есть среди них племянник Андрей. Молодой человек двадцати трёх лет. В этом году стал дипломированным специалистом в технической области. Много чего хорошего можно сказать про него, но по порядку.

Звонок. Иду открывать дверь. За забором стоит Андрюха.

– Дядя Варлаам, здравствуйте!

– Привет! Проходи, там открыто.

– А вы собаку не завели?

– У нас Вася вместо неё.

– А вы его подержите, пожалуйста, я не один.

Странная просьба, да и рядом с племянником никого нет.

– Вася! Ко мне!

– Мияу-у-уа... – слева от меня на веранде.

– Заходи! Он у себя на наблюдательном пункте.

Кот лежит в картонной коробке на столе. Заинтересовавшись разговором о нём, приподнял голову. Глаза чуть выше кромки, наблюдают за нами. Андрюшка поднимается по крыльцу. Крепкое рукопожатие:

– Дядя Варлаам, а вы в район не собираетесь?

– А чё я там забыл?

Парень разувается, и мы проходим в дом.

– Соня, встречай гостя.

– Ой, Андрусик! Да ты моя лапочка, – жена обнимает родственника, целует в щеку.

– Аккуратно, – отстраняется племянш, придерживая что-то за пазухой. – Не раздавите!

– Что у тебя там? – насторожилась родная тётя.

– Крыска. Ему срочная помощь нужна. Тётя Света, ветеринар, сказала везти в район. Там в клинике сделать МРТ и к ней с результатом. А у бати аккумулятор сел, я к вам... Дядя Варлаам, выручайте! – во взгляде взрослого парня было столько тоски, тревоги и боли...

– Надо выручать! – уверенно сказала Соня. – Поедем все вместе!

Я так не люблю ездить, когда на дороге снежная каша, но тут такое дело – крысе нужна помощь.

Плетёмся по дороге, чуть больше сорока. Машину то и дело водит. Сбрасываю скорость, отрабатываю рулём.

– Андрей, а что за крыска? Породистая или...

– Простые белые крысы. Самочка дома. С ней всё хорошо, а самец слёг. Дышит тяжело. Не ест.

– Подожди, а откуда у вас дома крысы? Вы же никогда их не держали? – жена повернулась к племяннику.

– Они мне от девушки достались.

– ?! – мы переглянулись и, не сговариваясь, пожали плечами.

– Я пока в университете учился, с девушкой встречался.

Это её питомцы... были. Я к ним очень привязался. Когда мы расстались, она отдала их мне.

– Ясно! – Соня прикусила губу.

Пока ждали владельца домашних питомцев, каждый думал о своём.

– Да-а-а-а-а..., – вздохнула Соня.

– И не говори, – выдохнул я.

– Ты что-нибудь понял?

– Кроме того, что наш племянник «лошарик», ничего.

Встречался, расстался, остался с наследством, к которому привязался, приехал домой. Несуразность.

Счастливый Андрюха сбежал по крылечку и запрыгнул в машину.

– Тётя, дядя, спасибо вам. Приехали вовремя. И специалиста застал, и доктор снимок посмотрел. Крысу укольчик сделали, раствор в ротик закапали. Врач сказал, несмотря на возраст, будет жить.

– И сколько это всё удовольствие тебе обошлось? – интересуется супруга.

– А! Сущие копейки. Полторы тысячи отдал.

Выслушивая радостную тираду, я вырулил на центральную улицу, и мы «мчимся» назад. «Главное, что животное будет жить. А деньги наживное», – промелькнуло в голове.

– Андрюша, а с девушкой чего расстались? – не унимаюсь.

– Характерами не сошлись. У неё одни интересы, у меня другие.

– А ты ей в наследство ничего не оставил? А то, может, поехать сразу в область? Привезём её в посёлок, познакомим с твоими родителями?

Парень смотрит на меня сквозь зеркало заднего вида.

– Она не поедет. У неё уже другой парень...

– Соня, ты с сестрой поговори. Это надо брать в свои руки и подбирать мужику невесту, – я улыбаюсь, – а то он так и провозится с этим наследством до седин.

Оставили племянника в посёлке у дома ветеринара, а сами поехали домой.

– Смотрю на людей и поражаюсь. Кто-то в его возрасте уже ребёнка заводит, а он с крысами возится.

– А кто-то с собаками...

– Хорошо, наша Ксения пока ни с кем не встречается...

– Варлаам, как не встречается? Познакомилась с коллегой в офисе. Фото мне прислала. Симпатичный парень...

– А папа, как всегда, узнаёт про это последним. Никто меня не любит в этом доме!

– Ну всё, старая пластинка завелась..., – Соня улыбается.

А крысу не повезло. Старость сказалась на его здоровье, и он отошёл, не дожив до утра. Андрей похоронил любимца в огороде. Благо чернозём, не сковало морозом.

Вещь

Если сказать честно, завязал я с работами вахтовым методом и зарекся от дальних и долгих командировок. Хочется спокойно работать, каждый день быть дома. Нормальные человеческие желания. И чего раньше куда-то рвался? А счастье вот оно рядом: жена, дети, дом.

Но без работы никак нельзя. До пенсии далеко, поэтому, как говорил Абрамыч: «Бери лопатиус и кидай говнятиус!».

Короны у меня на голове нет, мир вижу реально. Устроился на новый сыроваренный завод недалеко от нашего посёлка. Кругом чистота. Все в шапочках, халатиках. Обувь для улицы, для помещения. Отдельная спецовка для нахождения в камерах, где созревают головки сыра.

Процессы все автоматизированы. Есть рабочие места. Но их меньше по штату, чем технологов и разного уровня менеджеров. Мне повезло: на собеседовании предложили должность наладчика технологического оборудования. Сижу рядом с оператором центрального пульта управления. В случае необходимости что-то подкручиваю, прочищаю, отлаживаю. Рутинка, одним словом. Но большое количество времени проходит в разговорах.

– Варлаам Иосифович, а чего вам надоело на вахты кататься? – спрашивает специалист, инженер по образованию,

считающий себя моим начальником.

Ну, да я рядом с ним несу «службу» на пульте.

– Боюсь, ты ещё молод, чтобы это понять... – парирую.

– Ну да. Мы же молодёжь, вся сплошь глупая.

– Нет! Молодёжь у нас замечательная. Вот смотрю на тебя, и душа радуется. Всё ладно получается. Только вот много в вас сейчас материального стремления. Больше заработать, квартира, машина, красивая жизнь...

– А разве это плохо?

– Это хорошо! Есть цель и стремление к ней. Но...

– Интересно!

– Вот скажи, тебе уже есть тридцать?

– Нет! Двадцать шесть.

– А семья, дети?

– Ещё рано... надо для себя пожить. Как вы сказали: квартира, машина...

– У тебя это уже есть. И с девушкой, слышал, встречаешься. А чего не женишься?

– Рано ещё, – Егорка чешет висок.

– Я про это в свои годы не думал. Женился, деток народили, воспитали, всё остальное само собой нажилось. Только вот мотался то по командировкам, то по вахтам, что-то не увидел, как росли дети. Теперь хочу спокойно жить дома и ничего не пропустить в своих внуках, когда пойдут.

– По-о-о-оня-ятно! – протянул мой «начальник».

– Вы там что-то про ценности и материальное. Я не совсем

понял.

– Что для тебя представляет ценность на сегодняшний день?

– Вот! – ни капли не смущаясь, из нагрудного кармана спецовки достаёт зажигалку. – Вещь!

– А я думал – жизнь, – как-то расстроившись, отвечаю ему.

– Вы что? Смотрите. Это же целый механизм. Чтобы поджечь пламя, надо открыть крышечку, перевести вот этот рычажок, надавить на механизм пьезы и... – он демонстрирует поднимающееся пламя.

– Ничего интересного. По мне так чем проще, тем лучше. А у тебя целый аппарат. Раньше были на бензине Зиппо. Открыл крышку, крутанул колёсико и вот вам результат.

– Так это то же самое, только уже современная система. Видите? – парень пододвинулся ко мне и начал с воодушевлением демонстрировать её возможности, тыча свою «вещь» мне под нос.

– Хватит уже, – отмахиваюсь. Я с тобой о жизни, а ты мне про кусок металла, который ничего не стоит.

Глаза парня налились кровью.

– Как ничего не стоит? Вы знаете её цену? Да, это подарок. Мне её дядя из Москвы подарил. Угрохал на неё столько денег, что можно было купить подержанную тачку...

– Так! Кипятильник выключай. Забыли твоё чудо. Мне надо в схеме разобраться, – видя состояние человека, пыта-

уюсь уйти от продолжения...

– Это я? Да Вы! Я..., – он начал задышаться.

– Стоп! – резко вскрикиваю. – Пойди, перекури и успокойся!

Набросив поверх спецодежды тёплую куртку, «руководство» пулей выскочило из зала.

Я налил себе кофе, раскрыл техническую брошюру и углубился в чтение.

Напарник вернулся нескоро. Его лицо озаряла улыбка. Скорее всего, нашёл поддержку среди молодых менеджеров и «обмыл косточки старому пердуну». Ну что ж, и у меня не было желания продолжать начатую тему.

Только вот с возвращением инженера в операционном зале появился стойкий запах чего-то собачьего. Нечто от «бродяжек»: шерсть или чего доброго...

– Егор, ты никуда случайно не наступил? – взглядом показываю на обувь.

– Нет! – грубо отвечает напарник, но всё же осматривает подошвы.

– Запах чувствуешь? О! Это как горелые волосы или шкура... Это... Го-о-о-ри-и-им..., – подскакиваю к огнетушителю, выдергиваю чеку и направляю раструб в сторону верхней одежды коллеги.

Парень резко сбрасывает куртку с вешалки на пол, успевая вывернуть карман, где лежало его «огниво»:

– А-а-а-а, горячая, – «Зиппо» падает на пол, я ловко на-

правляю на неё газ из огнетушителя. Потом перевожу на дымок, идущий от куртки.

– Мать перемать... да чтоб тебя через пень колоду! Что это было? – кричу на опешившего специалиста.

– Я крышку закрыл, а рычажок не перевёл, а в кармане, видно, крышка приоткрылась и...

– И! И! И! Вещь! Блин! Включай вентиляцию!

До конца смены писали объяснительные. На Егорку было скучно смотреть.

– Не дрейф. Всё будет хорошо. Никто тебя не уволит и не понизит в должности. Главное, мы всё сделали правильно и предотвратили пожар в операционном зале.

Инженер-оператор вздохнул:

– Зажигалке конец! Что я скажу дяде?

– Покажи! – Егор передаёт мне свою «вещь». – Ерунда! Починим.

Муха

Предновогодняя суета. То в магазин, то на рынок. И всё надо купить, и всем подарочки, пусть маленькие, а порадовать многочисленную родню за время январских каникул приятно будет. Проедемся, пройдемся... кому просто позволим.

Сижу на работе. Пятница. Ещё два дня и звон бокалов, шум, веселье, шампанского брызги и ровный строй фейерверков по всему селу, возвестят о начале нового периода длиною в целый год.

Настроение прекрасное. Мой молодой руководитель в телефонных разговорах с момента начала смены. Я слежу за работой узлов, агрегатов. Чего кривить душой, тоже нет-нет да звоню сам или отвечаю на вопросы интересующимся моим здоровьем и планами.

– Варлаам Иосифович, – в зал входит начальница лаборатории, – можно вас попросить посидеть у нас в кабинете? Мы с девчонками за продуктами съездим. А вдруг кто по стационарному аппарату перезвонит, так вы ответите.

– Любовь Игоревна, попросить, конечно, меня можно. А отпустит ли меня мой руководитель? – кошу взгляд на Егорку, не выражающего интереса к просьбе коллеги.

– Что скажешь, инженер? – женщина повернулась к пар-

ню.

– А если сбой или выход из режима, я сам побегу искать причину?

– Егорушка, мы всего лишь на часик. Ну, пожалуйста! – лаборант провела рукой по волосам моего коллеги и мило улыбнулась.

– Даже не знаю, – не люблю, когда мужчины кокетничают. Я даже отвернулся.

Продолжаю следить за параметрами работы и температурным режимом. «Голубки» продолжают ворковать:

– Сегодня вечером в демонстрационном зале корпоратив. Накроем столы. Приходи, потанцуем. Будет очень весело. Мы с ребятами много конкурсов приготовили.

– Я на работе. А вдруг...

– Вдруг даже кошки не родятся, – не выдерживаю, – только время теряем... Идти в лабораторию или нет?

– Да, пожалуйста, Варлаам Иосифович, – снизошла молодость на милость.

Перешел, значит, я в другой кабинет. Женщины ждут свою начальницу.

– Она просила передать, чтобы вы выходили. Так! Коротко... куда можно, куда нельзя...

– У нас всё прибрано. Так что, если интересно, можете походить, посмотреть, почитать информацию на рабочих стендах, – явно посмеялись, но я не гордый.

– О! Микроскоп. Можно вспомнить школу? – я испытал

такое нахлынувшее чувство радости от ностальгии по урокам химии.

– Конечно! – молодая девушка подскочила к столу с приборами. – Он у нас электронный, подключен к ноуту. Сейчас включу. А вот в этом шкафу образцы. Если интересно, развлекайтесь. Моё имя – Катерина.

– Варлаам Иосифович! Так в скором времени со всеми и познакомлюсь, – благодарно улыбаюсь за помощь.

– Не скучайте, мы скоро, – и лаборатория опустела.

Прохаживаюсь с важным видом по просторному помещению. Читаю бегло стенды, рассматриваю фотографии. Проходя мимо шкафов, заглядываю сквозь стекло. Любопытствую расставленными предметами на столах. Прямо окупился в годы своей далёкой юности.

Что-то пискнуло на столе с микроскопом: «Вот, дурень, хотел же посмотреть через современный прибор». Присел и, извлекая образцы из показанного шкафа, ставлю их на смотровой столик микроскопа, регулирую резкость, а на мониторе – картинка. Там что-то двигается, перемещается, делится, соединяется. Я так увлёкся этим процессом, напрочь про время забыл. И «Бац!» закончились стекляшки: «Ну, что за напасть такая? На самом интересном месте».

Повертел головой по сторонам, но ничего интересного не нашёл. Вспомнил, как на лабораторных занятиях по химии рассматривали: волосы, пальцы, ладошки, слезу или... Фантазия разыгралась не на шутку. Я даже ноготь остриг, полю-

бовался его структурой, а всё мало. Хочется ещё в тайны заглянуть неизведанного.

Ухо поймало тихое «зы-ы-ы-ы». Зима тёплая, ничего странного – муха гудит в пространстве кабинетном. Нашёл её. Летаёт она, наслаждается жизнью, а я тут: «Эврика! Это же настоящий объект для моих неуёмных исследований!».

На столе справа лежит иллюстрированный женский журнал. Перегибаю его и... охота на перемещающееся насекомое. Не хотел я её в котлету прекращать, да ударил явно сильно, прилипло тельце к обложке. Аккуратно переместил месиво на стёклышко. Протёр журнал, скрывая следы преступления. Поместил муху на смотровой столик, поворошил мышку по коврику и в ожидании уставился на монитор.

– А-а-а-а, – непроизвольно вырвалось из меня. – Кошма-а-а-р!

На экране была картина кровавого месива, из которого на меня смотрел огромный сетчатый глаз. Случайно щёлкнул кнопку на мышке и покрутил колёсико – изображение увеличилось, показав все внутренности ранее бывшего насекомого. Я вновь коснулся клавиши и крутанул барашек: «Бли-и-и-ин! Такого даже в фильмах ужасов не увидишь!».

Сзади раздался шум, входная дверь открылась и в кабинет вошли радостные хозяева.

– Варлаам Иосифович, как провели время?

– Спасибо! Всё прочитал, просмотрел все образцы, – делюсь проведённым временем и выключаю ноутбук и микро-

скоп. Выбрасываю тело несчастной в урну, складываю образцы на место.

– Не утруждайтесь! Мы сами всё расставим по местам. Если бы не вы... Спасибо за помощь.

– Не стоит. Главное, никто не звонил.

Откланявшись, пошёл на своё рабочее место. Егор встретил меня взглядом с укором. Видно, сильно соскучился.

– Я на перекур! – сказал он и покинул зал.

Время бежит. По коридорам народ весело шумит, готовится к празднованию. В зал заглядывают поздравляющие коллеги, желают нам с напарником много хорошего.

Вдруг всё стихло от пронзительного женского крика: «Ма-а-а-а-а-а!». Выскакиваю... Персонал толпится перед открытой дверью лаборатории. Подхожу ближе:

– Что случилось?

– А кто поймёт...

– Кричал кто?

– Любовь Игоревна.

В этот момент сквозь толпу в коридор вышла Катерина.

– Что там? – интересуюсь, а у самого руки трясутся.

– Начальница присела за рабочее место. Включила ноутбук, – начала девушка, идём вместе с нею в сторону склада готовой продукции. – Любовь Игоревне позвонили с головного офиса, попросили крайний результат по твёрдому сыру. Она открыла программу, а там окошко светится: «Есть незавершённые действия». Вошла и в крик. На экране куски

говяжьего мяса, словно изнутри корову разорвало.

– Ну да, ну да-а-а-а, – тяну многозначительно и замедляю шаги...

«Долбанная муха. Значит, я её ещё и сфотографировал. Теперь надо подумать, как удалить это безобразие и принести извинения Любови Игоревне», – буду мучиться до утра.

ЛЫЖНЯ

В разгаре новогодние каникулы. Дома дети и Сонечка за праздничным столом. Ксения привезла на смотрины своего молодого человека, а я на смене.

Мой начальник сегодня не в меру молчалив. Головка видно «вава» после застольных возлияний. Зато мне вольготно работается – тишина! Только вот на душе не покойно.

Спустя час после пересменки распахивается дверь в наш зал. На пороге ответственная от руководства менеджер по кадрам – Ирина Владиленовна. Дама лет тридцати пяти. Всегда с улыбкой и добрыми словами, но в коллективе имеет устойчивую кличку «мегера». Не мне судить, со мною она всегда мила:

– Коллеги, здравствуйте! У вас всё хорошо?

– В штатном режиме, – хмурит брови Егор.

– Смотрю и вижу – нет у вас настроения..., – с лёгкой иронией, но строго посмотрела на моего напарника. – А у вас Варлаам Иосифович?

– Замечательно! Дочка с сыном приехали. Вот маму старшенькая знакомит со своим женихом. Вечером пойдут к бабушке с дедушкой. У нас двойные праздники...

– Вот хотя бы у одного сотрудника приподнятое самочувствие и юмор присутствует. А вы на лыжах стоять умеете?

– Конечно! – бодро так отвечаю менеджеру в комбинезоне.

– Выручайте! У нас рождественская лыжня, а мне нужна боевая единица на завтра... и положиться не на кого...

– На меня в моём возрасте сложно. Я ведь их сейчас надену, и буду стоять. Вам же спортсмен нужен, а из меня... колобок с палками на палках.

– У вас и самоирония на высоте. Когда вашу кандидатуру рассматривали на должность, я первая обратила внимание на вашу жизнерадостность и многие положительные возможности, – так «леща» в этих стенах мне никто ещё не подкидывал.

И надо же – поплыл я в горделивые высоты, так меня захлестнула волна человеческой лести.

– Ой, а я же на смене, и нам с Егоркой до восемнадцати завтрашнего нести вахту. Жаль, не получится... а так хотелось, – и кто меня за язык то дёрнул олуха великовозрастного?

– Важно, что вы согласны, а замена на моей совести..., – влип по самые уши...

Ночь прошла спокойно. Мы даже с коллегой успели всласть выспаться, на «брата» по четыре часа. А в десять утра вместо меня в зале сидел сменщик с красным опухшим лицом. В таком состоянии что-либо отладить будет сложно и у меня забило сердце от волнения:

– Ирина Владиленовна, как бы чего плохого не произо-

шло, – шёпотом говорю, – вы посмотрите на него...

– Справится! Да и вы ненадолго! Пойдёмте, надо вас переодеть...

В соседнем помещении, где для посетителей во время экскурсии проводится дегустация, собралась и облачается в фирменные комбинезоны наша команда. Все ребята и девчата молодые, заместитель директора, правда, мужчина лет сорока, и я валенок...

– Ура! В наших рядах прибыло. Здравствуйте, Варлаам Иосифович!

За шутками-прибаутками приодели меня. Со стороны не видно, но прилегает плотно и тепло. Подобрал себе ботинки, смерил палки и лыжи... На таких только видел наших чемпионов, что в Олимпиадах участвуют. Но поздно права качать, делаю всё со знанием дела.

– А вы давно на лыжах стояли? – ехидно улыбается Любовь Игоревна, что «запчасти» от мухи приняла за корову...

– Да крайний раз на службе, когда был на Дальнем Востоке...

Автобус привёз нас на лесную поляну. Здесь народищу видимо-невидимо. Со всех ферм, автохозяйств, заводов и контор компании собрались, что по области разбросаны. В торжественной обстановке, под радостные крики, выслушали поздравления и напутственные слова от представителя управления самого главного и принялись к разминке с получением номеров.

Мне достались счастливые цифры. Я даже улыбнулся: «Может, сломается крепление или лыжа на старте. Сойду с дистанции. Ведь главное – участие!». Навесил на грудь и спину номер тринадцать и подошёл к менеджеру по кадрам:

– Я каким стартую?

– Мы решили вас выставить первым, всё-таки возраст... – она как-то грустно улыбнулась.

– Мы ещё поборемся, – решил приободрить её, да и себя немножко. А на душе кошачьи скребутся... будь они неладны.

И вот пригласили участников на старт, пояснили, что уходить будем шестёрками по числу поделенных участников. Я вышел в первой. Напрягся, а перед глазами экран телевизора, с которого трансляция биатлона. И так все участники красиво идут...

Стартовый пистолет треснул залпом. Не теряя картинку, начинаю размашистые движения «коньковым» шагом. И надо же, сам себе не верю, у меня получилось. Качу по притоптанному снегоходами насту, будто всю жизнь только и занимался этим видом спорта. До конца поляны бежал, не уступая соперникам. Третьим выровнялся на протоптанную «колею»... Но молодость победила, и пять парней, которым я со своим ростом еле доставал до плеча, рванули вперёд скрывшись в лесном массиве.

Больше меня никто не обогнал, не догнал... и искали меня часа два на рычащей технике. Вот вам и «ха-ха-ха», свернул

я не на ту лыжню и старался догнать оторвавшихся, поглядывая иногда за спину, чтобы... Но старался славно: быстро перебирая и ногами, и руками, что марафонец.

К финишу возвращался за снегоходчиком, который меня обнаружил, спешащим совершенно в другую сторону от места сбора коллег. Когда мы появились на поляне, раздались фанфары, грянувшей музыки. «Тамада» возвестил о приближении самого старого работника компании, участвующего в спортивном мероприятии. Подскочивший лыжник передал мне древко с триколором, которым я бодро размахивал и неистово орал: «Ура!».

– Варлаам Иосифович, вы так резво стартанули, что мы думали придёте первым, – это уже в здании нашего завода, говорит с восхищением заместитель директора.

– Эх, Пётр Игнатьевич, если бы указатели не подвели, так бы оно и было. Солнце, снег... вот и свернул не туда..., – теперь можно и форсу напустить. С кем не бывает...

До конца смены время пробежало быстро. Я рассказывал Егорке про соревнования и как лихо «крутил» лыжами в погоне за призовым местом. Парень смеялся и отпускал колкости... но это было приятно и весело.

Домой приехал около восьми вечера. В окнах темно. На звонки Сонечка не отвечала.

Сижу на кухне. На плите вскипает чайник. Открывается дверь и входит моё сокровище. Смотрю на неё влюблёнными глазами, а она мне:

– Ты уху ел?

Я чуть со стула не упал. Никогда не слышал, чтобы она матом крыла, а тут...

– Милая, ну я чуток... на соревнованиях... там, это...

– Чего лопочешь? Я спрашиваю: «Ты уху ел?».

– Да, чем я провинился, мать перемать, что ты со мной такими матюгами говоришь? – вспылил самую малость, бодрость духа «корова» слизала.

– Кто матерится? Я же тебя спрашиваю: «Суп рыбный уже поел?».

«Ой, как стыдно! А я то, что подумал... услышится же с усталости от рождественской лыжни?!», – обхватил голову... и начинаю смеяться.

Импровизатор

Закончились Новогодние гуляния, встретили Рождество. Офис постепенно оживал после каникул. Конечно, производство не останавливалось, у коров нет выходных, поэтому каждый день завозилось молоко, и не останавливался технологический процесс.

Смены трудились по постоянным графикам. Контора работала по скользящему списку, и всегда присутствовал ответственный от руководства.

Сегодня будний день, и оживление на территории начинается ближе к восьми часам.

– Егор! Просыпайся, – потряс за плечо своего начальника.

– Уже пора? – парень присел на кровати в комнате отдыха. В шутку мы называем её «разгрузочная» или «релаксационная».

– У нас спокойно? – инженер потягивается, подходит к умывальнику.

– Всё в штатном режиме. Приводи себя в порядок. Чайник закипел, – присаживаюсь за пультом.

Вначале девятого всё замирает, завод работает, и только редкий стук каблучков щекочет слух.

– Ребята, проходим к стенду справа, – доносится в приоткрытую дверь, в которую заглядывают любопытные детиш-

ки. – Сюда посторонним вход запрещён.

– А тама что?

– А чего они делают эти дядьки?

– А мы будем сыр пробовать? А сливки? А я люблю йогурт!

Шум, гам стихает. Слышно экскурсовода, которая рассказывает ребятам историю и процесс сыроварения... В какой-то момент топот и прыжки перемещаются обратно...

– Что-то много школьников, – в пустоту проговорил Егор.

– Да и каникулы вроде закончились, – также отвечаю в никуда.

Тишина. Только шумят монотонно агрегаты и приборы.

– Варлаам Иосифович, выручайте! – входит Ирина Владимовна. – У нас на экскурсии ребяташки из детского дома, встречаем по просьбе Губернатора.

– А я...?

– Вы у нас на все руки мастер. Только с вами можно исправить ситуацию. Аниматоры задержались. Им ещё надо минут двадцать переодеться, аппаратуру наладить, с нашим видеопроектором сконектиться... Всё, на бегу... И всё на мне, – она плюхнулась в свободное кресло и вытерла тыльной стороной ладони лоб, как бы стряхивая пот.

– Но я...?

– Мы вас представим как «Сыровара»! – напарник засмеялся, но тут же осёкся под молчаливым давлением «мегеры».

– Ну-у-у-у...

– Отговорки не принимаются, – она резко встала и жестом пригласила следовать за нею.

– Попал! – хихикнула молодость.

В коридоре ожидала помощница менеджера по кадрам. Женщина взяла у неё фартук, колпак, нарукавники и передала мне:

– Стихи, песни знаете?

– А-а-а-а...

– Не важно. Импровизируйте. Я в вас верю, – и берёт меня, облачённого в зелёные одеяния, под локоток и вталкивает в дегустационный зал. – Дети! А кого я к вам привела? Посмотрите!

– Повара!

– Деда Мороза!

– Ресторатора... официанта...

– А вот и нет! Не угадали! – она развернулась и выпорхнула.

– Я «Весёлый сыровар»! Здравствуйте, девчонки и мальчишки. Какие вы все нарядные, милые, красивые. Наверно, вас к нам привезли Северные олени на сказочных санях. А где они?

– Уехали!

– Растворились!

– Улетели!

– Ты нам покажешь, как приготовить продукты, – это улыбаясь во весь рот и округлив невероятно глаза, обращается

экскурсовод, – для сырных конфет?

– Охо-хо! Конечно. А наши юные друзья мне помогут? – а шёпотом добавляю, – я первый раз, подсказывай, дочка...

– Да-а-а-а-а! Мы будем тоже..., – зашумели присутствующие.

– Давайте построимся... как на физкультуре... по росту..., – пока ребятня разбирается, ведущая проводит краткий курс. – Вот у нас висят специальные одежды для моих помощников. Подходим, надеваем, друг другу бантики завязываем. Колпачки на голову, фартучки приталиваем, нарукавничками прячем локоточки... Ай, да молодцы! Все справились! Становимся за мной: «Радостный паровозик» отправляется в путь. Ту-ту! Чух! Чух...

Ускоряя звук мнимого работяги, раскачиваясь «вагончиками», двигаемся змейкой вокруг параллельно стоящих столов со стульчиками.

– Последние отцепляются и рассаживаются. Не спешим! Места рассчитаны на всех, – суетится коллега. – К нам приехали клоуны!

– А мне пора! Надо молочко принимать! – выдыхаю я.

– Оставайся с нами, ты хороший! – закричали самые маленькие.

– А как тебя зовут? – слышались голоса старших.

– Я – Варлаам! Вам хорошо со мной?

– Да-а-а-а...

– И вы желаете, чтобы я порадовал вас?

– Да-а-а-а-а...

– Тогда команду слушать всем... Вы! Крутите вот эти ручки, а вы – кладёте сыр. Вот вы – вот эти печенюшки... и самый маленький – орехи.

– Ура-а-а-а-а...

Приглашённые артисты с шарами скучали на пуфиках в ожидании своего выхода.

– Алам, смотри, у меня получаются длинные палочки.

– Ой, Варам, у нас всё рассыпалось...

– Дедушка Валаам, а что будет дальше?

– Теперь вот вы – берите миски и в них, ссылая пополам, добавим тёртого сырочка и печенья... смешаем всё мы равномерно, орешек сыпанём, две жмени. Сейчас надели все перчатки и, словно тесто, будем разминаем...

Мальчики и девочки старались всё делать правильно. Масса стала однородной, но рассыпчатой.

– Дочка, как тебя зовут, – шепчу девушке.

– Светлана.

– Подсказывай...

– Внимание, в стаканчиках ложечки, – подключилась то ли моя помощница, то ли..., – аккуратно набираем полученное тесто, кладём на ладошку. Рядом с вами в бутылочках сиропа. Капаем немножко, разминаем и катаем колобков. А в тарелочках кокосовая и шоколадная стружка. Прокатываем шарики и... получаем конфетки.

Какая радость, какое счастье озаряли детские лица. Глаз-

ки блестящие. Улыбки до ушек. Все смеялись.

– А куда складывать...?

– На полочках в углу стеллажа лежат картонки, из которых легко сделать коробочки.

– У вас пасочки есть? – спрашиваю Свету.

– Какие?

– В песочницах малыши играют. Фигурки всякие: звездочки, зайчики...

– Нет!

– Грустно «Весёлому сыровару»..., – вздыхаю.

– Почему-у-у-у? – зашумело многоголосие.

– Конфетки все одинаковые. А давайте смастерим сладких снежных человечков!

– Ура-а-а-а! Валам, покажи...

С помощью ножниц я нарезал полосочки из заготовок для коробок. Скрепил концы степлером. Получились колечки разных диаметров. Разместив их по три на картонках, заложил внутрь размятую массу сыра с печеньем, смоченную сиропом, и посыпал кокосовой стружкой.

– Получился снеговик!

– Ура-а-а-а...

– Хотите, мы с вами приготовим национальное блюдо швейцарской кухни – сырное фондю? – увлекая за собой детвору к барной стойке, проговорила ведущая.

– Варлаам Иосифович! – моего плеча коснулись. Сзади стояла Ирина Владиленовна. – Пора прощаться!

– Может, уйдём по-английски?

– Зачем нам неприятности? – натянув улыбку, она громко и, как могла, весело «пропела». – Дети, я у вас заберу на время «Варлаама сыровара». Нашим специалистам его знания и опыт необходимы.

– Скорее возвращайся! Мы тебя будем ждать!

– До свидания, мои прекрасные друзья! – я вышел. – Фу-у-у-у-у!

– Что вы себе позволяете? У нас сценарий, аниматоры оплачены... у них всё расписано... Прямо не знаю, как ребёнок...

– А-а-а-а...

– Костюм сдайте моей помощнице, – и только равномерное цоканье по кафелю отчеканило: «Спасибо!».

Егор встретил меня хмуро.

– Я за вас ваши обязанности выполнял. Хватит уже вестись на всякие уговоры. Мы на смене. Есть менед..., – увидев мой взгляд, он замолчал. – Я курить!

«Что за день? Достали! То спасите, то увлеклись... Надо успокоиться», – пытаюсь себя настроить на исполнение своего функционала.

Инженер вернулся с перекура, начал заполнять журналы по регламенту, сверяя рабочие параметры и замеры.

– Егор, чай будешь?

– Да!

Наливаю воды в колбу, нажимаю кнопку... Открывается

дверь:

– Варлаам Иосифович, спасайте, пожалуйста! – умоляющий взгляд Светланы не оставил бы равнодушным никого.

– Хватит уже отвлекать человека..., – напустил важности руководитель.

– Что случилось? – у меня сердце забилось чаще.

– Малыши плачут. Они хотят попрощаться с вами.

– Вот видите..., они на вас сели и ножки свесили. Сейчас начнут косички вить, – бурчит Егорка.

– Я недолго. Пойдём, дочка. Только я без наряда... Да и ладно...

– Ой! А кто у нас тут сырость развёл. Ай-яй-яй... Ведь мы сыры готовим, а не кисель варим, – пытаюсь шутить и обнимаю деток.

– Валам, ты обещал вернуться.

– Забегался! Простите! Тому подскажи, этому. И всем моя наука впрок. Вы приезжайте ещё к нам в гости. Вам у нас уютно?

– Да-а-а-а...

– Дедушка! Я тебя люблю, – лапочка лет шести протягивает ручонки. Обнимаемся. – Мы тебе оставили на столике три коробочки. Это твоё!

Вечером пьём с Сонечкой чай со сладостями, а я рассказываю про ребятешек из детского дома. Слёзы выступили. Такой вот я сентиментальный.

Зять

Два выходных с тринадцатого на четырнадцатое января. Правда, на смену как раз в воскресенье, но это будет вечером, а до того момента...

Дочь приехала со своим молодым человеком. Наконец-то познакомились, как говорится, «лицом к лицу». Нет, мы не пялились друг на друга и не пожирали глазами, словно в дуэли взглядов ММА.

Сашка парень простой, общительный, улыбочивый. Самое главное, прямо весь в меня: ни пьёт, ни курит... На том все сходства закончились. Но я ему на ушко при знакомстве всё же шепнул: «Ксюшу обидишь...!», – и так на кулак показываю вниз. Молодость тоже оказалась с характером: «И, чё?!», – шепотнул, не растворяя удовольствие. Рукопожатиями обменялись.

Говорят, первое впечатление обманчивое, но я вижу счастливую принцессу: «Врут всё!», – подумалось.

Субботу провели в делах по дому. Женишка оторвал от «юбки» и за собой уволок во двор. Надо же будущему «подспорью» показать, где и что лежит. Может рассказать, как и чем пользоваться. Он же «гусь» городской.

Девчонки то в хате заседали, тайнами делились, то к нам на двор выходили. Ксения всё за своего переживает, интере-

суется:

– Папочка, а что вы делаете с Сашенькой? – ну, лиса...

– Показываю инструмент...

– А ему зачем?

– Вдруг в квартире, когда своя будет, надумаете ремонт, так вот парень будет знать, что у нас всё есть и тратиться не придётся.

Молодые переглянутся, улыбнутся и прыскают, чтобы я не видел. Я прямо заподозрил – издеваются.

К старикам, конечно, сходили. Хотели с ними посидеть до полуночи, отказались. Уже возраст такой, что в восемь вечера на боковую, а с пяти утра на ногах. Понравился им «внучек» названный. Абрамыч так перед ним и вился «павлином», уж насколько ноги позволяли. Глаша норовила всё чем угостить да угодить. Тьфу! Меня так в своё время не привечали...

Ближе к двадцати двум сели Старый по-старому год провозать. С улицы смех, музыка.

– Мать перемать... я калитку не закрыл...

– И чего? – Сонечка так нежно посмотрела. Вот сила любви, что от дочери к матери передалась.

А в дверь веранды «Тук-тук-тук».

– Пришли..., – выдыхаю.

– Кто? – Александр то на меня, то на тещу будущую...

– Колядовать молодёжь ходит, – говорю.

– Как интересно, – и высыпали на веранду, а в приоткры-

тую дверь Васька заскочил. Сидим с ним вдвоём на кухне. Скучно.

– Пошли, одним глазком..., – предлагаю коту.

– Мяу! – проговорил зверёк и под стол. Не любит он эти веселья с шумом.

Протиснулся я, встал за женой, приобнял её за талию. Гости развлекают, кто стишки, кто песенки... Ксюшу то все знают, а на Сашку поглядывают. Но девки у нас бойкие, смехом тихо накинули куртку на плечи молодца и на улицу увлекли... «Да-а-а-а, – думаю, – что-то он просто сдался. Слабоват».

– Спасибо Вам, люди добрые, за поздравления, пожелания... Вот вам подарки царские, чтобы праздник сладким отметили и год таким же был, – молочу языком, а сам до жёниха дочкиного побираюсь.

– Дядя Варлаам, отпустите с нами вашего гостя...

– На чужой вороток не разевай роток!

Колядующие засмеялись и до ворот подались.

– Стоять! – грозно так им произнёс.

– Что случилось?

– Пакеты с бутылками из сугроба себе в мешок!

«Ишь, шустрые, а мне завтра собирай, на мусорку ходи!, – уже про себя.

Старый Новый год по-человечески встретили. Сидим, смотрим музыкальную телепередачу. У Сонечки телефон заиграл. Чтобы нам не мешать, вышла.

– Вот у нас глава молодец, – когда вернулась. – Объявил на завтра конкурс «Новогодняя открытка». Кто победит, Зойка говорит, путёвку в санаторий Цюрупы получит.

– Туда мы и без него съездим. Вот если бы на Бали или Кипр...

– Папа, вот ты сказал. Между ними тысячи километров.

– Так я сказа «или»!

– А давайте на снегу вытопчем «С новым 2024 годом!», – Санёк нас всех на повал сразил, поразил одним «выстрелом».

Я это предложение встретил без энтузиазма. Наверное, уже спать хотел. А жена с дочерью прямо зацепились за эту идею, предлагают куда поехать, натоптать, чтобы потом сверху сфотографировать. И чем больше они «разгораются», тем стремительнее я в сон погружаюсь.

– Милый, пойдём в комнату, – Сонечка меня тормошит, а из-под стола меня Вася разглядывает.

– А что этот красавец в хате делает? Он же...

– Не успел дойти до коробочки.

– А-а-а-а, – не стал, короче, воспитанием кота заниматься, спасть пошёл.

Утром, пока все спят, я принимаю душ, привожу себя в порядок. На кухне ставлю на газ чайник, нарезаю бутерброды.

Морозы у нас последние дни под двадцать три. Машина не подвела, завелась. Включил вентилятор печки, пусть салон

гreetся.

Хотел посидеть тихо, да время поджимает. Им можно не спешить, а мне в восемнадцать на смену заступать. Начал стулья передвигать, посудой чуть стучать. Слышу, зашевелились. Сонечка вышла.

– Варлаам, ты как всегда. Праздник, ляг, отдохни. Чего вскочил?

– Так вы же собирались полянку найти... – а про себя думаю: «Может, они позже передумали, а я ничего и не знаю».

– Так мы в десять договорились, а отец уже готов. Ещё и восьми нет.

Саня, смотрю, побежал в ванную. Значит – встают. Теперь можно машину глушить и к телевизору. Пока был на улице, в багажник бросил лопату и метлу.

В девять выехали.

– Ксюша, куда едем?

– Папочка, на озеро перед въездом в село.

К месту добрались быстро. Берег с нашей стороны озера высокий. Молодёжь на лёд спустилась и начала под нашим с Сонечкой руководством снег протаптывать, в слова и цифры превращая тропинки. Здорово получилось. Однако следы видно, как Саша с Ксенией ходили. Фотография, одним словом, с «кляксами».

– Я сейчас, – проговорил и пошёл к машине.

– Варлаам Иосифович, вам помочь? – нет: «Всё-таки зять будет славный у нас».

– Наблюдайте и подсказывайте.

Достал инструмент, вышел на простор и приступил к «работе над ошибками». Тропку прокапываю, чуть расширяю и снег по обе стороны укладываю. Потом прохожу метёлкой. Сверху поддержка

в ладошки хлопает и радуется. Потихонечку убрал одну цепочку следов, потом другую.

– Отлично, папа!

– Молодец, любимый!

«И на том спасибо, мои родные!», – поднимаюсь, а душа поёт.

Открытка вышла замечательная. Солнышко сбоку, сугробы тени дают, полос от метёлки не видно, всё воедино сливается, и надпись чистая, контрастная получилась.

– Егорка, представляешь, как мы весело и с пользой выходные провели? – уже на смене рассказываю начальнику про открытку.

– Варлаам Иосифович, а у вас дочь есть?

– Да не про вашу честь! Сколько с тобой разговаривали, а ты только про неё сейчас услышал. Поздно, Егор. У нас, знаешь, какой замечательный зять... будет!

Много лет спустя...

Время! Как оно неумолимо, быстротечно, своевременно или... Всё куда-то спешим, опаздываем. Порою, стремясь к поставленной цели, не замечаем ничего вокруг себя. И то, о чём говорил в последний год, выветривается, а нашей сельской школе уже семьдесят.

Очередной после новогодний праздник местного масштаба, к которому готовится всё население. Приезжих-переезжих у нас проживает мало. Если считать в процентах – почти восемьдесят закончили в разные годы нашу дорогую и любимую «Альма-матер».

Вот и мы с Сонечкой вышли в большую жизнь с парадного входа общеобразовательного учреждения. Ранее это была семилетка, но с годами...

Сегодня двухэтажное современное здание со своими теплицами, садом, техническими мастерскими и гаражом с сельхозтехникой.

Ради такого случая попросил отгул. Руководство пошло навстречу охотно. Ещё бы, с такими заслугами, как у меня... одни лыжи вне всяких похвал.

– Выходим чуть раньше..., – говорит Сонечка с плойкой в руках.

– А куда спешить? Подъедем на машине и...

– Пешком пойдём. Мы с девочками договорились, – перебивает жена.

Такому обстоятельству я не очень рад. На дворе зима. Да что против ветра бросаться словами.

– Тогда в магазин зайдём, я пивка возьму.

– Чего?! – Соня искренне удивляется.

– Как всегда – безалкогольного.

Шумно и весело прогуливаемся к школе, собирая по пути новых односельчан. Девчонки кто с бантами, кто с косичками. Пальтишки, шубки наброшены, а под ними старая школьная форма: фартучки белые. «И когда успели так примарашетиться?», – восхищаюсь находчивостью соседок.

Мальчишки тоже не отстают, кто в трениках с вытянутыми коленками, кто в костюмах. «А мы тут такие в фуфаячках, кепках и сапожках кирзовых», – смеюсь про себя, а на девушек наших как взгляну, так вздрогну, идут в туфельках.

Зато все цветочки несут нашим любимым учителям.

Торжественная часть прошла в актовом зале. Народу... тьма тьмуца. Мест не хватило, джентльмены по стеночкам рассредоточились. Приятно сделалось от родных лиц наших педагогов. Сразу воспоминания нахлынули. Вот и учителя в слезах счастья принимают от нас слова благодарности, букеты и подарки, то малое, чем можем отблагодарить и за своё обучение, и за знания своих детей.

Перешли в спортивный зал, где накрыты банкетные столы, играет живая музыка в лице преподавателя пения. Ох,

скажу я вам, как он «терзает» саксофон – виртуоз.

– Варлаам! Соня! Давайте сюда, – одноклассники заняли места.

Среди блюд появляются бутылки разных калибров... Со всех сторон шампанское стреляет.

– Дорогие наши выпускники! Позвольте и нам сказать вам приятные слова благодарности, что вы подарили нам своей учёбой и стремлением стать лучше. Среди вас нет космонавтов, олигархов, членов Совета Федерации, хотя каждый мечтал о чём-то подобном в своё время. Главное, что вы все настоящими...

Речь была длинная. Периодически её перебивали радостные крики «Ура!» и звон бокалов отмечающих.

– А помните?

– Ой, как здорово...

– Ха-ха-ха...

Кто-то бросил клич раздвинуть столы для танцплощадки. Откуда-то принесли магнитофон, и зал заполнили песни разных лет.

– Варлаам! – ко мне подсел Димка. – Не забыл, как меня побил за свою Соньку?

– Нет! – не люблю я эту пьяную ностальгию.

– Как? Я, можно сказать, для него берег цветов нашего класса... Дай я тебя поцелую...

– Мужики, заберите его, – надеваю маску с улыбкой, а внутри всё взорвалось.

– Димон, отстань от Иосифовича. Прыгай к нам. Он не пьёт, с ним не весело, – вот спасибо, отвлекли одноклассника от ненужных разговоров.

– Дорогие мои, – рядом присела наша бывшая учительница по русскому языку и литературе. – Я так за вас рада. Солнечка, вы же с восьмого класса стали встречаться. И надо же, кто мог подумать. Такая куколка, красавица и с этим хулиганом... – Наталья Степановна смеётся.

«Интересно, сколько ей лет?», – пытаюсь вспомнить. Она сейчас живёт у детей в областном центре. Последние десять лет и не пересекались.

– А мне уже восемьдесят шесть, – словно угадывает мои мысли, продолжает учительница. – Варлаам! Помнишь, как я тебя пыталась грамоте научить? Ничего у меня не получилось, а вот твоим чтением стихов заслушивалась. За всю работу в школе не было таких чтецов...

– Так он сейчас и сам пишет, – не без гордости хвалит меня супруга.

– Да-а-а-а?! – искреннее удивление смешано с недоверием к услышанному. – Прочитай что-нибудь своё!

– Я прозу пописываю, – скромничаю. – О семье, родителях... про службу...

– Ты меня удивил! – у Степановны заблестели глаза. – Так... вот... держи, – она протянула мне свой смартфон.

– Зачем? – право, я испугался, мало ли...

– Открывай вацап. Вот значок – моя внучка. Напиши ей

свою почту. Спишемся. Бросишь мне, почитаю, порадуюсь. Ой! Пойду к своим девочкам... отдохайте.

За разговором и время пролетело, и в памяти всплыли уроки по русскому языку. Листочки моих тетрадок всегда были дополнены красными «узорами», оставленными рукой преподавателя. Чего греха таить, я и в настоящем не дружу со знаками препинания.

– Варлаам, а это что за старичок сидит напротив нас? – Сонечка склонилась и шепчет в моё ухо.

– Это Женька!

– Какой? Пирогов?

– Да!

– Ой, он так сильно сдал?

– Сонь, так попей с его, – встречает подружка жены. – Его в прошлом году в район возили, допился до чёртиков. Закодировали. Мария с содроганием ждёт окончания срока, боится, что сорвётся.

– Этого хоть спасли, а Мишки с нами уже нет. До сорока не дожил.

– И не говори. Алкоголь многим противопоказан. Давайте выпьем за наш дружный класс! Ура-а-а-а!

Правильно заметили наши педагоги – никто не космонавт, никто не колет лёд Северных морей... Но практически все с высшим образованием, с работой. У всех крепкие семьи и замечательные детки...

– Сонь!

– Чего?

– Давай ляльку сделаем. Что-то скучно. У наших, – обвожу взглядом присутствующих, – у кого трое, у кого четверо, а у нас... Мы что с тобой, старые?

– Давай сентября дождёмся..., – пьяненькие глазки сузились и искорками стреляют в меня.

– И что там будет? – я даже осанку выровнял. – У нас будет малыш?

– У Ксюши с Сашей...

– А свадьба?

– Варлаам! Вот любишь ты в неподходящий момент серьёзные вопросы решать.

– Почему я всегда обо всём узнаю последним? Никто меня не любит!

– Завелось! – Соня рассмеялась. – Дочь позвонила на выходе из дома, обрадовала. Я тебе говорю... Пошли танцевать!

АКЦИЯ

Очередная смена, слежу за показаниями приборов. Что-то грустинка в голову попала, никак настроение не приходит. Пытливый ум старается найти себе занятие или вспомнить нечто живое и весёлое.

– Егор, в лотереи играешь? – смотрю за реакцией напарника.

– Когда я был подростком, в Союзе были такие билетки, стоили копейки, но можно было автомобиль взять или квартиру...

– Бабушка с дедушкой рассказывали.

– В «Столото» участвовал? – что-то не за те ниточки дёргаю.

– Мама как-то дарила на Новый год.

– О! Мы с Соней тоже так делаем иной раз...

– И что, выиграли? – ага, пошло оживление.

– Несколько раз по сто рублей.

– Я то дума-а-а-л. Ничего там не выйдет. Победители все заранее назначены.

И тишина в зале. Вот тебе и поговорили. Встал, прохаживаюсь по залу, а в голове беспокойно, даже волосы приплясывают. И занять себя нечем.

– Мы с женой лет десять, двенадцать назад поехали в

«Эльдорадо» за пылесосом, – реакции от инженера никакой. – Ходили, выбирали... Подскакивает консультант. Объяснили, что нам нужно. Показывает моющий агрегат. Не большой, не маленький. Вот примерно такой, – руками показываю размеры в воздухе. – Проверили работоспособность. Шуршит приятно. А этот «пострел» объявляет об акции в их компании. Купивший товаров на пятнадцать тысяч, получает бесплатную кофемашину.

– Ого! Серьёзно? Так они дорогие, – оживилась молодость.

– Разлёт цен большой. В зависимости от модели, фирмы, мощности...

– И я про тоже...

– Мы с супругой воодушевились. На шару сейчас прибор возьмём. Будет моя любимая на работе зерновой кофе себе варить. Ходим между стоек и стеллажей, выбираем, чем добрать до нужной суммы. Пылесос двенадцать, надо ещё капельку.

– Вы, наверно, тогда хорошо зарабатывали?

– С вахты приехал. Карман топырится. Значит, взяли коробку стирального порошка для автомата, какие-то моющие средства, фильтры и мешочки для пылесоса. У кассы оформились, оплатили. Ждём подарок. Консультант несёт коробку с нарисованным пингвином. Мы понимаем, что нас обегорили, но ещё не до конца.

– Игрушку подсунули? – глаза напарника горят, улыбка от

уха до уха.

– Оказалась капсульная кофемашина, а мы представляли, чтобы варить из зёрен. Короче, сами виноваты. Вначале надо было посмотреть товар, а затем. Менеджер наши кислые физиономии узрел и давай нахваливать, демонстрировать на картинках, что и как. Цена была, как сейчас помню, четыре пятьсот – выгодно. Решили с Сонечкой – пусть будет. Дети со школы придут, сами с работы приехали, лёгким движением и готово. Только попросили пойти нам навстречу. Вернули часть моющих средств и набрали разных коробочек с «таблетками». А дома такая радость была. Наши Ксюша с Ваней у друзей такими пользовались. Праздник живота нам устроили, смешивали по половинке того или иного ингредиента. Напитки были, скажу тебе, вкуснейшие. Но в подобном больше не участвуем. Хотя прибор вот только недавно выбросили. Служил долго, исправно.

– Вам ещё повезло, – смеётся мой руководитель.

– Можно и так сказать, – улыбаюсь.

– У меня напротив дома фирменный магазин. Я покупаю там сигареты и пиво. Как-то вечером захожу, а продавщица улыбается: «У нас акция! Возьмёте на тысячу, чек в розыгрыш подарков попадёт!». Я быстро отоварился. По карте лояльности провели покупку, сверили номер телефона...

– Я бы не повёлся. Приз на три копейки, а...

– Настроение было хорошее, не бегал дважды, – продолжает. – Через месяц или два пришло сообщение. Сверяю

свой чек с номерами на телефоне – я выиграл приз. В магазине меня поздравили и вручают набор из трёх пустых бутылочек по ноль пять с добавками для настоек. Вы, наверное, видели...

– Пару раз обращал внимание, но ни разу не брал. Сонечка как-то предложила соседу купить на день рождения, передумали.

– А я в дело пустил. Правда, водку пришлось приобретать. Вкусные получились напитки. Прикольно то, что цена набора две восемьсот, а водку взял на полторы тысячи и опять в акции участвую. Скоро розыгрыш. Но меня сразу предупредили, что будет промокод на приобретение билетов в наш киноцентр. Фуффло какое-то.

– Отлично получилось, но затратно. А билет один или два?

– Код на бесплатный билет или скидку...

– Так я и спрашиваю – один или...

– Потом будет видно.

– Было бы хорошо, если на двоих, – искоса поглядываю на напарника. – Пригласишь меня на киносеанс, попкорном угостишь. Водички сладкой... так и быть, я возьму.

Егор посмотрел на меня как бы оценивающе.

– А вы мне зачем? Я лучше девушку приглашу.

По залу эхом расходится наш хохот. Сразу и настроение поднялось, и работать не скучно.

Знакомство

Последние дни января. Погода преподносит свои сюрпризы. То снег идёт, то дождик моросит. Хорошо, с одной стороны, что дороги посыпаны всякими химикатами, да вот это плохо отражается на автомобиле. «Кушает» это «безобразия» и металл, и резину. А куда денешься, если надо ехать? Да ещё на встречу с Сашкиными родителями.

Познакомились мы с ними по видео звонку. Это словно поговорить из космоса. Никакой тебе теплоты и чувств. Прогресс, одним словом.

Загрузили мы всяких солений и маринованостей, свежей картошечки, свёклы, лучка. Заодно и кумовьям нашим подарков набрали. Галинке позвонили, довольная, а как про Ксюшеньку узнала, так давай напрашиваться с нами. Кое-как отговорили. Встреча первая. На свадьбе всех увидит и поболтает. Володя человек трезвомыслящий, всё жене разъяснил, но чувствую, недопонимание и обида остались.

Соня расстаралась: причёска с утра, ногти накануне, наряд праздничный, я набриoliniлся и... Как говорится в сказках: «Долго ли, коротко ли, доехали наши герои...».

– Здравствуйте!

– Витя, встречай дорогих гостей, – дверь открыла мама Александра, Надежда.

Глава семейства вышел в спортивном костюме. Оглядел нас:

– Вы простите, мы ещё не готовы. Я...

– Не спеши, давай хоть познакомимся без технических средств, и руки пожмём, да и помощь твоя нужна, продукты поднять.

Когда переносили привезённые припасы из лифта в квартиру, Наденька всплеснула руками:

– Куда так много? У нас в магазине всё есть. Ну что вы, в самом деле.

– Это всё домашнее, с нашего участка, – Соня прихватила хозяйку под локоток. – Что останется к свадебному столу... хотя о чём это я, туда мы ещё привезём.

– Вы, наверно, с дороги проголодались. Проходите в кухню, перекусим, чаю попьём.

– Мы на диете, – важничая перед новыми знакомыми, – а то на свадьбу ни один костюм не налезет.

– Тогда по рюмашке! – Виктор подмигивает. Полагаю, не в курсе, что я трезвенник по жизни. Но не стал заблаговременно расстраивать человека.

Размещаемся за столом. Хозяйка салатики выставляет, моя супруга помогает. Мы с хозяином от международной обстановки перешли к насущному.

– Варлаам, где вы работаете? – интересуется собеседник.

– В серьёзной фирме, на хорошем счету. На заводе по производству сыра, а жена, – опережая события, надо же впечат-

ление хорошее произвести, – финансовый директор в другой серьёзной компании по торговым вопросам.

Виктор разлил по рюмочкам коньяк из дорогой бутылки.

– Выпьем за знакомство.

– Сонечка, я за рулём... прими эстафету, пожалуйста.

– Да вы что? Какое управление авто. Сегодня вы остаётесь однозначно у нас, – не дав возмутиться супругу, говорит Надежда.

– Да мне никак нельзя. Я...

– Болеете? Таблетки принимаете? – хозяин выразил обеспокоенность.

Соня залилась смехом:

– Не слушайте его. Он у нас крепче пива безалкогольного ничего не употребляет.

Первый барьер пройден. Я так переживал, как на мою трезвенность люди посмотрят.

– А вы работаете или уже на отдыхе? – интересуюсь.

– Нам до пенсии далеко, мы к ней и не стремимся. Ксения вам не говорила разве?

– Ни она, ни ваш сын. Да мы и не спрашивали.

– Ясно! – троица осушила рюмки и приступила к лёгким закускам.

Я повертел головой. Хозяйка, отдать должное её внимательности, сразу среагировала:

– Может вам кофе или морсику?

– Пожалуй, второе, – прям выдохнул. – Итак, на пенсию

не спешите и...

– Мы преподаём в университете. Кстати, в котором училась ваша дочь.

Что-то кольнуло под лопаткой: «Надо себя контролировать... Я ничего лишнего не ляпнул? Мы то «колхозники», а тут интеллигенция».

– Что-то детей долго нет, а где они? – спросила Сонечка, слегка отвлекая меня от мыслей.

– Они скоро будут, – Наденька улыбнулась и подмигнула мужу. – Пошли в ночной клуб места бронировать. Мы хотели вам предложить провести вечер в караоке. Наша будущая невестка в пении делает большие успехи.

– Да-а-а-а? Интересно, и в кого у неё такие способности? – Соня, в свою очередь, подмигнула мне.

– Ой, я вам сейчас такое расскажу..., – Виктор заговорщицки наклонился к столу.

Из кухни мы переместились в зал. Обсуждали приготовления к торжественному мероприятию. Расписали, кто за что ответственный и у кого что на контроле. Оказалось, дети подали заявление через сайт Госуслуг и определена дата. Мы даже со сватом всплеснули руками, жёны знают, а мы – нет. Ну, хоть в чём-то главы семейств похожи – всё мимо нас.

Ближе к девятнадцати часам всей большой семьёй мы сидели в шикарном зале огромного развлекательного центра и наслаждались музыкой. Заказали коктейли, мороженое.

– Варлаам Иосифович, спойте нам... пожалуйста, – Алек-

сандр смотрит спокойно, но с хитринкой в глазах.

– У меня слуха нет.

– Ну да! Мы видели, – Виктор смеётся.

– Где?

– Ксения нам видео показывала. Вы такой молодец, и концерты ваши просто находка.

– Тогда составьте мне компанию.

– Папа, спой «Моё сердце», – разве можно отказать моей принцессе?

Саша выскочил из-за стола и побежал выбирать необходимый хит. Вернулся он с тремя микрофонами, передав один мне, второй отцу и... заиграло вступление. Перемещаясь к сцене, я запел. Припев подхватили зять со сватом. Ближе к окончанию песни, нашему выступлению хлопали все присутствующие, а в завершение кто-то крикнул:

– Ещё!

Соня, Надя и Ксюша присоединились к нам. Выбрали «Видели ночь» и веселье продолжилось.

«Хорошими людьми оказались сваты, – подумал я, – простые и свойские. Весёлые. Сразу и не скажешь, что профессора».

На следующий день мы с Сонечкой, счастливые от проведённой встречи, возвращались домой под звуки нашей любимой радиостанции.

Космос

Работаю во дворе и не пойму, чем сегодняшний день отличается от прежних. Почему мне так легко и всё вокруг прекрасно? Но где-то под лопаткой муллит и колет нечто необъяснимое.

– Варлаам Иосифович! – стучат в калитку с улицы.

«Неужели можно быть вот такими бестолковыми? Зачем барабанить по металлу, когда перед носом звонок?», – шлёпаю утеплёнными калошами по свежему снегу.

– Иду!

– Здравствуйте! Я представитель Роскосмоса. Моя фамилия...

«Мать перемать, перед двором три чёрных Aurus Senat Limouzine. Откуда я название их знаю? Рядом с лимузинами люди в строгих кожаных плащах и шляпах. Глаза сквозь очки, по сторонам бегают», – углубился я в свои наблюдения.

– Товарищ! Ау! Вы меня слушаете?

– А можно сначала?

– Нет. Время не терпит. Собирайтесь.

– А жену можно с собой?

– Это с начальством.

Соседи высыпались с дворов, любят представление. Кто «охаёт!», кто «ахаёт!», да никто ничего не ведает.

Вот что значит качественный отечественный автопром. Машины мчатся с огромной скоростью, а вода в стоящем на столике графине даже не шелохнётся.

На военном аэродроме пересаживаемся в Cirrus Vision Jet, небольшой реактивный самолёт на шесть мест...

«Да откуда я это всё знаю? Что за катавасия такая сегодня?», – мысли роятся в черепной коробке, а мне голос из ниоткуда: «Скоро всё прояснится! Терпи!».

Полётом не успеваю насладиться в полную силу, как идём на посадку. Кругом степи, справа, догадываюсь, Байконур.

«Куда меня принесло? И чего мне дома не сиделось?», – только и успел...

– Варлаам Иосифович, операция государственной важности засекречена семью Вселенскими печатями. Поэтому по её окончании мы вашу память очистим. Не переживайте.

– Я не понимаю вообще ничего, а вы как бы меня успокаиваете.

– Вам ничего не объяснили? Тем лучше. В нашей профессии – меньше знаешь, крепче спишь.

– А по существу? – мы перемещаемся в огромном, купольного вида здании. Кругом люди, техника, приборы... Суэта, одним словом.

– Знакомьтесь – Юлия. Наш космический доктор.

– Варлаам!

– Очень приятно! – женщина улыбается, а я её точно видел, не могу вспомнить где.

В огромном зале-павильоне за круглым столом серьёзные люди в чинах заседают. Среди них в штатском платье и в военной форме люди и...: «Матушка родная. А это кто такие, с мордами, переливающимися цветами сине-зелёно-красными?».

– Это вземная цивилизация, – моё ухо улавливает шёпот новой знакомой.

– Куда я попал? – также интересуюсь, искривив губы.

– Господа, а вот наш герой! Поприветствуем! – как понимаю, самый главный в этом помещении привстаёт из-за стола и показывает на меня.

Поднимается шум, присутствующие поворачиваются, пожирают меня глазами, особенно те непонятные, у которых лупалки аж ко мне подлетели и кружат.

– Мне кто-нибудь объяснит, где я и что тут делаю? – моё терпение заканчивается.

– Вы Бузыкин?

– Есть такое!

– Значит, ошибки быть не может. В конце семидесятых вы разработали плазмоперестёбаомерттрический улавливатель-подавитель для лечения всех болезней.

– Ой, да мне тогда...

– И прислали чертежи в редакцию журнала «Юный техник».

– Было такое... но...

– Ваша работа совершила прорыв в современной медици-

не, опередив время, и наши коллеги, прибывшие с Марса, просят вас помочь больному на Межгалактической космической станции.

– Вы хотели сказать – на Международной?! – удивляюсь.

– Нет-нет, именно так, как я сказал. Это для населения земли так переводится МКС. Юлия вам всё пояснит. Мы её отправляли туда под видом киноактрисы. Она свою миссию выполнила, теперь нужны ваши знания и опыт.

«Так вот откуда я её знаю... это актриса. Надо было с собой Сонечку взять. Вот бы она порадовалась», – пролетело в голове.

– Но я уже и не помню, как пользоваться прибором, – пытаюсь дать отступного. В моём возрасте и с моей гипертонией только по вселенным разгуливать.

– Всё в норме! – подплывает марсианский представитель. Щёлкает за моим ухом и...

В голове колокольчики, впереди разноцветные переливы, тело лёгкое, словно пёрышко. Потом «Бум!» как переключилось что-то. В пространстве цифры, схемы и все корявые, неровны: «А-а-а-а, это мои каракули. Точно! Это вот ламповый преобразователь. Резисторы, транзисторы, лучевая лампа... Ага!», – бешеными скачками память возвращается.

– Вспомнил! – я даже как-то выше стал и увереннее в себе, почувствовав важность среди этих людишек.

– А вот разработка в натуральную величину. Правда, мы лампы убрали, материнками заменили и многое на микро-

схемы китайского производства.

– Отлично! А пользоваться этим надо вот так...

– Варлаам, хватит вертеться и храпеть, – Соня бьёт меня по рукам и ногам. – И с кем ты там всё разговариваешь? Полночи какую-то Юлю зовёшь... Предрыхиватель всё ей какой-то предлагаешь вставить. Интересно, куда?

– Блин! Там прибор остался. Зачем разбудила? Да ещё на таком месте. Я уже знаменитостью стал, великим учёным, можно сказать. И схему не запомнил. Только цифры.

– Узнаю, что за баба, ей космы выдергаю и тебе... Спи!

«Вот... Блин! Разбудила, а сама уже без задних ног в своих снах», – кручусь, прямо весь извёлся.

Сходил на кухню, выпил кружку холодной водички, погладил Ваську, который поприветствовал своим урчанием. Сразу веки потяжелели, так с закрытыми глазами и занял своё место под одеялом.

– Вот и славно, что вы всё вспомнили. Оставляем вас с новыми коллегами и нашей кинокосмодивой. Учтите, старт назначен на шесть часов утра. Вам ещё надо пройти подготовку.

– Это, – смотрю на часы, – за шестнадцать часов? Я думал, хотя бы пару недель...

– У нас технологии от Маска. Он специально для вас ими поделился, – подбадривает самый главный.

– Хеллоу, Вар! – на меня идёт высокий парень в костюме теннисиста: майка, шорты и повязка на голове. – Я пожерт-

вовал всем своим состоянием, чтобы вместе с вами пуститься в полёт... Как говорится у вас, у русских, остался в одних труселях, – он улыбается и показывает на свою одёжку.

– Ничего, помощник! Справимся! – чего я его так назвал, сам не знаю.

– Я на стартовую площадку. До покедова...

– И тебе не хворать.

Изучаем с внеземной цивилизацией мой ранее разработанный прибор. Со знанием дела что-то подтягиваем, регулируем. Голова ничего не соображает, а руки сами, ловко перебирая проводки, справляются с задачей.

– Вот они – марсиане, – обращаюсь к трёхпалому, сильно высокому и худому, – а вы с какой планеты? Как она называется?

– Никак.

– Прямо вот так? – удивляюсь.

– Да!

– Тогда живущие на ней «никаки», что ли?

– Мы, – существо вытягивается во весь рост и важно так, – никакдианцы.

– Прости, брат, – пожимаю его скользкую ладошку с тремя присосками.

Ловко справившись с диагностикой и наладкой аппарата по лечению всех болезней, коллеги приглашают меня пройти медицинское обследование и предполётную подготовку.

– Варлаам! – до боли знакомый голос в зал, просто впорх-

нула моя милая Сонечка. – Я так по тебе соскучилась!

Мы обнимаемся, целуемся. Рядом стоящие скромно отворачиваются с улыбками и их подобиями.

– Познакомься, дорогая! Это марсианин – профессор, здесь никакдианец – естествоиспытатель, а это Юлечка...

– Ой! Я так мечтала с вами встретиться, поболтать по-нашему, по-женски, – и не давая опомниться знаменитости. – Вам звезду героя вручили за полёт?

– У нас это так быстро не делается. Гендиректор канала сказал, как исполнится пятидесятая весна, так он сразу напишет ходатайство.

– Долго ждать. А я за вас хотела...

Супруга увлекает за собой подружку.

В медцентре сдаю анализы, прохожу тесты, разговариваю с группой психологов, тут же проверяется вестибулярный аппарат. И председатель комиссии недовольно морщится от результатов.

– Поздновато вам думать о космосе, – заключает он, а у меня вырывается выдох и наступает облегчение. – Но у нас есть ваш прибор, и вы, как великий учёный, должны испытать своё детище на себе.

Что-то мне как-то в этот момент поплохело. Живот закрутило, сердце забилося с перебоями. Звон прощальных колоколов в ушах прошёлся набатом.

– Не расстраивайтесь так. Вы можете научить Юлю, и она справится с поставленной задачей. Тем более у неё опыт в

этих делах.

– Ну что вы, коллега, – хлопаю мужчину в белом халате по плечу. – Вначале испытаю прибор, а там будет видно.

За огромным стеклом восседает Правительственная комиссия, врачебный консилиум, в первом ряду Юля с Соней, а я сижу в металлической капсуле с глицерином. К моему телу подключены датчики и множество проводов. Марсианин с никакдианцем подносят носик плазмоперестёбамерттрического улавливателя-подавателя к моему левому виску.

– Братцы, только аккуратно, – растягиваю рот в улыбке и закрываю глаза.

«Все болезни от наших мыслей, переживаний, страхов, – проносится голос неизвестного. – Надо взять себя в руки, познать свою сущность и обратиться внутрь себя», – пытаюсь расслабиться. Словно на экране прыгают звёздочки, пролетают планеты, вселенские трамвайчики...

Слышу шум за стеклом и некое «О-о-у-у-у-х...» рядом. Разлепляю ресницы. Все, кого вижу, застыли в изумлении. У некоторых ужас покрыл лица. Сонечка зажала ладошками рот. Юля достала фотоаппарат. Вспышка придаёт мне смелости. Я улавливаю своё отражение: «Мать, перемать... Это я?». На меня смотрит нечто между моими новыми коллегами, только с лягушачьей мордой с четырьмя зрачками и жабрами.

– А-а-а-а-а...

– Варлаам! Ты уже достал. Короче, вставай. Дай поспать.

– Соня! Любимая! Я дома. Надо же такому присниться. Я тебе сейчас расскажу.

– Не надо...

– Да ты чего? Там такое происходило. Не поверишь, в кого я превратился.

– Я всё знаю. Не мешай. Нас сейчас с Юлей готовят к полёту, а тебя списали...

Балет

По телевизору что-то говорит ведущий. О чём даже не слышу, просто смотрю картинку и мечтаю, планы строю: «У меня как раз выходные выпадают на субботу и воскресенье. Может, на рыбалку? Или напроситься к сватам в гости? А может, к кумовьям?», – мысли текут спокойно...

– Варлаам! Хочу тебя обрадовать, – Сонечка заходит домой после работы. – Мы с тобой всю жизнь в деревне живём, и никак моя мечта не сбудется.

«Пропали дни. Нет, судя по мечте, рванём в областной центр», – чутьё подсказывает, не ошибаюсь.

– Мы же в цирке были несколько раз, – наблюдаю за супругой.

– Бесспорно, но я мечтаю о настоящем высоком искусстве. До Большого театра далеко, а вот в районный Дом культуры на балет мы поедem в субботу! – как будто пригвоздила своей новостью.

Рабочая неделя пролетела быстро, и вот мы спешим на личном авто к началу премьеры классического «Лебединого озера». Оставили машину на стоянке перед зданием администрации. Перед ДК народ неспешно проходит к парадному входу. Великосветское событие. Женщины в вечерних платьях, мужчины в костюмах, а нашего брата из пригорода

сразу можно вычислить по джинсам, свитерам и кроссовкам.

В фойе снимаем верхнюю одежду, выстаиваем очередь в гардероб и проходим сквозь широкие двери. Расположившись на местах, жена рассматривает программку, я осматриваю присутствующих. Ни одного знакомого лица. Сразу стало скучно.

Прозвенел третий звонок, свет постепенно начал тускнеть и загорелась подсветка по периметру сцены. Грохнули первые аккорды, всё пространство погрузилось в музыкальное сопровождение. Жаль, что фонограмма, но и мы не в столице.

Пять минут зрители наслаждались мелодией П.И. Чайковского. Занавес обнажил декорации, и началось действие. Зигфрид веселится, то разговаривая с весельчаком, то, увлекаемый девицами, танцует. Появляется королева, журит малого, мол, уже не мальчик, пора и о свадьбе подумать.

Молодость срывается в прыжки, крутится на месте, мамке показывает – не готов он ещё и подходящей партии не нашлось. И в какой-то момент, делая изящный прыжок, герой влетает в колонну. Зал ахнул. Скорее так было задумано постановщиком. Лихо показал своё нежелание исполнить волю королевы. Выскочивший к краю сцены шут завораживает своим весёлым танцем и пришедшего в себя принца увлекает на озеро.

Белая лебедь скользит, грациозно передвигаясь на одних пальчиках. Я не знаю, кому как, а я сразу расстроился, уви-

дев лицо балерины. Она принцу явно по возрасту годилась в сильно старшие сёстры. Когда вокруг закружилась оставшаяся стая резко бросилась разница девушек, как по росту, так и по комплекции.

– Варлаам! – шепчет Сонечка. – Ты чего ворочаешься. Сиди спокойно.

– А здесь буфет есть?

– Не знаю. Не отвлекайся. Лучше сфотографируй, детям пошлём...

Телефон и камера меня действительно отвлекли, но свет от экрана раздражал рядом сидящих эстетов, и мне сделали замечание.

В это мгновение начинается партия колдуна – чёрного коршуна Ротбарта. Мужик очень старался, даже строил злую и коварную гримасу, но излишки веса явно мешали прыгать и совершать обороты на одной ноге, а в какой-то момент он просто перешёл на быстрый шаг, изящно вытягивая носок и мощно ступая на пятку, вызывая грохот. Это, наверно, тоже была находка режиссера – некое подобие грома.

И вот рассвет. Конец первого акта. Занавес закрылся. Загорелись лампочки на люстре, и народ ринулся на выход. Я прислушался к разговорам любителей большого искусства. Мужчины скромно поддакивали женщинам, выражающим восторг. Они восхищались и представителями балетной труппы, и их талантливыми танцами.

В фойе расположились молодые люди, только что нахо-

дившиеся на сцене в костюмах придворной знати. Раскрыв огромные чемоданы, они приступили к продаже различных безделушек в виде фигурок и программ.

– Не отвлекайся от действия. Позже поговорим, обсудим. Красота-то какая. – Соня произносит последние слова с восторгом.

«Мне ещё потом не хватало про это вспоминать», – у меня внутри всё вскипело, но диалога не получилось, в зале раздался смех.

Из-под занавеса на половину корпуса показался шут, приветствующий зрителей веселыми взмахиваниями, зазываниями и смехом. С первыми нотами погасло освещение и перед нами возникли декорации дворца. Действие продолжилось танцами девушек, претендующими на место невесты.

Мне понравились две балерины, как две капли воды похожие друг на дружку. Я ещё подумал: «Сестрёнки близняшки!». Это была, пожалуй, лучшая пара, прекрасно отрабатывающая свои партии.

Стоящий справа вельможа постоянно что-то пережёвывал. Его напарник слева нетерпеливо переминался с ноги на ногу.

Фанфары возвестили о прибытии новых гостей. Принц танцует с дочерью дворянина Одиллией. Бедный юноша танцовщик еле делал поддержку, старался поднять балерину на руки. Его непомерные потуги выдавало раскрасневшееся лицо и пот, блестящий на лбу и шее.

У меня зудело всё тело. Я морально, в своих мыслях поддерживал героя. Сострадал раскрытому обману и его горю.

И вот танец маленьких лебедей на озере. Здесь хотелось аплодировать стоя, так как надо было отдать должное хореографу, который поставил по краям сестричек, а внутри их коллег, угадав с ростом и более-менее попав с комплекцией. Девчонки действительно старались и получили свои заслуженные овации, которые не стихали долго, остановив продолжение второго акта на десять минут.

– Чудесно исполнили. Да? – у Сонечки выступили слёзы.

– Я бы выделил их лучшими из всего, что мы увидели.

Остальное досматривалось спокойно, пока не появился шут со своим танцем радости и счастья за молодого господина. Он делал такие прыжки, так кружился, что присутствующие хлопали стоя. Отдельные выкрики «Браво!» сильно подзадорили артиста. Вдруг его стопа то ли зацепилась, то ли подвернулась, и «красота» растянулась на полу. Зрители застыли в секундной паузе тишины. Однако молодой человек ярко улыбнулся и, весело перебирая руками и ногами, «выплыл» со сцены.

Вот она, сила искусства! Вот люди, спасающие провальные постановки!

– Варлаам, тебе понравилось? – жена толкнула меня в бок, когда поклонники вручали цветы артистам.

– Даже не знаю, что тебе сказать, любимая, – я пожал плечами. – Обрати внимание, кому вручаются цветы.

Исполнители ведущих ролей стояли со скромными букетиками, а масса ароматных подарков в различных упаковках находились в руках шута и коршуна. Рядом выставили несколько корзин с чудесной благодарностью поклонников.

Пакет

Суетимся на кухне. Как остались вдвоём, много не готовим. Кастрюли первого хватает на три дня, а перед обедом, когда дома, нарезаем овощного салата, режем хлеб и всё на стол.

– Ксения сегодня звонила, – говорит Сонечка.

– Как у них дела? – стучу ножиком по разделочной доске.

– Всё хорошо! Сегодня с утра ходила в поликлинику.

– Саша заболел или...?

– Нет, плановый осмотр дочери – скрининговое обследование.

– А-а-а-а! А это что?

– Комплексное обследование беременных женщин.

– И как? – даже присел от волнения.

– Плод развивается для своих тринадцати недель нормально, никаких патологий.

– Отлично! – выдыхаю и продолжаю помогать жене. – А кого ждём?

– Сказали, на таком сроке не определяют пол. В следующий раз точно узнаем.

На душе полегчало и стало как-то весело.

– Это дело надо отметить!

– И?!

– Поставлю чайник и схожу в погреб за вареньем. Какое принести?

– Вишнёвое. Кстати, сразухвати свеклы и баночку приправы для борща.

Набрасываю кофту, задерживаю молнию. С верхней полки беру шапочку, на веранде цепляю старый пакет. А на улице благодать. Солнце в зените. Снег скрипит под калошами. Мороз небольшой, наверно градусов десять, а по ощущениям все пятнадцать.

Василий крутится у ног, провожает меня до сарая.

– Как дела, бродяга? – наклоняюсь, глажу своего любимца.

– Мяу-у-у!

– Рад, что всё в норме, – улыбаюсь мурлыкающему питомцу.

– Пойдёшь со мной?

– Мия-я-я, – произносит, запрыгивая на лестницу. У него наверху наблюдательный пункт.

Поднимаю крышку люка, спускаюсь. Набираю свеклу, хватаю баночку с приправой и всё в обратном порядке.

Счастливый, захожу на веранду. Сбрасываю одежду и переступаю порог...

– Тьфу ты... мать перемать...

– Варлаам, опять эти присказки?

– Забери поклажу. Я варенье забыл, – бегу обратно.

За обедом молчим, слушаем новости.

– Ты сейчас посуду вымоешь или после ужина? – Соня как бы в никуда задаёт вопрос.

Я молчу и всматриваюсь в её глаза. Искорки нет. Странно. Оглядываюсь по сторонам. Кроме наших тарелок и кружек мыть нечего.

– Чего молчишь? – жена улыбается, наблюдая за мной.

– А в чём подвох, хочу разобраться...

– Вы с Ксюшей как два сапога пара, – смеётся любимая.

– Так я... вот... и хочу понять...

– Просто на ужин я буду жарить рыбу. Сейчас отварю на салат свеклу. Посуды будет больше.

– Ну да знаю я тебя...

Ксении тогда было шестнадцать, когда они с мамой вдвоём поехали по путёвке на отдых в Евпаторию. Санаторий закончился, и они решили снять комнату, продолжить пляжную жизнь на недельку. Это мне дочь потом рассказывал.

Утром позавтракали. Соня приготовила два пакета: один с мусором, второй с одеялом и полотенцами. Спрашивает:

– Ксю, какой понесёшь?

– С одеждой! – ей показалось, не «айс» тащиться с объёдами и бумажками.

– Держи! – мама передала поклажу.

Вышли на улицу, не спеша перемещаются к морю. И как-то так получилось, Сонечка выдвинулась вперёд, а наша девочка понимает, что чего-то не хватает.

– Мам, а где...

– В мусорном баке, – поправляя шляпку, улыбается наша семейная находчивость.

– Так не честно.

– Как это? Я же спросила. Выбор был твой.

Поэтому, как ни крути, а ухо надо всегда держать востро.

Я так и сказал:

– Конечно, милая, помою сразу.

Довольный, натираю тарелки, кружки, ложки... появляется одна доска, потом вторая, нож, две баночки.

– Откуда? – пытаюсь возмутиться.

– Я к ужину всё подготовила, чтобы потом только пожарить подлещиков.

– А свеклу варить?

– Я передумала. Вот тебе ещё тёрка. Свежая она полезнее... И ведёрко с очистками сходи, в компостную яму вывали.

Недоразумение

Послеобеденное время на смене всегда тянется жвачкой, живот выпирает, веки тяжелеют. То и дело ловлю себя на похрапывании. «Надо прогуляться!», – даю себе команду.

– Начальник, я на улицу выйду, – согласный кивок.

Спустился на первый этаж, распахнул дверь. Тучи в небе плотные, снежинки мелкие, и мороз чувствуется. Но, перебив себя, пешком перехожу вокруг основного корпуса.

– Что там? – вопрошает Егорка, когда я вернулся в зал.

– Снег, будь он неладен. Вот зима в этом году. Одни осадки сменяют другие, однако всё больше дожди. Дома на участке земля открытая. Представляешь? – руководитель поворачивается ко мне, я занимаю своё рабочее место. – Мы уже в феврале обрезку плодовым деревьям сделали. Никогда раньше так не поступали.

– Мои родители в марте её проводят.

– Мы тоже, но сидишь на выходных, ищешь, чем бы заняться. Решили попробовать. О! Чего я тебе расскажу. Мы в субботу в райцентр ездили. Знаешь, лучше заранее присмотреть для ребёнка кроватку, стол...

– А чего, в Воронеже их нет?

– Полно. Мы подумали пробежаться по мебельным мастерским, может, чем удивят оригинальным по сносной це-

не.

– У нас в городе всё по одному клише делают, – важно сообщает руководитель.

– Это мы осознали чуть позже. И вот на обратном пути заскочили в «Пятёрочку». Не спеша наполнили тележку и к кассам. Впереди женщине в приталенном пальто ниже колена, джинсы, ботинки. Волосы из-под вязаной шапочки ниже плеч рассыпаны. Сейчас!

Включаю чайник. Что-то в горле пересохло. Кошусь на напарника. На его лице заинтересованность, интрига заложена.

– И что дальше?

– Мы с Соней разговариваем, очередь не интересуемся, а тут я повернулся перед дамой никого. Она голову опустила, руки в локтях согнуты, явно телефоном занята. Кашлянул я для приличия, привлекая к себе внимание. Ноль эмоций. «Уважаемая!», – говорю спокойно. Кассир на нас смотрит, улыбается. А эта, понимаешь, стоит, не шелохнётся. Я опять и уже громче: «Девушка! Вы будете проходить, за вами народ собирается!». Она обернулась, я чуть не упал, рост сразу стал раза в два меньше...

– Страшная? – Егор аж подпрыгнул. – Или красавица?

– Не угадал. Мужик лет тридцати пяти плюс минус... «Вам чего?», – глазищами зыркае, а я ему: «Ой, простите, обознался! Со знакомой перепутал! Вы проходите?». Он мне: «Спешите?». Тут Сонечка как гаркнет: «Да!». «Пожалуйста, я товарища жду, он кофе наливает», – пропустил,

значит, нас.

Мой инженер смеётся.

– Чего «ха-ха-ха»? Сзади, ну, вылитая женщина. Узкие плечи, широкие бёдра...

– Варлаам Иосифович, а пальто такое ближе к бордовому цвету?

– Да! – теперь я удивляюсь: «Если скажет, что это был его друг, никогда руки не подам!».

– А волосы такие пепельно-жёлтые, вроде блондинка, но светлее?

– Точно! – я откатился на кресле подальше, типа интересуюсь чайником.

– Помните, метель в январе была? Циклон какой-то из Москвы пришёл, то ли «Ваня», то ли «Оля»?

– И?!

– Я побоялся на своей машине выезжать на работу, вызвал такси. Всё в рамках приличия, минута в минуту подъехало «Рено». Присаживаюсь. Водитель не начинает движение. Я на него посмотрел, а он вперёд показывает. Молодая особа прямо в колее правого колеса припарковалась. Таксист нажал на клаксон, никакой реакции. Даже не вздрогнула. Пришлось выйти из салона...

– Привет труженикам-передовикам! – на пульт входит один из наших сменщиков. – Что за страсти рассказываете?

– Фильм ужасов из нашего городка, – отвечаю, мужчина замер.

– Пурга, ветер. Я к ней и ладонь на плечо. Она как рванёт в бок и захватила мою кисть, я закричал от боли. «Чего ты-нешься, маньячила?», – я и не сразу сообразил, что передо мной мужик...

– Вы про «Аллу Пугачёву», что ли? – Николай идёт к шка-фам.

– Про кого? – в один голос с Егором.

– Он... нет, она... Тю, и как про это чудо, не знаю. Оно в центре появилось месяца три назад. Не знаю, чьё и откуда, но явно с головой не дружит или... полная аномалия, в ту-мане человек, может болеет. Одежда вроде мужская, а паль-то женское, подражает певице.

– Я думал, прима к нам жить приехала, – вытираю пот со лба. – Мало ли, может, надоело по заграницам.

– Друзья, хотите смейтесь или нет, но эта «Алла» поёт не хуже настоящей. Сам не слышал, врать не буду, а кто в авто-бусах ездит, говорят.

– Коля, и откуда ты всё это знаешь?

– Так у нас населённый пункт маленький, новинки быстро разлетаются.

– А вот скажи, мил человек, может, и «Максим» у нас в гостях?

Смех эхом расходится по залу.

Ниточки-Иголочки

Конец февраля, а на дворе словно весна. Солнышко светит яркое, капель с крыш, ручейки по дороге. Вечером подмораживает и передвигаемся как на коньках, шаркая подошвами. Почему-то в этот период тоска настаёт, хотя на душе должно быть радостно от скорого пробуждения растительности. Уже летит утка с юга, скоро и другая птица вернётся.

– Варлаам, я вот подумала и решила увольняться с работы! – Сонечка кроит обрезки старой джинсы.

– Хорошо! – сижу за компьютером, слушая жену вполуха.

– Тебе что, безразлично? – в голосе слышится не очень добрая нотка.

– Почему? Мне даже очень интересно! – отвлекаюсь от своих дел и перехожу в зал.

– Поясни! – любимая упирает руки в бока.

– Милая, я поддерживаю тебя во всём. Хочешь так, а нет – вот так...

– И долго будешь разжёвывать ребусами?

– Давай так! Ты зачем в офис ходишь?

– Это моя профессия. Они без меня не справятся...

– Враки. Незаменимых нет. Распрощаются и забудут. На себе испытано, и не один раз. Чем будешь дома заниматься? Летом понятно – сад-огород, а зимой?

– Я всё рассчитала. Руку на изделиях уже набила. Исходного материала набрала много, и родственники, и коллеги много отдали ненужных вещей. А мои кошельки и сумочки имеют большой успех среди женщин, хватит раздаривать на дни рождения и праздники, пора о собственном деле подумать. Оформлю самозанятость. Параллельно можно договора на оказание услуг заключить с предпринимателями.

– Нам что, денег не хватает?

– Не в этом дело. Не хочу до пенсии сидеть в конторе и чужой бизнес вести. Ты будешь на подхвате, когда не на смене. Я шью, сама себе бухгалтер, и в налоговой у меня всё схвачено.

– Значит, так тому и быть! – подвожу итог и удаляюсь к своему «другу».

Полчаса тишины. Каждый занят своим. Смотрю на часы, пора Ваську кормить. Накладываю кашу, разогреваю в микроволновке, иду на веранду: «Ну, да! Он на улице, и где этот сорванец?».

Выхожу за калитку.

– Вася! Кис-кис-кис! Ты где?

От соседского дома по диагонали показывается бегущий «бегемотик», то ли шуба так выросла, то ли я его так много кормлю. Однако любимец быстро бежит на мой зов, и пронесется между ног.

– Мя-я-у-у-у! – кричит с крыльца.

– Вижу! Иду! – улыбаюсь нашей бестии, запуская его в

дверь.

Пока ходил по двору с осмотром, кот опустошил свою тарелочку и сидит на столе, приводя шерстку в порядок.

Вечереет. Поднялся ветерок. Завтра к восемнадцати на вахту. Захожу домой.

– Варлаам, а может, мне поработать до пенсии?

– Делай, как знаешь. Определись уже...

– Никогда от тебя не дождёшься поддержки, – перебивает меня на полуслове.

– ?!

– Всё всегда сама. И за себя, и за вас всех...

Беру гитару, присаживаюсь рядом с женой.

Зелёною весной

Под старую сосной

С любимую Ванюша прощается.

Кольчугой он звенит,

И нежно говорит:

«Не плачь, не плачь, Маруся красавица!»

– Нет! Я с ним о серьёзных вещах, а он...

– Мне так хорошо с тобой, Сонечка! Сиди дома, любимая!

Она подходит, целует меня в темя, и я меняю репертуар.

На соседние кресла на большой высоте. Мы не знали друг друга до этого лета, Мы болтались по свету, земле и воде. И совершенно случайно мы взяли билеты

Уже за полночь идём спать. Тишина, только нет-нет за окном залает чья-то собака или запоют февральские коты.

«Надо было Васю выпустить погулять. Мучиться будет животное до утра», – встаю, набрасываю халат. Кот явно уже заждался, пулей выскочил во двор. Подождал его возвращения.

– Ты не серчай!

– Майя-я-яу-у-у!

Укладываюсь, накрываюсь с головой и, только ухожу в дремоту:

– Варлаам! Всё равно не спишь... Посоветуй, как поступить?

Включаю бра, поворачиваюсь к жене. Она всматривается в мои глаза.

– Я работаю?

– Да!

– Я военный пенсионер?

– Да!

– Нам денег хватает?

– Да!

– Сиди дома! – отворачиваюсь, выключаю свет.

– А если детям помогать?

– Тогда работай! Спи! Утро вечера мудренее...

Дутыши

«Почему так быстро пролетают выходные? Может, весна так действует? Или витаминов не хватает? Надо Сонечку попросить посмотреть в аптеке, что есть на этот случай...», – размышляю, заканчивая с обслуживанием ванны для приготовления сыра после выгрузки.

Покидаю цех, выхожу во внутренний дворик. Ночь. Небо чистое, звёзды рассыпаны, как разноцветные пуговицы. Опять днём будет давление расти. С возрастом стал замечать, что в пасмурную погоду чувствую себя прекрасно, а вот в ясную...

Вхожу в зал. Из сумки достаю пачку «Лозартан» и запиваю таблетку стаканом воды. На сутки должно хватить.

– Егор, иди на боковую. Я в цехе закончил, можно переходить на автоматику.

– Что-то не хочется. Днём поспал.

Коллега в телефоне, откуда издаются крики.

– Фильм смотришь?

– Нет. Ролики. Народ снимает, как после ледяного дождя прохожие падают. Только понять не могу, чему здесь смеяться? Боль, страдания.

«Ого! Что-то новенькое в мыслях моего начальника», – отмечаю про себя.

– Чай? Кофе? – интересуюсь у напарника.

– Пропущу!

– Ты мне своими видяшками напомнил давно минувшие годы. Мы тогда с женой ещё в старом доме жили. Отопление печное. Дочь маленькая, – наливаю «Капучино», присаживаюсь в кресло. – В то время были в моде сапоги, «Дутьшами» назывались.

– Одну секунду, – парень что-то быстро набирает на смартфоне. – «Дутики», судя по сайтам Интернет магазинов.

– Не спорю, сейчас может и так, а мы их именно, как я сказал, называли. С товарами было туго. С деньгами вообще крах. Зарплату никогда полностью не выдавали, то четвертинку, то половинку в месяц. Как хочешь, так и выживай.

Егор откладывает свою «игрушку» и внимательно слушает.

– Хорошо, у нас родни полная деревня. Помогали друг дружке, выручали. Все одинаково вроде жили, а всё ж достаток и возможности у всех разные. И у нас с Сонечкой получилось поднакопить средств. Решили на рынок в город съездать. Дело по осени было.

Отхлёбываю кофе, зажмуриваюсь от удовольствия.

– Мне родители рассказывали про девяностые. Всегда говорят, чудесно, что на мою долю это не выпало.

– Всякое тогда было. Так вот, пробираемся между рядами, а народу как килька в банке. Почему тогда такая толкучка была, ума не приложу. Нашли хорошую обувь с ценой не кусачей. Значит, жене присмотрели и... она меня толкает

в бок, показывает на «дутьиши». Голенище высокое, внутри мех искусственный. Я рукой махнул: «Мне хватает, перекантуюсь зиму в туфлях или сапогах. Себе с дочерью выбирай, что надо». Она мне в свою очередь, мол, на выход, да и чего по посёлку в форме ходить.

– В какой? – заинтересовался товарищ.

– Я тогда только-только из патрульно-постовой службы милиции был в участковые переведён в наше село, выдали обмундирование по минимуму, что на складе тогда было. Вот и щеголял наполовину в гражданке...

– А вы никогда про это не заикались...

– Чего зря языком молоть? Уговорила меня супруга, приобрели. Пришла зима. Мороз. Снег. Утром собираемся. Я Ксюшку в садик и на службу в пикет. Соня в контору совхоза. Надеваю обновку. Ногам легко, тепло... благодать. Прошёлся по хате. Такая на душе услада. Вот Соня молодец, а я братъ не хотел. Вышли из дому, закрываю калитку, беру дочь за руку и... сделав пару шагов, падаю на спину. Дальше передвигаюсь с опаской, так как очень скользко.

– Лёд?

– Да я бы не сказал. В тот же день обратил внимание, как в помещении сапоги мягкие, как на улицу – дубовые.

– Почему?

– Я грешил на то, что китайские, материал низа то ли пластик, то ли ещё какая синтетика. И главное, днём всё нормально, утром и вечером, как подморозит, хоть вой от оби-

ды, Ванька-встанька, ни дать ни взять. А у меня работа. И везде ногами.

– Представляю, – смеётся инженер.

– Тебе «ха-ха»... И что я только не делал. Наберу песка из пожарного ящика, насыплю его на печную плиту, помешаю, разровняю и подошву прижимаю на эту массу. На день хватало... Дочка до сих пор нет-нет вспоминает, как папа пируэты выписывал, катаясь на той обуви...

– Надо было купить альпинистские когти, – уже ржёт в полный голос напарник.

– Я тогда про такие слышал, но не видел, а способ нашёл другой. Даже не помню, кто из родственников посоветовал. Натолок я бутылочного стекла и также на печь, прижал обувку, когда осколки нагрелись. На улице благодать, а в помещении, полы царапаю. В опорном пункте на пороге переобувался в тапочки, за что от начальника нагоняй получил. Стал сапоги яловые в кабинете носить. А вот к гражданам ходил с тапками в папке, чтобы людям ничего не попортить.

– Варлаам Иосифович, я после ваших рассказов совсем спать не пойду сегодня, – Егорка слёзы вытирает.

– Ну, тогда бодрствуй, а я на боковую.

Уно

Вернулся после смены. Загнал машину под навес во дворе, вхожу на веранду. В доме шум, женские голоса, смех.

– Привет!

– Мяу! – Вася выпрыгнул из коробочки.

– У мамы гости? – разубаюсь, снимаю верхнюю одежду.

– Мя! – вытягивается телом, выставляя кверху хвост.

– Тебя кормили?

– Ма-а-ая-я-яу-у-у! – трясётся всем телом, словно в возмущении.

– Потерпи пару минут. Сейчас вынесу!

– Мяу! – спрыгивает на пол.

На кухне накладываю питомцу каши с рыбкой, размешиваю, разогреваю.

– Уно! – раздаётся из зала. Я чуть не подпрыгнул от неожиданности.

Вынес коту еду и воду. Не включая свет, присаживаюсь за стол и наблюдаю за Сонечкой и её подругами. Они увлечённо играют в карты, но не игральные, а в какие-то детские, с картинками. Это у них получается настолько увлекательно, что меня никто и не услышал, пока возился ужином четвероногому.

– А я тебе – так! Бери две – ха-ха-ха! – Светка чуть не

упала со стула.

– Ой! Тебе надо пропустить ход, – в свою очередь улыбаются подруге Маринка.

В наступившей тишине только шорканье разукрашенными картонками. Лица напряжены. Катерина почему-то держит «веер» на вытянутых руках.

– А-а-а-а... Ты не сказала: «Уно!», тащи парочку! Закончить хотела? – орёт Сонечка.

Женщины по кругу бросают по картинке. Ход доходит до жены. Она начинает набирать пластинки.

– Вот не везёт... я думала, закончу первой.

– Гребни молча! – девчонки смеются.

Наконец-то она сбрасывает карту. И тут же Марина начинает рассказывать анекдот. Я зажимаю рот, чтоб себя не выдать, хохочу внутри. Но за столом никто не реагирует, и поведавшая весёлый коротыш, берёт четыре картинки. И тут подружки разразились гомерическим смехом.

– Чего сразу не смеялись?

– Ждали, когда нагребёшь!

– Так! Света, раздавая, а я пойду, чайник поставлю. Муж должен скоро приехать, – Соня встаёт и направляется в мою сторону. – А-а-а-а! Уже дома?

– Чего орёшь? Я что, страшный?

– Напугал, – супруга обнимает меня и целует. – Сделаешь нам с девочками кофе?

– Хорошо!

– А ты здесь долго?

– Минут десять, как приехал.

Заглядываю в зал, здороваюсь с гостями.

– Варлаам, давай с нами...

– Я в азартные игры не играю.

– Боишься проиграть?

– Не хочу вас домой голыми отпускать... А себе оставить

жена не разрешит.

Подружки продолжают весело играть.

– Тяни парочку!

– С тебя весёлая история!

– Уно!

– Игра закончена!

Я накрываю на стол, варю кофе. На его запах женщины переходят в кухню, рассаживаются.

– Милый, в холодильнике торт. Доставай!

Ужин проходит весело. Через час проводили гостей.

– Если бы ты знал, как мне с тобой повезло. Хозяюшка ты моя, – хитро улыбается жена.

Ангел на крыше

До заступления на смену успел поворошить нагуртованный снег в огороде и перед двором. Погода радуется. Солнышко пригревает, небо сине-голубое. Ни одного облачка. Температура была днём плюс пять.

Василий на своём посту под козырьком сарая, разместившись наверху лестницы, наблюдал за мной, наслаждаясь тёплыми лучами.

– Мужики, спокойного дежурства, – коллеги покидают зал.

– И вам хороших выходных! – провожаю ребят.

Егор заполняет формуляры, я проверяю показания, вписываю их в графы журналов контроля. Потом мой напарник делает доклад по телефону, я спускаюсь на первый этаж, прохожу по цехам, прислушиваясь к работе механизмов, и сверяю параметры с пультом управления.

– Всё в штатном режиме.

– Теперь можно немножко расслабиться, – улыбается молодость. – Я выйду на перекур.

В одиночестве достаю из сумки продукты, раскладываю их в холодильнике. Заправляю кофемашину, устанавливаю режим.

Присев в кресло, чувствую тяжесть в голове: «Наверно,

надышался свежим воздухом на участке. Буду мужественно бороться со сном».

– Здравствуйте и до свидания, – в приоткрытую дверь заглянула Ирина Владиленовна. «Контроль на высоте», – пронеслось в голове.

– Добрый вечер! – откланиваюсь.

– Я к вам завтра загляну..., – и только удаляющееся цоканье каблучков.

«Интересно, она вообще не переобувается? Или внизу меняет туфельки на более удобную обувь?», – уж не знаю, но вот так подумалось.

– К нам завтра наша «мегера» зайдёт.

– Зачем?

– Не сказала. Варлаам Иосифович, а у вас во время работы в милиции были интересные случаи? – начальник занимает своё место.

– Скорее каждый раз «День сурка» – одно и то же. Заявления, объяснения, протоколы, дежурства...

– А погони, бандиты, перестрелки?

– Так бывает только в кино. Служба – это рутина. Много документов. Обходы дворов, контроль лиц, имеющих склонности к пьянству. То приходится мирить поссорившихся, то успокаиваешь подравшихся. И так по пяти деревням на моём участке. Хорошо, УАЗ начальство выделило. Мы его с мужиками в совхозном гараже обновили, зверь, а не техника.

– Скучно!

– Согласен! Хотя... вот вспомнилось. Про Ангела рассказать?

– Не понял?!

– Предупреждаю сразу – я не герой, как все, простой. И никому. Я не люблю о службе, но нам куда спешить? – улыбаюсь парню.

– Обещаю! – рука Егора закрывает невидимый замок на губах. – Могила!

– Дело летом было. Приехал в районный отдел на совещание. Майор раз в неделю собирал нас, разбор полётов учинял и показатели требовал с вечным: «У кого нет результата, пишет рапорт и в народное хозяйство». Однажды так достал, мы с коллегами возьми и положили ему на стол заявления об увольнении. Он за нами неделю бегал: «Погорячился! С кем не бывает!».

– Весёлый командир, – смеётся напарник.

– И вот идёт совещание. Звонок по внутреннему аппарату. Берёт наш начальник трубку, а ему дежурный, мол, на краю крыши пятиэтажного многоквартирного дома человек сидит, явно самоубийца. Не знаю, как так вышло, но на адресе я первый оказался. Взял папку, стекляшку с «Лимонадом». Выйдя из кабины, оценил обстановку и вошёл в подъезд.

– Народу, наверное, много было. У нас посмотреть на такое любят.

– Люди были, но не много. Ребята из ППС меня попривет-

ствовали и дальше территорию охраняют. Пока поднимался на крышу, прихватил газетку из почтового ящика, слышал, как подъехали машины с сиренами. Настроение после «встряски» на летучке было отличное. Выхожу на поверхность. Солнышко, ветерок, птички поют. Нашёл взглядом сидельца. Ты будешь кофе? А то в горле пересохло...

– Давайте!

Мы с инженером наливаем себе по кружке «Капучино». Отпиваю чуточку и продолжаю.

– Бедолага, на краю, не шелохнётся. И даже на мои шаги не прореагировал. Я в метре от него, расстелил прессу, присел. Пригубил напитка сладкого, бутылочку между нами поставил. Боковым зрением заметил, что мужик на меня повернулся.

– Ты кто?

– Ангел! – говорю спокойно, вполголоса, с неким безразличием.

– В форме мента?

– У нас сегодня карнавал, не успел переодеться..., – смотрю ему в глаза.

– А крылья где?

– Там, – я махнул в сторону выхода, – оставил. С ними так неудобно. Ни сесть, ни прилечь.

– Что здесь делаешь?

– Отправили к тебе! Срочно! Говорят, ты в Бога не веришь...

– Верю! В церковь хожу! Посты соблюдаю!

– Тот, кто верит в Него, – я ткнул пальцем вверх, – тот не думает о суициде. Тот заботится о семье, жене, детях...

– Так...

– Знаю. Супруга пилит. Тёща достала. На работе проблемы...

– Откуда?

– У меня всё записано, – демонстративно раскрываю папку. – Вот, всё изложено синим по белому. Расстроился ты в своей жизни сильно.

– Если я прыгну, поймаешь меня?

– Безусловно! Только потом сопровожу твою душу к Вратам, а тело... Зачем оно тебе такое?

– Как?

– Нектарчику будешь? – протягиваю ему «Лимонад».

– Так это...

– Отхлебни!

Собеседник делает глоток, потом присасывается и жадно выпивает половину.

– Правда отрезвляет сознание?

– Псих?

– Первый признак возвращения. Поздравляю.

Внизу пожарный расчёт разворачивает лестницу, постепенно устремляющуюся к нам. «Хорошо, никто ничего в мегафон не орёт», – пронеслось за секунду.

– Какой Ангел? Просто двинутый всей башкой.

– За такие слова тебя Всевышний покарает!

– Точно, идиот! – мужчина перекатывается через спину и встаёт на ноги. – Да пошли вы все! Отстаньте от меня! Зачем ко мне прислали этого ненормального?

Он быстрым шагом удаляется к лестнице, где его встречают бойцы «СОБР», скручивают и увлекают за собой.

– Варлаам Иосифович, ну вы даёте. А если бы он прыгнул, да ещё и за вас вцепился?

– Это всё уже сослагательное. В такие моменты про то не думаешь.

– Так он правда хотел прыгнуть?

– Как потом оказалось – Да! Сообщение его тёща сделала по «02». Кризис, мать перемать, у него был от дружбы с алкоголем. Спустя время я интересовался у коллеги по этому участку. Вылечили человека, церковь помогла, поддержала. Завязал с пьянством. Только порадоваться за него можно.

– А ваша жена про это знает?

– Ей про это знать неположенно. Меньше знает, крепче спит!

Алиса

Распускаю старые доски на мелкие бруски. Сейчас начнётся весна, и всё сгодится на огороде, то веточки подвязать, то растянуть, то подтянуть... одним словом, заблаговременно.

– Варлаам, как жив, здоров? – сосед через забор между участками.

– Привет, Павел! Нормально!

– Заходи в гости! Давно не виделись. Хоть пообщаться с хорошим человеком! – что-то новое, даже заинтриговал.

– Десять минут дай! Закончу да в порядок себя приведу.

– Шепнёшь, как подойдёшь! – вот глотка лужёная, его за пять домов во все стороны слышно.

Сделав последний проход циркулярки, отрубая электричество, сношу и укладываю полученные колышки под крышу сарая. Выметаю опилки, рассыпаю их на огороде.

– Соня, я у соседей! – кричу с веранды в хату.

– Зачем? – жена приоткрыла дверь.

– Позвал поговорить..., – пожимаю плечами.

– Ну и ну... Телефон возьми с собой. Мало ли кто позвонит или я наберу.

Подхожу к калитке и нажимаю на «шепоток». Раздаётся перезвон колоколов. Вот звоночек себе поставил, даже на дороге слышно.

– Проходи, я засов отодвинул, – Паша высунул голову.

В прихожей пожимаем руки. Сосед расцвёл.

– Мы так долго не встречались, уже забыл, как ты выглядишь.

– И не говори...

– Чем занимаешься? – увлекает меня в столовую, предлагает присесть. – Чай с травками будешь?

– Не откажусь. А Зоя где?

– Дома! – из соседней комнаты недовольный голос.

– Сидит, словно мышка... и не шелохнётся, – пытаюсь пошутить.

– Не отвлекай, она сериалы свои смотрит. С ними уже чужими стали. Видимся только на завтраке, обеде и ужине...

– Чего там жалуешься?

Я улыбаюсь. Накладываю в кружку сахар, размешиваю.

– Ну, ты где, как? Я, почитай, тебя с осени не встречал.

– Не выдумывай. Зимой здоровались, когда снег выгребали...

– Я думал, это в прошлый год было. Видишь, запоматовал.

– Всё у нас хорошо. Я работаю... говорил же тебе, на сырном заводе. Сонечка решила уходить со своей конторы. Будет самозанятость оформлять...

– Торговать, небось, будете? – Зоя стоит в проходе, уши греет. – А чем?

– Неугомонная баба, – Павел стукнул кулаком по столу. – Теперь ничего не узнаем, всё за Варлаама рассказала.

– Хм! – это было настолько высокомерно и с презрением, что я даже поперхнулся.

Хозяин привстал и похлопал меня по спине.

– Что ж ты так гостей привечаешь? – он с укором посмотрел в пустоту.

– Пойду я, наверное, – отодвигаю вкуснейший чай, на травах настоянный. Умеет мужик, знает, какие надо смешивать.

– Та плюнь! Ты же ко мне, а ни к ней.

– И то верно, – я рассмеялся.

– А меня родственники дальние одолели, словами не передать. Даже не знаю, что и делать... – горько так произнёс, а сам на меня косится.

– Отваживай!

– Так всё же близкие... – выпучил глаза.

– Терпи!

– Тебе легко рассуждать. Их тоже жалко, беженцы. Главное, понимаешь, я им помог через главу с расселением, трудоустройством, а им всё мало. Ещё чего-то ждут. Чего, думаешь, моя на нервах? Довели, окаянные. Придут с пустыми руками и заглядывают, чем погоститься. Откушают и хрен выгонишь, а тут и другие подходят...

– Подожди! Они сами что, не готовят?

– Экономят, сердешные. Всё им не хватит.

– Могу только посочувствовать...

– Мне твои эти жалости до этого места. Я тебя для чего позвал?

– Не знаю?!

– Чтобы что присоветовал.

У меня даже чесотка началась. Ноги домой запросились.

– Паш, так это твои дальние, а не мои. Я тоже им что мог отдал, когда у тебя тринадцать душ проживало.

– Хорошая душа, ну подумай.

Зоя прошла к нам за стол. Смотрит на мужа с прищуром.

– «Алиса», выключи звук.

– Чего? – я как-то и не сразу понял, кому она.

– Муж подарок сделал на юбилей совместной жизни, – не без кокетства сообщает хозяйка.

– Дорого?

– Пустяки. Девять шестьсот в рассрочку, сама железяка и обслуживание четыреста в месяц, – мужчина, как мне показалось, даже грудь выпятил колесом.

– Родне похвастались?

– А как же? – женщина чуть присмирела.

– Так вы для них миллиардеры. Вот они и зачастили, – улыбаюсь. – Раз сами не можете отгадать, настраивайте свой искусственный интеллект.

– Кого? – в один голос.

– «Алисочку»!

– Это как?

– Технически не знаю. Вам оператор скорее подскажет. В Ростелекоме приобретали?

– Да!

– Вот туда и обращайтесь. Робот всё выполнит в точности.

– Ну-ка, ну-ка... Это как, например?

– Пришли те или другие. Откушали. Зоя спокойно говорит: «Алиса, проводи гостей!», а та в ответ: «Проваливайте, приживалки нехорошие! И чтобы вашего духа больше в моей хате не было!»... и надо погромче...

Хозяева замерли. Ресничками хлопают. Потом переглянулись и давай ржать...

Вовка

Первый день весны. Утро начинаем с поездок по делам и магазинам. Сонечка договорилась с бывшими коллегами, которые выступили поставщиками ненужных изделий из джинсы, а также заглянули в «Секонд-хенд», где добродушная хозяйка обрадовалась. Можно сбыть хоть за какую копеечку подлежащее выбросу.

Материала набрали полный багажник. В ателье старая подруга жены отдала тканевые обрезки и полотна для внутренней отделки сумочек... остальное докупали.

Моя предпринимательница была довольна. Её настроение передалось мне. Воодушевление, подъём тонуса, и тут меня словно током ударило.

– Мать, у нас же сегодня начало марта...

– Знаю, – спокойно и без толики заинтересованности.

– Так надо мужиков поздравить.

– У «Магнита» притормози, я продукты докуплю, а ты звони.

Я набираю один номер за другим, поздравляя коллег с днём эксперта-криминалиста, создания СОБРа и борьбы с наркоманией и наркобизнесом. Ребята довольны, что их не забыли. Все с благодарностью отвечают на мои шутки и серьёзные слова, каждый приглашает в гости.

– Наговорился?

– Ага!

– Вижу! Даже глаза блестят. Что, в отдел?

– На две минутки. Сбегаю за коньяком и конфетами, за-
везём, и куда скажешь, моя дорогая.

– Много текста. Беги.

Едем домой в отличном настроении.

– Соня, я тут вспомнил. Помнишь, ты меня ругала за но-
вый костюм...

– Когда?

– Я тогда подменял начальника своего, и нас пригласили
в районную администрацию. Попросили быть не по форме.

– Это мы в тот раз бегали, тебе искали приличный наряд.
Приобрели троечку. Ты в ней такой стройненький был.

– Точно!

– Так ты же его испортил сразу, как вышел в люди...

– Я его потом много раз надевал.

– На работу, – Соня смотрит с укором.

– Я ж тогда за гвоздь зацепился не на стуле, а на оконной
раме.

– ?!

– Прости!

– Та-а-а-ак... И где тебя по окнам носило?

– Сейчас что-то вспомнилось. Это же как раз первого мар-
та было.

Легковушка ровно урчит двигателем. Я никуда не спешу,

тем более попали в пробку на мосту через Дон.

– Начинай уже, – супруга улыбается. – Что у тебя в тот раз было?

– Я вернулся с приёма у Главы, немножко задержался в кабинете. Сдавая ключи, дежурный мне говорит, показывая головой за стекло на фойе:

– Варлаам, у меня группа на выезде, а тут такое дело...

– Я уже закончил, – перебиваю капитана.

– Я бы сам, но нам... сам же на службе...

– Помощника отправь.

Посмотрел я на женщину. Ещё далеко до летнего тепла. Вечер, прохладно, а она в одном халате. Лицо заплаканное. Выхожу из дежурки.

– Здравствуйте! Что у вас?

– Вовка дома...

– Это хорошо! И что дальше?

– Понимаете, ему ещё и двух нет. Он один. Я вышла белье снять, дверь захлопнулась. Он там, – потерпевшая ткнулась мне в грудь и зарыдала...

– Где? – у меня в мозгах всё перевернулось: «Малыш может и газ включить, и спички взять, и таблетки, будь они неладные, и... Страшно подумать».

– Здесь, рядом, – она махнула.

– Поехали. Серёга, я позвоню, – кричу дежурному.

Подбегаем к машине, отдаю девушке куртку форменную.

– Накиньте и присаживайтесь.

Подъехали к пятиэтажке.

– Какой у вас этаж?

– Четвёртый.

– А окна, балкон, на какую сторону? Они открыты?

– Вон наши. Форточка на кухне... остальное закрыто.

– Фу-у-у-у, – выдыхаю. – Карапуз до неё не дотянется.

Поднялись на этаж. Мать позвала сынишку. Было слышно, как он лопочет с обратной стороны металлической двери и всхлипывает.

– А муж ваш...?

– Он в рейсе, дальнобойщик.

– Ключи запасные у кого?

– Нет, только у нас.

– Я сейчас.

Бегу в машину, достаю буксировочный трос и обратно: «Если искать, кто вскроет замок, а такие есть – время уйдёт. Звонить в пожарную часть – вопросы, согласования, разрешение вышестоящего и так далее, опять не быстро».

Забегаю на пятый, звоню в квартиру над той, где ребёнок, который уже громко плачет.

– Здравствуйте! Милиция! Супруг дома?

– Да!

Выходит мужчина лет сорока. Я показываю ему удостоверение.

– Я с вашей кухни к соседям спущусь?

– Пожалуйста! – он даже и не понял, как мне показалось,

что и зачем.

– Вас как по имени?

– Алексей.

Я пропускаю канат через петлю вокруг чугунной батареи. Сбрасываю пиджак.

– Лёша, подстрахуй, – и через их распахнутое окно спускаюсь к форточке, через которую попадаю в квартиру.

– Вовка, такой большой и плачешь, – малыш с любопытством наблюдает за мной. Открываю замок.

Пока счастливая мать обнимает и целует своё дитя, забираю со словами благодарности, трос у добровольных помощников, надеваю пиджак. Алексей жмёт мою кисть и что-то говорит вроде: «Я никогда не думал, что наша милиция так работает». Звоню от них с домашнего аппарата в отдел и докладываю дежурному, что всё в порядке.

– Хозяюшка! – заглядываю в квартиру. – До свидания!

– Подождите! Спасибо!

– Пустое! – поворачиваюсь и...

– Ой! У вас брюки...

Я пытаюсь понять, что с ними, заглядываю назад. Ничего не вижу. Это сегодня везде пластик, а раньше рамы деревянные – штапики, гвоздики, сколы на стёклах.

– Заходите. Я быстро всё исправлю.

Женщина вручает спортивные трико мужа. Я переодеваюсь и беседую с маленьким Вовкой, пока чинится одна из составляющих моего костюма.

Беру ребёнка на руки, и мы с ним ходим по комнате под «Бычка». Тут открывается дверь и входит молодой человек.

– Па! – радостно кричит мальчик. Я отпускаю его на пол, и он устремляется в объятия отца.

– Вы кто? – он явно начинает злиться.

– Карлсон!

– А где штаны с моторчиком?

– Пострадали при посадке!

– Поэтому ты в моих...?

– Спокойно! Я сотрудник милиции, – достаю удостоверение.

– Моя себе мента завела, пока я в дороге?

– Нет! Произошло...

В этот момент появилась хозяйка.

– Сашка вернулся, – она, пробегая к супругу, передаёт мне брюки.

С невероятной скоростью женщина рассказывает, что произошло. Александр вначале краснеет, потом бледнеет.

– Спасибо! Извините!

Я закрываюсь в ванной, меняю чужое на своё. Дырочки словно и не было.

– Ну, молодые родители, я поехал. Правда, домой пора. Жена с дочей уже заждались. Если у вас есть какие-то сомнения или вопросы, позвоните в отдел, – достаю блокнот, записываю номер дежурной части и передаю мужчине. – Попросите капитана Стерша, он всё пояснит. До свидания!

Заезжаем в своё село. Соня молчит, но улыбка не сходит с её лица.

– Варлаам, вот чувствую, где-то приврал, а понять не могу, в каком месте.

– Милая, как на духу.

Разговор

Кто бы мог подумать, что так прекрасно быть себе хозяйкой и не ходить на работу. Захотела, встала чуть позже. Есть желание, начала свои дела и в десять, и в одиннадцать, а можно и выходной устроить.

Варлаам у меня с руками золотыми. Вторую комнату мансарды подготовил под мой цех. Я даже не заметила, когда успел. Вроде всё время на глазах находится или перед компьютером сидит. Интересно, чем он сейчас занят? Поглядела в окошко со второго этажа... вон мой, милый. Снег ещё до конца не сошёл, а он стволы плодовых деревьев окрашивает.

Запел телефон.

– Да! Слушаю!

– Мама, переведи на видео.

– О! Сегодня не на работе?

– Мне отгул дали. Я в субботу задание заканчивала. Заказчику в понедельник демонстрировали готовый проект.

– Не утруждайся, я в ваших делах ничего не понимаю. Чего решила позвонить?

– Есть минут десять, хотела поболтать. Папа где?

– В огороде. Позвать?

– Не отвлекай. Бухтеть будет. Думала, он рядом.

– Сейчас переключу камеру. Вот видишь, какая теперь у

меня мастерская?

– Классно. Мамочка, так здорово.

– Отдельный стол раскройный, место для машинки сделал широкое, чтобы изделие своим весом не тянуло. Старую гладильную доску снял с чердака. Комод перетасил. У меня тут всё разложено.

– Как Василий?

– С отцом на улице. Сама знаешь, он что верёвочка, всегда за ним, – присаживаюсь.

– А я тут вспомнила Вовчика. Помнишь, нам твой двоюродный брат Юра подарил морскую свинку?

– Ксюш, у нас столько всякой живности перебывало...

– Он такой приколенький был, весь чёрный, а на головке белое пятнышко. Вы с папой по утрам всегда ругались, когда он пел на солнышко.

– Ну да. Только он долго не пробыл в нашем доме.

– Чуть больше года. Мы с Ваней его за хвостик приподнимали, он начинал петь. Вот живодёры были, – дочь смеётся.

– Мне потом на работе девочку для него отдали. Так сватали, а она оказалась старая. Но Вовчик её полюбил всем сердцем, – теперь смеёмся вдвоём. – Она покинула его через месяцев восемь, и он затосковал. Так было жалко. Петь перестал и всё тоскливо попискивал, пока сам не ушёл.

– А я всё не могу забыть, как мы ему попку поднимаем, а он поёт...

– Чего это тебя по домашним питомцам на воспоминания

потянуло.

– Не знаю. Ой, а Дашку, моего джунгарика...

– Помню!

– Она так весело носилась по клетке. Помню, папка ей и качельку, и колесо смастерил, а она пулей по кругу бегала.

– Тоже недолго прожила. Арчи посидел пять минут рядом и всё.

– Да, бедняжка... Мам, я про Ваню хотела спросить.

– Ничего не знаем. Только отца не дёргай с этим вопросом. Он только успокоился.

– Так я тебе же звоню.

– Я к слову.

Выглядываю в окошко. Варлаама уже нет в огороде, и все стволы стоят беленькие. Вот метеор.

– Папа закончил. Наверное, возле сарая чем-то занимается.

– Я про Ивана спросила.

– Вот как до отправки поговорили и всё. С ноября ни разу не звонил. Отец с его командиром по телефону общается. Всё у него хорошо, только не знаю, какому Богу молиться, что медкомиссия зарубила нашего главу семейства. Он уже всё купил, приготовил. Сумка до сих пор наготове. Ходит, молчит. О чём думает?

– А ты что?

– Не поднимаю эту тему.

– А если уйдёт?

– Это его решение, не капай мне на нервы. Он взрослый мужчина.

– Сашин папа тоже переживает. Говорит, куда ему с большим сердцем, да и возраст.

– Давай лучше про животных, – вытираю слезу, отвернувшись от экрана.

– Мам, я тебя расстроила? Прости... Ой, а как попугай, которого мне баба Глаша подарила в одиннадцатом классе? Кешка, которого мы отдали твоей племяннице.

– Буквально на выходных разговаривала с Машей. У него сейчас две невесты. Я тебе вышлю фото. Чуть ли не на половину детской комнаты Толик сделал клетку без крышки. Они свободно по квартире летают. Малыши в восторге. Возьми, позвони сестре двоюродной. Ты их на свадьбу пригласила?

– Да!

– Осталось две недели, там все соберёмся. Дед с бабкой каждый день что-нибудь уточняют... О! Папа домой зашёл.

– Сонечка, мы обедать будем? – Варлаам с порога.

– Конечно!

– Я готов!

– Ксения, Александру от нас привет! Пока! Звони!

Чёрный плащ

«Кто не работает, тот есть», – вспомнились слова героя из кинокомедии Леонида Гайдая «Операция «Ы» и другие приключения Шурика».

На улице такая прекрасная погода. Щурюсь на солнышко, а улыбка не сходит с лица от удовольствия.

– Варлаам Иосифович, мы на выходных с ребятами в кофе ходили, – начинает Егорка издалека.

– Молодцы! Тоже нужное дело! – подхватываю.

– За соседним столиком четверо вашего возраста мужиков отдыхало. Подвыпили славно и всякие байки травили. Так вот, один рассказывал про милиционера, который появлялся в ночи, словно «Чёрный плащ», и хватал бандитов на месте преступления. Те и пикнуть не успевали. Мы с парнями посмеялись над этими сказочниками.

– Так они, наверно, мультфильм вспоминали. Крутили на ТВ в девяностые...

– Нет! Я точно слышал, они несколько раз произнесли: «Мент это был».

– Прямо эпизод из фильма «ДМБ», помнишь, там про «Чёрного дембеля» страшилка была?

– Не смотрел такой...

Я встал с кресла, поприседал, покрутил поясницей. Тело

затекло. Тяжело на работе, когда ничего не делаешь.

– Да-а-а-а, обрастают небылицами скромные истории милицейских будней, – почесал затылок и присел.

– В смысле? Что это правда?

– Не совсем, но в нашем городе имел место такой случай... и только один раз, иных не было.

– Расскажите!

– Дело было зимой. Месяц, не помню, но снег лежал точно. Раньше практиковалось в лихие бандитские включать в состав оперативно-следственной группы участкового инспектора. Вот заступил я на такое дежурство. Днём выезжали несколько раз на квартирные кражи, хищения из транспорта, угоны, да всё больше сараи и погреба как раз моё направление. К вечеру привезли несколько пьяных. Одним словом, работа была. Можно круглые сутки без сна провести.

– А подмениться или напарник.

– Как у Шурика в кинокомедии?

– Какой?

– Ну, молодёжь... У Гайдая «Кавказская пленница», «Операция...».

– Вспомнил, – перебивает инженер. – Там ещё бабушка склад охраняла...

– Ага! А первый из трилогии «Напарник», где они на стройке...

– Ну да: «Надо, Вася!», – и смеётся прямо как подросток.

– Нет, я и эксперт-криминалист были по одному. Следо-

ватели и опера по двое. Но и у них работы выше крыши. Сiju в дежурной части, занимаюсь протоколами, формирую административные дела, оформляю рапорта.

В районе двух часов ночи начинается чехарда в эфире. Дежурный отправляет по адресу ППС. По сообщению соседей, в одной из квартир был праздник, потом драка. Мешают честным гражданам спать.

Буквально через десять минут ребята докладывают, что дверь металлическая, за ней был шум. Когда они начали стучать, звонить и кричать «Милиция», всё стихло, а снизу хриплый мужской голос: «Помогите! Они меня убьют! Спасите!». Им в подмогу направляют «ОМОН», «Скорую помощь».

Прибывшие сообщают, не могут проникнуть внутрь. Металл шестёрка преграда серьёзная. Просят подкинуть инструменты. Где такие взять? В то время, наверно, только на СТО, и то под вопросом.

– Петь, я проеду, надо глянуть, – вставая из-за стола, дошёл помощнику дежурного. Тот только пожал плечами. – Я на связи!

Завёл своего «Коня» и поехал. У подъезда машины с мигалками. В окнах почти везде свет горит, люди выглядывают. Поднялся на третий этаж. Сотрудники наши пытаются согнуть металл, чтобы потом чем-нибудь упереть и выдрать дверь.

– Как пострадавший? – спрашиваю у ППСников.

– Только хрипит и мычит.

– А компания что, шумела?

– Спрятались... как мыши, неслышно.

– Боятся... нехорошие люди..., – пошёл к машине.

Вспомнил маленького Вовку, взял буксировочный трос и обратно. Прохожу мимо наших сотрудников и врачей на четвёртый этаж, звоню соседям.

– Здравствуйте! Вашим балконом можно воспользоваться!

– Конечно! Уже так от этого шума устали. Что там?

– Сейчас посмотрим!

Хозяин в добровольные помощники записался. Привязываю канат к батарее, снимаю куртку, шапку, берусь за конец и прыгаю в темноту. Ногой выбил стекло, оттолкнулся от рамы и запрыгнул на площадку нужной квартиры.

И здесь закрыто, но с этим препятствием проще. Рядом на верёвке висели вещи. Что-то снял, намотал на кисть и...

Вхожу в комнату, а на меня парень с молотком бежит и замахивается. Я под него нырнул, чтобы через себя перекинуть, но он почему-то назад полетел. Ударился спиной о стену и осел. Мне на плечо рука товарища легла из «ОМОНа», который сверху за мной спустился по канату. Он пошёл к другим из «весёлой» компании, а я засовы открыл, дверь входную распахнул. Под ногами мужчина или юноша лежит, сразу не поймёшь, лицо в крови, голова разбита...

– «Казань» «десятому», – вызвал дежурку, доложил.

– «Десятый», забери группу...

Пока следователь с экспертом на месте работали, мы с опером поквартирку сделали.

– Варлаам, ты опять отличился? – начальник отдела на утреннем разводе смотрит с укором.

– Так точно! – подскакиваю с места.

– Да сиди, не ёрничай, – машет, а сам к шефу уголовного розыска. – Что там? Заявление от потерпевшего будет?

– Отказывается этот... нехороший человек писать на своих обидчиков. Боится, что потом с ним поквитаются.

– И чего так рисковал? – поворачивается ко мне. – Спасибо, конечно...

– Готовь дырочку на очередную звёздочку, – смеётся следователь.

– С закруткой на спине, – добавляет полковник. – Стёкла разбились, в жилище ворвались, а если они встречное в прокуратуру?

– Так у нас, Василий Иванович, весь материал собран на твёрдую «пятёрку», – босс следственного отдела докладывает. – В материалах и фототаблица имеется, эксперт постарался, и справка со «Скорой», и из стационара, поквартирный обход, объяснения и заявления с трёх подъездов.

– Значит, медаль, – продолжает шутить Александр.

– Варлаам, как у тебя командир на срочной говорил? – улыбается начальник.

– Если не наказали, значит, похвалили.

– Вот и довольствуйся пока тем, что есть!

Прокурорская проверка прошла быстро. Нас никого не вызывали для дачи объяснений, всё было в первичных материалах. А меня с тех пор и надолго прозвали «Чёрный плащ».

– Так это вы? – Егор выпучил глаза.

– Без лишней скромности – Да! Только...

– Могила!

Бывает и такое...

Сегодня праздник у девчат,
А мы с Егором на работе.

Настроение просто замечательное. На заводе никого, кроме дежурной смены. Офис закрыт. Ответственное лицо от руководства на телефоне.

Правда, вечер вчера прошёл немножко нервно, но это всё мелочи. Звонки, вопросы. Головной офис запрашивал исходные данные, контрольные показатели.

Ночь прошла в штатном режиме. Утром принимали сырьё. Лаборант провёл анализ, и начались новые замесы, процедуры – процесс приготовления сыра. Рутинная, одним словом.

– Варлаам Иосифович, расскажите про бывшую работу, – начальник смотрит с улыбкой. – Я уже привык получать по одной истории в смену. Потом дома хожу, обдумываю. А вы не пробовали писать?

– Нет! – ухожу от этой темы.

– Я бы на вашем месте книгу издал и проценты получал, – мечтательно смотрит в высоту потолка.

«Кому что, а голому баня...», – посмеялся про себя.

– Даже об этом не думал, – наблюдаю за коллегой.

– Вам наверняка друзья рассказывали про свои интерес-

ные моменты службы?

– Мы их на каждом совместном сборище вспоминаем. Раз в год, летом, обязательно на берегу Дона отдыхаем. Что-то пенсионеры вспоминают, что-то молодые ребята проговаривают. Конечно, материала много. Может, на две или даже три книги, – смеюсь.

– Вот можно детективчик замутить не хуже Шерлока Холмса.

«Да-а-а-а, я бы посмотрел на тебя, как это получилось бы просто», – улыбаюсь.

– Ладно! Несколько коротеньких курьёзных историй. Вечернее время. Сообщение о квартирной краже. Жильцы обнаружили приоткрытую дверь у соседей по лестничной площадке. Дежурный попросил их не расходиться, в квартиру не заходить и никого не впускать.

Оперативно-следственная группа прибыла на место. Быстрый опрос свидетелей. Следователь даёт команду всем стоять. И предлагает первому войти эксперту-криминалисту, чтобы не затоптать возможные улики.

Специалист приладил к фотоаппарату вспышку. Оперативник ногой приоткрыл входную дверь. И... из темноты кто-то бежит. Эксперт, возьми и нажми кнопочку. Яркий свет ослепил вора, который всё это время находился в помещении. Раскрытие по горячим следам.

– Ого! Это реально?

– Да! Случай их практики. Но такое бывает один на мил-

лион.

– Не повезло злодею, – Егор даже руки потирает.

– А вот ещё из той темы про тайное хищение личного имущества. Группа приехала на место. Хозяйка в слезах. Дверь выломана. Приступили к осмотру. Все заняты своими профессиональными делами, а опер мучается, переминается: «Можно воспользоваться вашим санузелом?», – спрашивает шёпотом женщину. Она одобрительно кивнула.

Эксперт обследовал и зафиксировал следы взлома, прошёлся по открытым участкам пола, перешёл в комнату. Следователь ведёт протокол места происшествия.

И тут появляется оперативник. Прохаживается мимо всех. Лицо счастливое. «С облегчением! Давай по соседям пробегись, с бабушками у подъезда поговори!», – ворчит старший. «Зачем?» – хитро улыбается сотрудник: «Я уже раскрыл преступление! В дежурку отзвонился. Сейчас машина подойдёт, поеду брать жулика!»

Мужики на него смотрят и понять не могут, шутит или нет. Хозяйка перестала плакать. А парень вынимает из кармана куртки паспорт, поворачивается к женщине: «Вам такой... знаком?». «Нет!», – отвечает она ему.

Следователь не выдержал первым, как закричит: «Хватит цирк устраивать, говори толком!». Оказалось, в туалете на полу за унитазом лежал паспорт. Он прозвонился в адресное бюро, уточнил данные, оказался вор-рецидивист, специалист по кражам. Хозяйка ему на шею бросилась, потом убе-

жала на кухню и вручила герою коньяк в подарочной упаковке.

– И что, точно был тот вор?

– Ага! Главное, не успел взятое сбыть. Только денег чуть потратил на «праздник». Ребята его тогда тёпленького взяли.

– Варлаам Иосифович, но это звучит как небылицы. Даже не верится, что такое бывает.

– Бывает и смешнее, – подмигиваю напарнику. – Если начали за такой вид преступления, то и продолжим. Следственно-оперативная группа закончила работать на квартире в новом микрорайоне. Помещение большое, светлое. На улице ночь, а внутри иллюминация.

Эксперта перевезли на другое происшествие. Следователь девушка и опер в ожидании транспорта и побродили в поисках новых вещественных доказательств, и перечитали протокол, и пересмотрели показания свидетелей, строили версии.

Хозяева были в отъезде. Жилище не оставишь открытым. Парень нашёл экземпляр ключей в серванте, посмотрел, как закрыть и опечатать двери. Девушка предложила чай испить, ушла на кухню, а молодой человек решил вздремнуть и упал спиной на кровать: «Мэ!», раздалось снизу. Он аж подпрыгнул. Ещё раз прилёт, тот же звук. Ощупал, ничего под покрывалом и одеялом нет. Контрольный прыжок: «А-а-а-а!».

Приподнял уставший опер кровать, а под нею лежит чел в маске и перчатках. Вот и ещё одно раскрытие.

– Невероятно. Это же просто удача, – смеётся инженер.

– И не говори. О такой удаче многие сотрудники только мечтают!

Домашние питомцы

До конца смены нам оставалось чуть больше часа. В зале тишина, и только зуммер от аппаратуры да периодическое мигание лампочек на стенде и перескакивание строчек на мониторе компьютера.

Я посредством планшета сижу в Интернете, мой начальник в своём телефоне играет в какую-то ходилку, о чём подсказывает гуляние его тела в кресле и оживлённая мимика.

– Варлаам Иосифович, а у вас собака есть?

– Нет! – взгляд мой в экране.

– Вы же в своём доме живёте?

– Да!

«Интересно, в чём интрига?», – промелькнуло в мыслях.

– А будете заводить?

– Не знаю!

«Уже теплее! И...», – не понимаю, куда он клонит.

– У меня знакомый раздаёт щенков сенбернара...

«Выстрел!», – поднимаю голову.

– Мы его не прокормим. Ты хочешь, чтобы он и меня, и мою Сонечку съел? – улыбаюсь.

– Не-е-ет! Я вполне серьёзно. Они с родословной. Всё через клуб. А продать не может... решил раздаривать...

– Понятно! – опускаю взгляд, показывая, что мне это не

интересно.

И только «зу-у-у-узу-у-у» по всему пространству.

– О! – Егор аж подпрыгнул.

– Чего пугаете?

– Прости, не хотел. . . , – смеюсь. – Вспомнил одну историю с прошлой службы про домашних питомцев.

Напарник откладывает свой смартфон, переключая внимание на меня.

– Правда, сюжет не острый, такой простенький, однако. . .
Давай по кружечке кофе.

Наливаем напиток из кофемашины, присаживаемся.

– На дворе была ранняя весна. Снег почти везде сошёл. Я тогда дежурил в составе группы. Оформляю нарушителя общественной безопасности. Дежурный отвечает на звонок, быстро записывает сообщение в журнал.

– Оперативно-следственная группа на выезд, – произносит в микрофон внутреннего оповещения. – Варлаам, соберайся, квартиру вынесли.

– Сейчас с «товарищем» закончу! – поднимаю взгляд на нарушителя. – Или посидишь? Как раз осознаешь совершённый проступок?

Мужчина закачал головой в стороны и посмотрел на меня так, что я понял, он всё осознал и желает загладить свою вину перед соседками, которых «учил жизни» с элементами нецензурной брани.

– Варлаам, мы ждём в машине, – в дверях Саша, следова-

тель.

– Сейчас молодой человек распишется, и выхожу.

Нарушитель, не читая, проставляет подписи в местах с галочками, под диктовку прописывает фразу, что с протоколом согласен. Лицо расплывается в улыбке.

– Почему не прочитал?

– Я же знаю, вы честный мент... простите, участковый.

Лишнего не припишите.

– Бабе Зине скажешь, как извинишься, чтобы мне в дежурку отзвонилась. Лавочку прямо сегодня бабушкам подправишь у подъезда, а то молодёжь спинку сломала, а они...

– Ты скоро? – дежурный строит гримасу.

– Бегу! – хватаю папку, протокол кладу помощнику на стол, и пулей выскакиваю из отдела.

Перед пятиэтажкой народ толпится. Бурно что-то обсуждают. Группа идёт на этаж, а я остаюсь поговорить с жителями. Записав данные и, кто где проживает, поднимаюсь в квартиру. Эксперт-криминалист «воркует» над входной дверью.

– Отжали, – вроде мне, а может себе, говорит он. – Не наступи!

Мать честная, у порога на коврике лежит псина, то ли сен-бернар, то ли водолаз... но здоровая.

– Переступай смело! Хозяева сказали, он добрый, – улыбается Александр.

– А как воры вошли? Тоже переступили? – я просто в шо-

ке.

– Двигай, там всё поймёшь.

Мы на втором этаже «брежневки» с балконом. Переступил животину из прихожей, попадаю в зал и ничего не понимаю, куски какой-то шерсти кругом, словно шубу разрывали на кусочки, выдирая мех.

Перемещаюсь до выхода на балкон, поворачиваюсь и чуть не заорал в полный голос. С той стороны стеклянной двери на меня смотрит огромный кот с шевелюрой, как у льва. Но взгляд совершенно недобрый и по открывающейся пасти понимаю, что он выражает недовольство.

– Это наш Пушок, – ловит моё недоумение хозяйка. – Пострадал наш защитник. Напугали злодеи Лисичку, а котик и за неё заступился, и имущество сберёг.

Я посмотрел на неё, на коллег.

– Получается, это его шерсть везде?

– Да, – выдыхает хозяйин.

– А грабители?

– Даже не представляем, что кот с ними сделал, раз они через балкон выскакивали на улицу..., – женщина улыбается. – Соседка видела.

– А что героя в квартиру не пускаете? Ему положено сегодня пировать.

– Да мы его сейчас сами боимся, – смеётся мужчина.

Вот такая история, Егор. Собака впустила, а выйти через неё обратно злодеи не смогли, пришлось от милого Пушка

спасаться бегством через другую дверь.

– А их нашли?

– Дня через три опера их задержали. Кто-то где-то посмеялся о горе грабителях, которые дома сидят, раны зализывают. Эту информацию сорока на хвосте и доставила в уголовный розыск, а дальше дело техники.

– Так они же ничего не украли? – начальник с удивлением.

– Так проникновение же было...

Гуси и ружьё

После февральской капели в конце месяца и тёплых солнечных дней, март показал, что зима ещё не ушла далеко и выглядывает из-за угла. Два дня шёл снег, и температура упала до минус семи ночью.

Практически за три месяца мы с Егором сдружились и, несмотря на разницу в возрасте, стали настоящими напарниками, понимающими друг друга с полуслова.

– Итак, Варлаам Иосифович, я готов слушать очередную детективную историю, – улыбается молодость. – Я нам на смену прикупил конфет, рогаликов и... А вы любите халву?

– Я же сладкоежка, – смеюсь.

– С орешками, – парень показывает прямоугольник в ярко-жёлтой упаковке.

– Детектива я тебе не обещаю, но про свои случаи на вверенной территории поведаю.

Здание опустело. Я открыл настежь двери в операционный зал, включил проточную вентиляцию.

– Сейчас иной раз проезжаю по местам своей службы и печально становится. Небольшие деревни в пятнадцать, двадцать дворов совсем опустели. Кое-где осталось несколько стариков. Дома от времени покосились, кое-где крыши с дырами, где-то штакетник повален или разобран. Участки за-

росшие.

А раньше... Вот в одной такой деревеньке хозяин повадился на Севера работать, и со временем денежка завелась хорошая. Жильё их самое видное, выделяется отделкой и забором в металле. И к домашней птице, курам да уткам, гуси прибавились.

Речь про конец девяностых годов. Молодёжь старалась в городах задержаться. Совхоз уже развалился, люди земельные паи получили на бывших полях. Кто пропил, кто продал, а эта семья свой обрабатывает. Мужик ранее на тракторе работал, вот его в аренду у предпринимателя, что ферму организовал, попросил.

Понятное дело, соседей зависть поедает. Ох, много на них жалоб строчили, анонимки подбрасывали в почтовый ящик, а реагировать надо. Выезжал, разбирался, ответы давал. Что без обратных адресов и фамилий в отдельный ящик стола складывал.

Обратил внимание, много обращений по поводу гусей, мол, не дают проходу, нападают. В очередной раз приехал побеседовать.

– День добрый, хозяйюшка, – кричу через забор, заглядывая в щёлку. – Семён Петрович дома?

– Варлаам Иосифович, здравствуйте! Он в поле поехал, траву косит.

Впустила меня во двор. Примечаю, пернатые все на участке гуляют.

– Что, опять жалуются?

– Вера Сергеевна, народ сигнализирует, беспокоится, что ваша птица злее собаки. А кстати, никогда не видел у вас пса и будки нет.

– Был. Года два назад, как помер наш Туман. Сегодня вон гусак охраняет, кто чужой, да без спросу он всё стадо гонит. Мы их на улицу не выпускаем. Семён за птичником озеро им организовал.

За разговором подвела меня к тому месту, показала.

– А на меня почему не реагируют?

– Вы же со мной, – она искренне удивилась.

– Ну да..., – поддакиваю. – Порядок есть порядок, надо объяснение получить, схемку накидать... рапорт я уже у себя заполню. Давайте в беседке посидим.

Вечер. Солнышко на закате. Ласточки летают, песни поют. Где-то коровы мычат, наверно, пастух стадо ближе подвёл к деревне. Собака брешет у кого-то на окраине. Мне было бы сподручнее с Семёном Петровичем пообщаться, но раз так сложилось, беру пояснения с его жены.

И вот это спокойствие нарушает крик женский на дороге.

– Не ходи, говорю! Иди домой!

– Вон к ним участковый приехал, я с ним перетру за этих зажиточных...

Калитка распахивается, и только Николай Игоревич шаг, гуси, как по команде на него, с шипением расставив крылья. Мужчина пытается отбиться, да никак. Колька хорошо вы-

пивший, видно невооружённым взглядом.

Вера Сергеевна вскочила, побежала птицу умирять.

– А сейчас вам всем... я их... да..., – и убежал.

Я закончил с бумагами, собрал папку.

– Спасибо вам, – говорю хозяйке. – Если что, звоните. Не держите на людей зла...

– Вы бы не спешили. Что-то мне тревожно на душе.

– Вы про этого? – поворачиваюсь на дорогу: «Мать перемать! Коля с ружьём гигантскими шагами возвращается».

Вот я как был, так и застыл, прикрыв калитку. А этот нехороший человек остановился, поднял стволы.

– Отойди! Я с гусями посчитаюсь!

– Коля, не глупи, – завопила его супруга, держась за сердце и оседая на землю.

– Здравствуйте, Николай Игоревич! Как живы и здоровы? – стараюсь говорить спокойно, а внутри всё клокочет. Вертикалка своими глазницами в меня глядит.

– Дай я их... они меня...

Мужик прямо от злости побелел, трясётся. А я не то что отойти не хочу, убежал бы уже, да ноги словно чугуном налились, пристыли. Кто знает, заряжено или нет, взведены крючки или так, в походном положении.

– Коленька, а помнишь, как мы с тобой в прошлый год на рыбалку ходили? Ты мне места потаённые показывал, про...

– Чего мозг мне пудришь? А ну...

– Дурак, на жену посмотри. Ей помощь медицинская нуж-

на. Сейчас сознание потеряет.

На долю секунды «охотник» глянул на женщину. Мне бы перехватить оружие или табельное выхватить, а что-то ёкнуло, не стал судьбу искушать.

– Николай, за деток подумай... Порешишь птицу, а тебя за порчу личного имущества и под статью подведут... Оно тебе надо?

Народ собирается. Мужики кто с лопатой, кто с вилами. Так и до самоуправства недалеко. Я со «стрелком» разговариваю, чувствую, ноги отпустило, стал переминаться: «Только отвернётся, прыжок, стволы вверх, кулаком в морду, ногой по коленной чашечке...», – рассуждаю, значит.

И так за разговором смотрю взгляд собеседника проясняется, он озирается, ружьё повисло ремнём на его руке, и он передаёт «ствол» мне, а сам плакать начинает.

– Варлаам Иосифович, прости. Попутал меня кто... Я не со зла. Водка проклятая.

Забрал я его «пукалку» в салон УАЗа, самого сзади в отдельное перевозочное место закрыл.

– А почему не стреляли из пистолета? – Егор от волнения покраснел.

– Так человек. Как можно.

– А если бы он вас...

– Тьфу-тьфу-тьфу...

– Так что, отпустили?

– Нет! Я его на пикете в камеру на ночлег оформил. Утром

поговорили. Оружие оставил у себя, взяв с него слово, что он принесет от нарколога справку по кодировке. Слышал про пилораму в соседнем селе? Так это его. Бизнесмен. Мне работу предлагал... правда, сторожем...

Пирожки

Посмеялись мы с Егором над горе бизнесменом, который гордостью покрывлся от макушки до пят.

– Можно сказать, он вас принизил, предложив быть сторожем, – улыбается начальник. – Вот люди, им добро, а они обратно только гадости.

«Мне уже явно нравятся рассуждения молодого человека», – ловлю себя на такой мысли.

– И не говори. Мы все разные. Как разноцветный пластилин в коробке. Можно размять, смешать один с другим, а всё равно одинаковых нет.

– Это точно! Варлаам Иосифович, а у вас свои осведомители были?

– Вот так вопрос, – смеюсь, – помощники, конечно, имелись. Когда участкового уважают, то сами всё про всех жители приносят. Кто и случайно проговаривался. Однозначно и не скажешь.

Разговаривая, начинаем собирать свои сумки да готовиться к сдаче смены.

– В моём селе было несколько ребят из неполных семей. Раньше таких называли почему-то «трудными подростками». Мама не справлялись, мужского воспитания не было, вот пацаны и росли больно свободными и к учёбе ленивыми.

Осень. Пригнали на стан студентов для сбора картошки, свёклы, морковки. Мои шалопаи по вечерам то с ребятами драку учинят, то к девчонкам пристают. Наша школа тоже принимала участия в работе на полях. Специально разделили местных с городскими, но их словно магнитом тянуло друг к другу.

А тут население начало с жалобами приходить, мол, птица стала пропадать. У кого куры, у кого утки. Вроде и немного для частного подворья: одна, две, а своё, своими руками выращенное.

Иду вечером, а мои хлопчики на лавочке у магазина восседают, что-то бурно обсуждают.

– Здравствуйте, ребята! – подхожу к ним.

– Дядя Варлаам, здравствуйте, – видал племянничков заимел каких.

– Парни, что же вам никак не живётся, чтобы на вас не жаловались?

– Мы ничего не делали...

– А мне на кого прикажете думать про птицу, что у людей пропадает?

– Это не мы. Нам чужого не надо, – важно так Борис, что на год других старше, отвечает. Его батя комбайнёром был. Два года назад на уборочной спустился он со своей кабины, прилёг у техники, а водитель КАМАЗа его не увидел. Вот и случилась трагедия. Колёсами переехал его грузовик. До больницы успели довезти, да не спасли.

– Вы меня просили с Василием Ивановичем договориться, чтобы он вас в футбольную секцию записал?

– Да! – хором.

– Так я слово сдержал, а вы меня подводите. Правда, тренер условие поставил жёсткое, – смотрю в их серьёзные глаза. – Если будут тройки в дневниках, на поле во время игры не выпустит.

– Опять эта учёба, – махнул младшенький Петька.

– Так ты, дорогой мой, сам рассуди. Мяч гонять умеешь, финты крутишь, а знания отстают. Вот поедете на чемпионат в Англию, например, а у тебя язык на нуле, и как ты там будешь общаться?

Пацаны переглядываются, головы чешут.

– Дядя Варлаам, мы будем стараться, но куры и утки не наша работа. Кто-то чужой, как пить дать.

– Верю! Но..., – погрозил им пальцем. – Если за вами грешок, не обессудьте.

– Нет-нет, не мы.

«Вот я вас и зацепил, – размышляю. – Если вы, значит, всё прекратится, если нет... там и версии другие буду строить».

Спустя три дня на одном участке сарай вскрыли. Из погреба заготовки взяли. Такого безобразия на практике в своём селе не припомню. Однозначно «гастролёры». Дом крайний, ближе к лесу. Почему-то подумал – бичи, которые в это время года стремятся ягоду да грибов собрать. Нет, не для себя, на продажу. Продали и за пузырьём.

Приехала с райотдела группа, работают. Я следователю собранные материалы передал и жду, может, какие указания поступят.

– Орлы, вы куда? Здесь нельзя! – водитель с дежурной машины моих мальчишек останавливает.

– Дядя Варлаам, выйди на минуточку!

– Чего вы здесь?

– Мы нашли, кто птицу таскает...

Прикладываю палец к губам. Отходим в сторону.

– Он на стане со студентами. Его «музыкантом» называют. Высокий такой, худой. Он в магазине купил пакет пирожков и за двory. Нам интересно, мы за ним, – Борька аж захлёбывается под впечатлением. – Прилег он у забора и кур подзывает, пирожок отламывает и кидает через штакетник. Курица подошла, хватить и в мешок. И так прошелся сзади участков, где сумел, там и поймал. Он на стан вернулся, мы его проводили.

– Молодцы! Спасибо. Теперь по домам...

– Дядя Варлаам, а здесь два мужика грязных были. Они с мешками в лес шли, я их видел, когда к бабушке ходил, – Петька, потирая нос, выпалил, как между прочим.

Тех, кого мальчишка видел, мы не нашли, а схрон с продуктами – да. С водителем и оперативником всё доставили хозяевам. Они на радости и заявление не писали.

Рассказал я следователю про птицу и что у меня несколько обращений, поехали к студентам. На площадке перед ба-

раком молодёжь отдыхает после трудового дня. Преподаватели рядом. Везде порядок. Наших, местных, никого.

Поинтересовались про «музыканта», сказали, уехал на вечернем автобусе в райцентр. У него там тётка живёт, отправился на завтра в гости побыть. Взрослые обеспокоенность выразили. Мы им пояснили – мог парень оказаться случайным свидетелем по краже, когда в село ходил. Успокоились.

Поразмыслив, договорились с сотрудником уголовного розыска встретиться утром на центральном рынке. Там и арестовали горе предпринимателя, который продавал с родственницей тушки кур и уток. Факт кражи на лицо. Возбудили дело.

– Варлаам Иосифович, а ваши помощники? – мы с Егором вышли на улицу, идём на стоянку к своим машинам.

– Купил им торт, устроил чаепитие в пикете, куда пригласил Василия Ивановича. Он всех записал в секцию. Спустя время один из его воспитанников попал в сборную области.

– Только один?

– Из той компании, да. Боря окончил школу, отслужил в армии, служит в полиции. А Петька на врача выучился, то ли хирург, то ли травматолог. Короче, есть что вспомнить. До свидания!

– До следующей смены!

Табор

Сегодня, в преддверие торжественного события – свадьбы любимой дочери, племянницы, внучки, вся родня словно с ума посходила. Звонки, посещения, беготня...

Хорошо, у нас всё давно готово, расписано. Мы с Сонечкой забираем бабушку с дедушкой и вечером в город к Галине с Владимиром. Туда на утро уже пригласили специалистов, что женщинам причёски сделают, ногти поправят. Даже договорились за мальчиков, в смысле височки подравнять и чёлочки.

Наши Ксюша с Сашей заезжают в отель для молодожёнов. Там у них все приготовления, наряды, макияж, фотосессия.

Сваты, понятно, на месте. Принимают родственников со своей стороны. Для других сняли квартиры на двое, кому на трое суток. Большая часть приглашённых соберётся у ЗАГСа, а уже оттуда молодёжь на лимузинах по городу, а «старички» автобусом до банкетного зала репетировать программу с тамадой.

Одним словом, чего воду мутить, когда всё под контролем ответственных мам и пап брачующихся.

Чтобы не слушать «охи» да «ахи» телефонных разговоров супруги, идём с Василием во двор. Надо масло проверить, скаты пощупать, как-то отвлечься и успокоиться.

– Вася, тебе что привести со свадебного стола?

– Мя?! – словно удивляется друг.

– Нет, ты с нами не поедешь. Я тебе потом фотографии, может, видео покажу.

– Ма-а-у-у-уйй!

– А куда тебя? Ты со шлеечкой и поводком не ходишь, в переноске не сидишь, а если потеряешься?

– Мыр-р-рауя-я-яу! – трётся об мои ноги.

– Вот и договорились!

– Вкусняшку для тебя сам выберу. Тебе чего рыбного или...

– Мя! – кот присел и облизнулся.

– Хорошо! На моё усмотрение.

– Сосед, привет! Ты с кем это речи ведёшь? – над забором нависла голова Сергея.

– Стихи повторяю, чтобы не опозориться, – выхожу на улицу, жмём кисти, тренируюсь, кто кого пережмёт. – Мы с моей решили музыкальный номер показать перед напутственными словами и подарками.

– Молодцы! – мужчина отпускает мою руку.

– Мы с Леной у Дворца вас ждать будем. Поздравим и поедем обратно...

– Чего это? А за столом посидеть?

– Да тут такое дело, волнуюсь я..., – присаживаемся на лавочку.

– Темнишь что-то...

– Видел, у нас в крайний дом, что Соловьёв строил полгода, как цыгане въехали?

– Конечно! Люди оседлые, хорошие. Здороваются. Детвора в садик и школу пристроена. Их много, но я... Подожди! Это о чём?

– Соседи с той стороны говорили, что их молодёжь по участкам шарилась.

– Поверил сплетням? – мне смешно.

– А ещё ходят и к машинам, что на улице народ оставляет, присматриваются.

– Серёжа, у тебя случайно не мания преследования, – прикладываю ладошку тыльной стороной к его лбу.

– Варлаам, тебе всё шутки, а я переживаю. Вот уедем с женой, приедем, дома что-то пропало...

– Так ты поэтому свою «Волгу» зимой во двор загонял и в гараж ставил под замок? А я то подумал, наверно, аккумулятор слабенький, на морозе садится... Да-а-а-а... То есть мы уезжаем и ничего... Лучше отмазку не придумал?

Я даже обиделся: «Вот значит, товарищ и друг не хочет в мероприятии торжественном поучаствовать. Мы его дочь три дня обмывали, он меня везде за собой, как трезвого водителя таскал, а теперь в кусты?». Посмотрел я на него оценивающе, встал, махнул и в калитку направился.

– Чего обиделся? Я их с детства боюсь...

– Так, всё-таки маничка..., – я даже выдохнул. – А давай я тебя успокою. Нет, конечно, если вы не останетесь, ваше

дело. Заодно и за нашим домом присмотрите...

– И Васю покормим, – подхватил улыбающийся сосед.

– По рукам!

– Обожди! Ты же хотел мне что-то рассказать?!

Почесал я себе за ухом, чихнул душевно, глянув на солнышко.

– Мне дядька мой рассказывал, что в Крыму жил, такие вот то ли сказки, то ли байки... Цыгане народ своеобразный, но неплохой. Песни у них хорошие, коней всегда любили, даже сейчас на железных засматриваются. Мужчины все серьёзные, гордые. Женщины статные, красивые.

Не без греха, как и всё человечество. Есть нечистые на руку, есть на язык. Так вот. Дядька мой в оккупацию под немцами жил в деревне, а как Советская Армия освободила полуостров, переехал с мамкой, братьями и сестрами в село, где начали восстанавливать совхоз. На прежнем месте голодуха, а тут... Ему тогда лет десять было. В то время уже взрослый мужик! Пристроили его в МТС, трудодни считали, кое-какая копейка перепадала. Отец из партизанского отряда в армию записался... Так и сгинул где-то под Будапештом.

– Ты мне решил историю Отечества пересказать? – Сергей от нетерпения коленки зачесал.

– Я тебе про те годы, чтобы проникся в суть произошедшего. Ближе к осени на холме у села табор остановился. Мужики и бабы с рассвета до заката на работах, а детишки одни. Стали их закрывать в хатах. Боялись, что украдут цыга-

не. Во времена были.

– Так я их поэтому и стал бояться. Малым был, когда тетки в разноцветных юбках у нас по деревне ходили. К нам во двор зашли, батя на них с граблями прогонять. И как вкопанный встал. Мать выскочила тоже в крик, а тётка с ней говорит, провела по воздуху рукой, и матушка, словно изваяние, застыла. Они меня с собой и увели. Правда, недалеко. Соседи отбили.

– Да-а-а-а, сочувствую. А я тебя повеселить хотел.

– Продолжай. Слушаю.

– Люди с табора приходили в село. Где у кого что-то и пропало, но так – мелочи. Однако дальше разговоров не пошло. Может, приврали, а вот концерты с песнями под гитары и танцами устраивали. И народ к ним по привычке. Кто-то из цыган даже на работы полевые пошёл, кто-то в садах трудился. Да и концерты стали платными. Селяне приносили в благодарность продукты.

Лошади тогда на вес золота. Колхозники посетовали в разговоре с ромалэ на эту проблему, а те, мол, у нас есть прекрасный конь, правда он кроме брочки ничего не таскал, отдадим за зерно. Сговорились. Мужики прикинули, к двум, что есть третья, это уже приличное подспорье, зерном скинут, да и председатель чем поможет.

Через несколько дней табор переместился за холм, а после обеда, выходной был, устроили цыгане концерт. Когда начали расходиться, выскакивает мальчонка и кричит: «Я могу

сказать, что будет через двадцать лет!». Народу интересно, а пацанчик: «Сбрасывайтесь копеечками и всё вам поведаю как на духу!».

Девочка, видно его подружка, пробежалась со шляпой и упорхнула. Взрослых из табора уже не было. Как дядька потом смеялся: А этот стервец отошёл чуть дальше и портки до колен опустил, смотрите, говорит, мой крючок и не видать, а через двадцать лет вот таким будет, и развёл руки в стороны. Натянул штанишки и дёру».

Селяне пришли в себя, хотели на разбор идти, тут коня ведут. Высокий, красивый, искрится в лучах заходящего солнца и пританцовывает, гарцует. Грива и хвост жгучая смоль. Колхозники окружили, трогают, хлопают, причмокивают. А конь старается, копытом землю бьёт. Правда, в зубы посмотрели и засомневались. Там должен быть старый, однако щеголяет ровными боками – молодость на лицо. А ромалэ, поясняют, у немца отбили, когда те драпали, питание было в таборе скудное, вот и вид челюсти такой неприглядный.

Что поделаешь, лошадь в хозяйстве нужна. Хлопнули по рукам, сделка состоялась. Отдали зерно в обещанном количестве. Мужчины помоложе взвалили их на плечи и быстро в сторону своих кибиток ушли. Двое в возрасте ещё побыли, поднесённые чарочки самогона опрокинули и были таковы.

– И всё? – сосед привстал.

– Всё наступило утром. Зашли в конюшню, вместо красавца доходяга худющая. Грива и хвост нарощенными ока-

зались из женских волос. Сам коняка был покрашен, но так, что и не понять сразу. Копыта также выкрашены. А рот и зубы своими оказались.

– Так он же гарцевал? – Серёга прищуривается. – Что-то твой дядька не договорил тебе.

– Не поверишь. Через несколько лет он у других цыган выпытал, в чём дело, когда этой историей поделился. Они, оказалось, вставляли шланг в... сам понимаешь куда, и всем табором надували животное, а потом забивали кукурузным початком отверстие. Видно, в ночь «пробка» выскочила и «шарик» сдулся, – смеёмся уже вместе с другом.

– Варлаам, вот за что я тебя уважаю, умешь поднять настроение и так рассказать можешь, что правду от байки не отличишь! Пойду жене на уши «присяду».

Старики-разбойники

Примчались из города. Вася встретил добрым танцем и плутанием в ногах. Я собрался, переоделся и, выбегая через веранду, застыл в изумлении. Наш любимчик сидел на столе, подняв левую переднюю лапу, как бы спрашивая: «А где вкусняшка?».

– Маленький! Мы не забыли про тебя! Соня, покорми котика!

– Мяу! – одобрительно произнёс питомец.

Я умчался на работу. Всё бегом, каждому надо уделить внимание. Что за жизнь?

– Добрый вечер! Егор, привет! – вхожу в зал.

Старая смена готовит журналы к передаче. Головами покивали и продолжают свои дела.

– Варлаам Иосифович, здравствуйте! А вы бодрячком, – пожимаем ладошки.

– Что со мной будет? Я же крепче натуральных соков, ничем не балуюсь.

Переодеваемся, распаковываем сумки, заполняем холодильник и шкафчик продуктами.

– Я думал, вы поменяетесь на сегодня.

– Была такая мысль, но... как я без тебя, – улыбаюсь. – Прикипел уже.

Так, с шутками-прибаутками принимаем дежурство. Начальник документацию листает, я со своим сменщиком прошлись по цехам, сверили показания.

– Спокойной вахты!

– И вам чудесных выходных!

Теперь я данные в электронном журнале просматриваю, инженер изучает стенд.

– Рассказывайте, как свадьба прошла, – Егор занимает своё место.

– Отлично! Больше переживали. Однако и поделиться нечем. Всё как у всех: фотосессия, ЗАГС, фото, видео, встреча молодых, банкетный стол и танцы. Торжественно, но суета. С тамадой повезло. Молодец женщина. Сразу видно, опытная и раскрепощённая. Народ сплотила, разогрела. Потом развлечения всякие.

– А у вас её контакты остались?

– Да!

– Сбросьте или дайте, я запишу. Может, пригодятся, чтобы потом не искать. Долго гуляли?

– В третьем часу утра разошлись. Выпившие, весёлые. Всё в рамках приличия.

– Желаю вашим дочери и зятю семейного счастья и благополучия!

– Спасибо!

– Кофе крепкое и новая история? – напарник лукаво подвигнул.

По отработанной схеме наполнили кружки, каждый взял по жмене конфет, устраиваемся поудобнее.

– Вспомнил вчера один случай из своей практики. Не думаю, что интересный, однако...

Дежурный срочно собирает следственно-оперативную группу. Перед нами ушли две машины ППС.

– Опера «Макарычей», возьмите, там вооружённое нападение на квартиру, есть пострадавшие.

Во второй половине девяностых грабежами и разбоями промышляли многие криминальные ребята. Обходилось без жертв и ранений, а тут.

Прибыли на место. Последний этаж многоквартирного дома. В помещении два мужчины в почтенном возрасте, может, семьдесят, возможно и старше, молодая женщина. На полу большой комнаты человек связанный, в шапочке, натянутой до подбородка.

Ребята из ППС улыбаются и между собой хозяина нахваляют, мол, вот даёт старый, положил злодея. Нападавшего поручили одному из патрулей отвезти в отдел, чтобы не смущал своим присутствием. Лишних выставили с жилой площади. Задаём предварительные вопросы, и от ответов волосы на голове дыбом.

Пришла в гости к бабушке внучка. Стряпала на кухне. Друг навестил с бутылочкой. Они в этот день встречались последние годы, поминали товарища своего. Выпили по чуть-чуть, закусили и сели играть в шахматы, вспоминая бы-

лую молодость и обмениваясь новостями.

Звонок в дверь. Внучка открыла и вскрикнула. Хозяин запустил руку под подушку на кресле, извлёк газовый пистолет и в прихожую вознамерился. Только и успел встать и повернуться, влетает некто в маске и замахивается палкой. Дед ему в лицо выстрелил и к девушке. Второй грабитель в секунду оценил обстановку и бежать. Мужчина ему вслед пару раз пальнул. Когда рассказывал, переживал, что не травмат.

Пока он на лестничной площадке, квартиру защищал, его друг первого злодея пепельницей оглушил и верёвкой, взятой с балкона, связал по рукам и ногам.

– Весело у вас было на службе, – восхищается действиями пожилых людей Егор.

– Да чего уж тут говорить. Мы предположили, что мужчины бывшие военные или сотрудники, наши коллеги. Оказалось, строители – рабочий класс.

– Наверно, детективы читали и смотрели...

– Вот чего не знаю, того сказать не могу. Помогли они нам хорошо. Через задержанного уголовный розыск несколько человек арестовал. Пошли раскрытия так называемых «висяков». Эпизодом пять точно подняли. И кличку нашим дедушкам опера дали – «старики-разбойники».

Топор

Несмотря на воскресный день, смена из категории «ужасная». То одна проблема, то другая, но мы, сплотившись всем коллективом, трудности преодолели. За час до сдачи вахты сидим с Егором на своих местах.

– А может, на закуску традиционную историю? – вопрошает молодость.

– Пожалуйста! Буду собирать свои пожитки и...

– Отлично!

– На каждой территории того или иного участкового есть свои «герои». Кто-то отсидел срок и болтается, не определившись на дальнейшую жизнь. Кто-то злоупотребляет алкоголем. Неполные семьи, прошедшие лечение наркоманы и больные психиатрическими заболеваниями. Такие категории подлежат периодическому обследованию, то есть проверке.

В одном селе вырос парень, окончил школу. Тихий, скромный. Но вот не шла у него учёба. Родители не определили его после девятого класса в училище, настояли, и он пошёл грызть науку до одиннадцатого. Кое-как сдал выпускные экзамены.

Через военкомат определили мальчишку в ДОСААФ постигать водительское искусство. И нашёлся в нём талант к

ремонту техники. До убытия на срочную службу приняли Игорька в гараж слесарем.

Отслужив положенный срок, вернулся в родное село, а его никто не узнаёт. Высокий, спортивный, разговорчивый. Понятное дело, молодость своё требует, девчата на него засматриваются. Как-то быстро у них закрутилось с Тамарой. Хлоп! И свадьбу отгуляли. Жили они в доме жены с её мамой. У родителей Игоря, кроме него, ещё два брата и сестрёнка подрастали.

Муж на работу устроился в гараж. Вечерами там же занимался ремонтом частного транспорта. Заказов было много, с района люди приезжали. Слава о мастере «золотые руки» разнеслась по округе. Жена оканчивала местный сельскохозяйственный техникум. Туда же наш герой заявление написал. У него появилось жгучее желание к образованию.

Одним словом, всё у них ладком и гладко. А деток заводить не спешили. Решили, как дипломы получают, так сразу.

Да вот беда, народ стал примечать вечерами Игоря, чуть живого идущего с работы. Со временем скандалить начал, а дальше и Тамару гонять по улицам.

Пригласил я его к себе, поговорили. Он и сам не понимал, почему с «катушек» съезжает. Сетовал на усталость. Работа, левые заказы, да и по дому надо шевелиться, помогать жене и теще.

Тогда зима была. Я в пикете с документами возился после приёма граждан. Звонок! Обеспокоенные соседи сообщили,

Игорь пьяный, с топором жену гоняет. Та от него у подружек спряталась. «Вот нелёгкая!», – промелькнуло. Дежурному в отдел не звонил, подумал: «Сам разберусь!». Прихватил папку, бушлат с шапкой и в УАЗ запрыгнул.

Еду по селу, головой верчу по сторонам. Глядь, мне навстречу фигура шагает в джинсах, свитере... не по-зимнему, значит, одетая. Остановил машину, выхожу. Накинул одежду, я в моржи не записывался.

Человек в сумерках ближе подходит – наш герой!

– Игорь, привет!

– Здравствуйте! – напряжён сильно.

– А ты в лес, смотрю, собрался. За дровами, что ли?

– Почему?

– Так с топором?! Меня с таким бабушка, когда подростком был, за хворостом на разжижку посылала. Правда, ты как-то легко оделся, и верёвки при тебе нет.

– А зачем она мне?

– Вязанку сделать, чтобы удобно нести... Иди, у меня есть фуфайка старенькая, – парень оглянулся зачем-то и подошёл ближе. – Не стесняйся. Инструмент клади на заднее сидение.

Поможешь?

– Чем?

– Да вот не пойму, то ли карбюратор барахлит, то ли зажигание сместилось. Раньше двигатель заводился, только ключ тронул, а теперь чихает, кашляет...

– Поднимайте капот.

Уж не знаю, сколько по времени мы с ним на дороге так занимались. Он что-то покрутит, кричит: «Заводите!». Я специально заслонку открываю, утапливая рычажок, два три раза крутанул стартер и жалуясь, мол, ничего.

– Надо на яму в тепло загонять, – это он мне.

– Согласен! Заводимся и к тебе в гараж.

Охранник впустил нас на территорию уже в темноте, подъехали к воротам. Когда вышли из автомобиля, я его за грудки и к стенке под светом фонаря придавил. Точно не помню, как и что говорил, но матами сыпал громко и по-доброму. Не бил, не люблю я этого, да и человека ещё больше озлоблять не стоит.

Посидел с ним немножко в боксе, понаблюдал. Вроде протрезвел, адекватно начал рассуждать.

– Ну, друг, показывай свой склад со стеклом!

– У меня нет такого?! – он искренне удивился.

– Бар твой со спиртным где? – уточнил для непонятливых.

– А-а-а-а, вот он, – открывает металлический шкаф.

А там только каких изысков нет.

– Грузи в мой УАЗ всё под чистую, – парень аж икнул, но не спорил. – Завтра в семь ноль-ноль жду тебя у своего кабинета с паспортом.

– Зачем?

– Поедем в район!

– Томка заяву накатила? Да она сама стерва...

– Нет! И слушать тебя не хочу. А было за что? – собесед-

ник аж потерялся.

– Тогда куда?

– В больницу тебя свезу, сдам Дмитрию Ивановичу, наркологу. К директору гаража сейчас заеду, объясню. Пусть врач тебя в порядок приведёт, и, наверно, пора тебе становиться непьющим мужчиной.

Отвёз Игоря в родительский дом. Перекинулся с его ба-тей несколькими фразами, попросил к Томе сходить, чтобы успокоить по-отечески, документы сына взять и объяснить, куда муж её попадёт с утра.

Странно, конечно, почему родня не взяла его в оборот и не воспитала, да что после кулаками махать.

– Варлаам Иосифович, и чем это всё для него закончилось? – Егор собирает сумку.

– На «Восточном» СТО, знаешь? Так это его бизнес. Трёх деток с Тamarой воспитывают. Оба заочно получили высшее образование. Живут, не тужат.

– Так он ведь мог тогда за топор хорошо присесть на на-ры...

– Через тридцатую УПК до двенадцати лет, но про это история его жизни умолчала.

Одностороннее движение

Приятны весенние заботы и работы на приусадебном участке. Вроде бы и запаслись мы с осени разными химикатами и подкормками, да вот оказалось, то ли не всем, то ли в недостаточном количестве.

В нашем «сельпо» далеко не весь ассортимент, а более шустрые жители раскупили нужное до нашего прихода. И как мне не хотелось ехать в районный центр, пришлось. Тут ещё прочитал в Интернете, что двадцать четвёртое марта – самый неблагоприятный день в году. Однако женщинам что-то доказывать сложно.

Возможно под влиянием прочитанного, а может, от большого нежелания поездки веду себя за рулём спокойно, не комментирую езду всяких «олений». Соблюдаю скоростной режим, поглядывая на стрелку спидометра. Входя в крутой поворот с подъёмом, обнаружил радар на треноге с отдыхающим на противоположной обочине в легковушке добровольным общественником. Теперь моргаю дальним светом фар встречным автомобилям.

С погодой повезло. У нас плюс десять. Небо ясное. Сверху нас поприветствовали летящие в сторону севера два клина. Только вот не захотел отвлекаться, птицу не рассмотрел, а Сою просить не стал.

Город проехали весь, побывали во многих магазинах, большей частью в которые и не собирались, но что-то надо прикупить в хозяйство. Уже двигаясь обратно, жена попросила заехать в супер-пупер мега Торговый центр у железнодорожного вокзала. Повернули, припарковались. Успев забежать на центральный рынок, с пакетами и сумками вернулись через час к машине.

– Куда ещё?

– А почему таким недовольным тоном? – Сонечка прищурила глазки.

– Есть хочу.

– Пошли в кафе. Пиццу закажем, по кружечке кофе выпьем.

– Дома поем, – куда-то заспешил я.

– Хорошо! – согласилась супруга.

Выруливаем со стоянки. Слева «жигулёнок» ГИБДД, инспектора с мужчинами разговаривают, пальцами тычут в сторону, а я бдительность потерял, голод разум затмил. Включаю левый поворот и...

Сзади раздался свисток и окрик:

– Куда прёшь? Знак для кого висит? – к приоткрытому окну подбегает сотрудник, козыряет. – Вы что, не видите?

– Что?

– Стрелка белая на синем фоне – одностороннее движение...

– Где? Я тут всегда проезжаю...

– Вон!

Я покинул водительское место, осмотрелся. Точно! На новеньких столбиках блестящие краской квадратики и прямоугольники.

– Предъявите документы!

– Пожалуйста!

– Паркуйтесь и подойдите к патрульному автомобилю.

– Что случилось? – Соня строго смотрит в мои глаза.

– Против «шерсти» поехал, знаков здесь никогда не было, а вот... установили.

Убрал своё авто с проезда, подхожу к инспектору, а он с другим водителем спорит.

– Как бы я увидел, если фургон стоит? Весь обзор закрыл, да и установлен далеко...

– Но он есть? Это вы не будете отрицать.

– Это нет, а будка... надо и того шофёра привлечь...

– Здравствуйте! – приветствую стоящих в очереди. – Зачем голос повышать? Есть нарушение, значит, будем отвечать.

На меня не по-доброму посмотрело несколько пар глаз, и только одна, в фуражке полицейского, с удивлением.

– Вы не будете спорить?

– Зачем? Всё очевидно.

– Присаживайтесь в нашу машину спереди, – я так понимаю, меня пропустили вне очереди. Ситуация напряжённая, а мне даже приятно.

Занимаю пассажирское место, здороваюсь со вторым специалистом, передаю ему регистрационные документы и страховку. Инспектор прочитывает бегло:

– Что же вы так, Варлаам Иосифович, нарушаете...?! – то ли с сожалением вопрошает товарищ, то ли в воспитательных целях. Я даже плечами пожал.

– А может, предупреждением обойдёмся на первый раз? – не теряю надежды на лучшее.

– Вот если бы вы остановились тут, – парень показывает в некую условную точку, – тогда – да, а вы вон где... а ваш автомобиль где?

– Вон! – бесцеремонно указую пальчиком.

– А там уже часть вторая – штраф! – и он быстро перемещает шарик ручки по протоколу.

– Всегда предполагал, что мент мента видит издалека. Хотел ещё фуражку взять сегодня...

– Вы сотрудник? – старший лейтенант облакачивается на спинку.

– Бывший. На пенсии.

Пятнадцать минут мы с ним обмениваемся любезностями. Я рассказываю, где и кем служил. Он делится неприятной дорожной историей, что на днях произошла с его женой, которую подрезали, а потом какой-то хам требовал с неё материально загладить некую вину.

– Вика попросила этого недотёпу подождать, мол, сейчас мужу перезвоню, он привезёт денежку. Представляете, как

он удивился, когда я вручил ему протокол, а потом доставил в отдел с заявлением от супруги за оскорбления и вымогательство.

Посмеялись мы в дружеской обстановке.

– Ну что, я пошёл? – произношу с надеждой.

– Не получится. Я уже бланк почти весь заполнил и вторую часть поставил, – молодой человек почесал лоб, бросил планшет на колени и возмутился. – Вот почему, когда попадается порядочный, интеллигентный водитель, я должен его штрафовать, а всякую мерзость по указанию командира... Руслан! – крикнул он в окошко коллеге, – пробей машину и удостоверение.

Ещё несколько минут разговариваем в ожидании ответов дежурного ГИБДД.

– Всё в порядке! Чисто!

– Расписывайтесь! – беру ручку и чёркаю в местах с галочками.

– До свидания! – забираю документы, покидая салон.

– Варлаам Иосифович, приятно было с вами познакомиться, – старший лейтенант протягивает руку.

– Мне тоже, – пожимаем кисти.

Пока шёл к своему транспорту, столько в адрес добродушного офицера эпитетов накидал.

– Чего так долго?

– О жизни поговорили.

– А расстроился почему?

– Штраф пятьсот рублей выписали.

– Вот всё страшное и случилось на сегодня, – улыбается Сонечка. – Сам себе накаркал неприятности.

– Я вот о чём подумал. Может, ребята нас от более серьёзных последствий спасли. Ты в кафе предлагала, я заспешил, а они тормознули. Идём пиццу с капучино пожуём...

Пирог

Рано утром Сонечка уехала по своим бухгалтерским делам, а мы с Василием остались заниматься хозяйственными работами на приусадебном участке.

Всю неделю стояла прекрасная погода. Ночью слегка подмораживало, но днём солнышко припекало. Поэтому я решил освободить «закованные» кустарники и деревья в мешки, цель которых защищать растительность от зимних холодов и сохранить веточки. Нарастающий снежный сугроб мог их поломать.

– Вася, со мной на улицу пойдёшь?

– Мя! – бежит к калитке.

Раскрыли штамбовые шелковицы. Затем кусты выющихся роз, что перед забором в летний сезон создают живую изгородь.

– Вот зараза, – сетую, а кот наблюдает. – Мама расстроится. Такой большой вырос, а несколько веток погибли. Видишь, почернели...

– Майя-я-я-у! – подтверждает питомец.

Так мы с ним обошли нашу плантацию. Снятое укрытие почистили, свернули и по местам разложили. Старую листву, где оставалась, собрали и в яму компостную снесли... а день ещё толком и не начинался: «Куда себя деть?»

– О! Пирог будешь?

– Мя? – любимчик замер.

– Нет, не с мясом... с яблоками...

– Ма-а-ау-у-уайа-а!

– Это ты не вегетарианец? – смеюсь. – А кто в июле и августе огурцы с грядки лопал? А кто зимой сваренную свеклу ополовинил?

– Ма! – четвероногий молча переходит к своему наблюдательному пункту на лестнице под козырьком крыши сарая.

– Стыдно стало? Посиди, подумай, я в магазин!

Начало одиннадцатого. Солнышко яркое. Несмотря на редкие тучки, греет знатно. Тепло. Решил прогуляться без верхней одежды, а песенку напеваю зимнюю:

«Кто мне любовь мою принёс,

Наверно, добрый Дед Мороз».

По дороге ветерок гуляет. К мини-маркету прибыл, не испытывая особого кайфа: «Надо было не дурить. Шапка и куртка – костей не ломают!».

На кассе расставляю продукты. Впереди цыганка с сыном, лет тринадцати, может, чуть старше. Паренёк берёт с полочки напиток в маленькой бутылочке и прижимает к моим свёрткам.

– Мне чужого не надо, – обращаю на себя внимание, а самому интересно, что же этот «предприимчивый» будет делать.

Женщина быстро что-то говорит на родной речи, не по-

доброму зыркнув в мою сторону.

– Мужчина, не переживай. Он хотел сам заплатить.

Моему удивлению не было предела от такой наглости и находчивости. Цыганка поймала мой взгляд, и спесь её сникла. Она вновь на непонятном мне диалекте заговорила с мальчиком, который оценил меня с головы до ног и переставил свой товар за разделитель на ленте. «Неужели Сергей был прав?», – вспомнил наш разговор с соседом.

Хорошее настроение испорчено не было. Выйдя из помещения, я устремился домой. Обгоняющая меня иномарка притормозила. Сквозь опущенное стекло ко мне обратились:

– Друг, извини. Он ещё маленький. Вначале делает, потом думает, – проговорил водитель.

– И вам спасибо! – постарался улыбнуться.

– За что?

– За вашу вежливость.

– А-а-а-а! До свидания! – и кроссовер продолжил свой путь.

«Нет! Нормальные люди. Раз прощения попросили, совесть имеется!», – захожу в калитку.

Кот устремляется к веранде. Пропускаю его вперёд.

– Лапки! – Вася ложится на спину, вытягивая конечности вверх. После освобождения подушечек от грязи он располагается на подоконнике.

Супруга придет к двум, значит, я успею приготовить обед и порадовать любимую сладким.

Очень лёгкий суп готовится считанные минуты. Здесь всего два этапа: кипяток и замороженные овощи. Наливаю в кастрюльку воды и ставлю на газ.

А с пирогом придётся повозиться. По молодости, в начале девяностых годов, я их почти каждый день стряпал. Даже импровизировал, меняя начинку: яблоки, груши, абрикосы, мясной фарш, морковь.

На стол выставляю всё необходимое, беру две глубокие миски и, процесс спорится с душой. Руки помнят это кулинарное искусство. Разбиваю пару куриных яиц, высыпаю кружку сахара, щепотку соли и чуть меньше ванилина, доливаю стакан кефира. Размешиваю.

В отдельном блюде соединяю полкило муки с гашёной в уксусе содой и кладу сливочное масло. Всегда отрезал больше, чем рекомендовали в рецептах. Где-то около ста пятидесяти грамм. Разминаю до состояния крошки.

Теперь смешиваю содержимое двух емкостей. Очищенные от кожуры яблочки с выброшенными косточками нарезаю соломкой и выкладываю на дно стеклянной формы для выпечки, куда добавляю полученную ранее массу.

Включаю духовку на максимум. В это время закипела вода. Присаливаю её и вываливаю из пакета чуть подтаявшую овощную смесь, которую мы с Сонечкой готовим осенью. Убавляю огонь.

Регулятор температуры духового шкафа перевожу на сто семьдесят и отправляю на противень приготовленное яблоч-

ное тесто. У меня есть десять минут. Можно пообщаться с друзьями в Интернете.

– Варлаам, ты дома? А что у тебя кипит?

– Обед сварил, – вылетаю пулей в прихожую через кухню, где успеваю выключить конфорку, на которой варится первое.

– Мне кажется, или..., – жена принюхивается, – вроде запах супа, но с улавливаемым ароматом яблок. У нас фруктово-овощной рагу?

– Пирог, – принимаю у супруги сумки.

– А-а-а-а..., – протягивает Сонечка, смотрит на меня с улыбкой. – Он ещё в печи?

– Конечно! Прошло то всего, – оборачиваюсь на настенные часы и чувствую, как зашевелились волосы под мышками. – Бли-и-и-и-ин!

Отобедав, пью чай с моим творением.

– Вкусно! – у милой блеск в глазах.

– Я так старался, а он... Наверное, что-то сделал неправильно, раз не поднялся... Он должен был быть пышным.

– Открою тебе мини секретик, – спокойно говорит Соня. – Если бы я задержалась, то мы бы ели овощную кашу с яблочными сухариками.

Оказии

Представляете, какой стресс с пирогом, а мне вечером на смену. Конечно, я не переживаю, но что-то прямо неловко себя чувствую. Душа не на месте, а надо восстановиться.

– Соня, чем занимаешься? – поднялся в мастерскую.

– Вот, раскраиваю детали. Иди, видео покажу..., – она поворачивает экран смартфона в мою сторону. – Прелесть, правда?

Коллега жены увлечённо рассказывает про свой шедевр и демонстрирует изделие из джинсовых лоскутков.

– Как тебе? – супруга настойчиво ждёт ответа.

– Нормально..., – выдыхаю. – Авоська под продукты.

– Ты давление мерил? Всё в порядке?

– Да! – присаживаюсь рядом.

– И чего расстроился? Всё было вкусно. Это отличная женская сумка под хозяйственные нужды, а карманов сколько.

– Ага! – в голове некое просветление, улыбаюсь краешками губ.

– Что задумал?

– Ничего! Не отвлекайся.

Сонечка внимательно изучает мини фильм. А я заерзал в оживлении.

– Помнишь про ногти? – прищуриваюсь.

– Нет! – милая переводит просмотр на паузу.

– На протяжении длительного времени ты возвращалась от мастера с новым маникюром и всегда огорчалась, что я не замечаю красоты.

– Причёски тобою оцениваются мгновенно...

– Да! – я хихикнул. – И вот как-то переступаешь порог, а я так артистично прикладываю руку к голове и восклицаю: «Какая прелесть! А форма? Краска? Шедевр!», – подбегаю к тебе и чуть ли не с лупой разглядываю твои пальчики, расхваливаю.

– А-а-а-а, это тогда, когда я задержалась на работе и опоздала на маникюр..., – смеёмся вместе, настроение прямо гонит ртутный столбик вверх. – Решил вспомнить свои промахи? А у меня перед глазами посудомоечная машина...

– Какая?

– Неужели забыл или играешь?

– Правда!

– Сколько раз я просила тебя купить это чудо техники на кухню? А у тебя одна отговорка: «Я мою лучше!», – и на сколько хватило нашего героя?

– Год продержался! – отвечаю уверенно.

– До Новогодних каникул. Когда они закончились, повёз меня выбирать. На тех праздниках у нас вся родня и все соседи побывали. Я приглашала! – не без гордости заключила супруга.

И вновь мы смеёмся от тех незабываемых моментов радости и нашего семейного счастья.

В семнадцать двадцать выхожу на улицу, вооружённый торбой с пропитанием на сутки.

– Вася, я на вахту! Ты за старшего!

– Мяу! – это звучит резко, словно «Так точно!».

– Благодарю за службу! – сажусь в легковушку.

– Мя-мя-мя-мя-мя..., – на каждый шаг произносит бегущий кот.

«Если погода простоит такая ещё три дня, буду виноград открывать на выходных...», – выезжаю на дорогу и поддаю газку.

– Всем привет! – вхожу в зал.

– Иосифович, моё почтение, – сменщик протягивает кисть для рукопожатия. Затем здороваюсь с его начальником.

– Егор! – жму напарнику ладонь и смахивающим движением как бы стряхиваю пыль с его плеча.

– А настроение...

– Прекрасное, – не даю договорить молодости. Парень расплывается в улыбке.

Отработанная процедура по приёму-передаче проходит быстро, незаметно пустеют сумки, продукты расставлены на полочках холодильника и шкафа. Мы в своих креслах.

– И...

– Пожалуй, для затравки небольшая и совершенно непо-

хожая на правду история, – опережаю коллегу.

– Да! – ему явно нравится мой настрой.

– Уже не помню, то ли конец лета, то ли начало осени, сидел я у себя в пикете. Тут звонок от дежурного. У меня под носом в пятиэтажке квартиру выставили. Надо обеспечить сохранность места происшествия до приезда группы.

«Странно! Обычно народ ко мне первому идёт. Не принято на моей территории порядок нарушать!», – рассуждаю, покидая кабинет.

Оказалось, звонила на «02» приезжая женщина. «Не успел я с этими жильцами отработать. Мой косяк», – а сам провожу беглый опрос, кто что в какое время заметил.

Обращаю внимание, дверь приоткрыта, замок не нарушен, следов отжима нет. Ничего не трогаю, но так интересно. Интуиция часто подсказывает, а тут прямо настойчиво требует: «Зайди! Осмотри!».

– Варлаамушка, милый! Вот я на бумагу записала, какие автомобили сегодня стояли у подъезда нашего. Только чужие. Своих то мы знаем, – пожилая дама интеллигентного вида передаёт расчерченный на графы, исписанный тетрадный листочек в клеточку.

– Екатерина Степановна, я же просил...

– Ой! Тут такое горе людям. Прости, милок, не удержалась. Больше фамиллярничать не буду, – переставляю палочку, бабушка покинула площадку.

Только сделал шаг, чтобы войти в помещение:

– Дядя Варлаам, тут мужик крутился. Одет не по-нашенскому. Рубаха цветастая, бейсболка с флагом американским. Джинса – фирма и туфли... мы в таких не ходим... грязь сапогами месим...

– Спасибо! Не расходимся. Посидите на лавочке..., – а сам ногой дверь отодвинул в сторону и прошмыгнул внутрь.

Две комнаты, кухня, санузел, ванная. Ремонт явно хозяева сами делали: арки, галтели, пластиковые плинтуса, кафель. Как говорится, евроремонт на лицо.

Вещи в коробках, импортная аппаратура в упаковках. В зале кровать детская, в ней игрушки в пакетиках и картоне. И что-то подсказывает, не выносили ничего отсюда.

В этот самый момент заходит описанный мальчишкой фирмач.

– Дядя Варлаам, – голос снаружи, – вот этот... человек... ну...

– Здравствуйте! Старший лейтенант..., – представляюсь по всей форме. – А вы кто?

– Хозяин...

Оказался бывший механик промыслового флота тридцати пяти лет. Жил в Прибалтике, нашёл работу по своей специальности в нашем Агрокомплексе. Только приехал. Основной скарб завёз ранее, часть вещей сегодня с вокзала, а в кармане доллары и, то ли литы, то ли латы... Короче, с водителем к магазину заспешили разменять денежку, чтобы рассчитаться, а вот квартиру он... дверь толкнул и не проверил.

Получается, не закрыл.

Бдительные соседи отреагировали. Хорошо, группа не доехала. Позвонил я дежурному, он её на полпути развернул.

Ошибка

Порой думаю, что ещё надо? Работа спокойная, тихо, светло. Никто над тобой не стоит, никуда не гонит, а почему-то радости от этого не испытываю и постоянно ищу, чем бы заняться. Неугомонный какой-то. Как раньше коллеги мне говорили – трудоголик!

– Представляешь, Егор, порой на службе и ошибки случались.

– Так от них никто не застрахован.

– Согласен! Однако степень таковых бывает разная. Читатило пока искали, сколько невинных в тюрьмах томилось, кому-то приговор привели в исполнение. Ты знаешь, про кого я говорю?

– Да! Я фильм про него смотрел. Сколько людей убил этот маньяк. Писали, что далеко не все эпизоды смогли доказать.

– Вот и у нас случались неурядицы. Такое бывает от спешки. Думать и ждать, вынашивая версии и закрепляясь вещественными доказательствами, не все могут, терпения маловато, а ещё когда начальство требует показатели и грозит увольнением. Я никого не оправдываю.

– Не ошибается тот, кто ничего не делает, – смеётся инженер.

– Здесь другое. Был в моей практике такой неприятный

случай.

У напарника даже уши зашевелились. Напрягся парень. По глазам вижу нескрываемый интерес.

– Я дежурил в составе следственно-оперативной группы. Дело летом было. То ли девяносто четвёртого, то ли пятого года.

Выбили дверь в квартиру и у бабушки последние денежки от пенсии украли. Ребята на месте работала, а я чуть подзадержался, разбираясь в семейной драме.

Когда поднялся на второй этаж, эксперт-криминалист собирался вырезать кусок дерматина с отпечатком обуви.

– Зачем имущество старушке портить? – он на меня посмотрел с удивлением. – Где она потом материал, да и на что купит? Кто за бесплатно будет делать?

– Твоя правда. Сейчас зафиксирую и перенесу на дактоплёнку.

Для себя я отметил, что рисунок подошвы распространённый – параллельные линии верхней части стопы, а пятка не отобразилась. Я ещё тогда подумал: «У меня на домашних сланцах также».

– Следователь где?

– В зале.

– Василий Сергеевич, поручение будет? Или поквартирку?

– Не суетись. Наши уже злодея изобличили. Семён на кухне с подозреваемым работает. Представляешь, рабочие в

подвале трубы меняют. Один из них высмотрел, что бабулька ушла, и проник, нехороший такой.

– Сам признался или кто видел?

– Отпечаток его ботинка на двери.

– Отлично! Раскрытие в дежурные сутки. Пойду, послушаю.

В небольшой кухоньке опер беседовал с мужчиной в грязной робе. Разоблачённый был в наручниках, лицо выражало страдание, по щекам взрослого работяги текли слёзы.

– Рассказывай дальше! – давил сотрудник.

– Мне больше нечего добавить, – тут же на его голову опустился кулак бывшего десантника. – Ай!

Я такие методы не приветствую, но коль эксперт дал предварительное заключение, значит... Хотя. И в этот момент входит молодой человек, на вид двадцати трёх лет, слегка подшофе.

– Варлаам, возьми объяснение с парня. Это наш добровольный помощник, он заприметил, как этот хмырь терся на лестничной площадке.

– Вы из какой квартиры?

– Тридцать восьмой. Этажом выше, – охотно и с какой-то бравадой отвечает.

– Можно у вас побеседовать?

– Безусловно! Только у меня друзья там и невеста моя. У меня сегодня днюха... гости.

– Мы постараемся их не беспокоить.

Доброволец выходит первым, я за ним. Когда он начал подниматься по пролёту, на грязном полу отобразился чёткий след из прямых параллельных линий.

– Послушайте! – обращаю на себя внимание. – Вы подождите меня у себя, я забыл старшему протокол передать.

Как только наверху хлопнула дверь, я позвал эксперта, который состроил удивлённое лицо.

– Понимаю! Каждый может ошибиться. Как находишь этот образец?

– Общий рисунок совпадает полностью, а правый отпечаток имеет частные признаки, косвенно совпадающие с нашим на дерматине.

– Я в кухню, ты к следователю.

– Семён Витальевич, выйдите на минуточку.

Стоим вчетвером у входа.

– Я его почти расколел, – хмурит брови угро. – Техник, получается из-за тебя...

– Сейчас не до выяснений отношений. Значит, действуем так..., – Василий Сергеевич быстро строит план. – Только надо несколько вопросов выяснить у бабушки.

Хозяйка рассказала, как к ней заходил сегодня сосед, как она в его присутствии доставала деньги из-под клеёнки в ящике кухонного стола, где лежат ложки и вилки. Добавила, что молодой человек проводил её на улицу, когда она шла в магазин.

Опер отказался приносить извинения пострадавшему ра-

бочему.

– Здравствуйте ещё раз, – я присел напротив мужчины.
Как вас по имени отчеству?

– Виктор!

– Вам сколько лет?

– Пятьдесят один!

– Значит, я не могу к вам обращаться, только по имени.

– Бить можно, а...

– Виктор..., – я повысил голос.

– Фёдорович!

– От лица своего коллеги и правоохранительных органов
приношу вам извинения за доставленные неудобства, – у то-
варища челюсть отвисла. – Произошла чудовищная ошибка.
Простите, пожалуйста. Нам нужна ваша помощь.

– Ботинки отдайте, – он посмотрел на носки, потом на ру-
ки.

– Семён, сними наручники. И обувь верните.

– Виктор Фёдорович, если я правильно понимаю, сосед
сверху вас заметил на площадке...

– Да нет! Он к нам в подвал спускался. Задавал пьяные
вопросы, я его попросил..., выволоч, чтобы не мешал.

Оставалось дело за малым. Пока мои коллеги продолжали
сбор и фиксацию следов преступления с заполнением про-
токола, я поднялся на этаж выше.

Объяснение от помощника заполнялось легко и быстро.
Выяснилось, что именинник служит по контракту в воин-

ской части нашего города. В гостях его сослуживцы. У парней проблема с финансами, так как имела место задержка причитающихся выплат.

А дальше привычные мероприятия и закрепление факта совершённого преступления показаниями свидетелей, проведениями очных ставок, заключения эксперта и возбуждение уголовного дела.

– Варлаам Иосифович, а какую сумму он украл?

– По тем временам смешную, но последнюю у пожилой женщины. По нашим сегодняшним меркам одну тысячу.

– И стоило из-за этого мараться? – недоумевает Егор.

– Ты прав! Это того не стоило.

Биатлон

На рассвете разбудил меня шум, бьющих капель по металлу крыши: «Вот и раскрыл виноград... вот и наслаждался прекрасной погодой...».

– Варлаам, спи! Чего крутишься?

– Дождь!

– Пусть идёт, отдыхай...

Поворочался я минут так десять, да встал. Настроение всё на нет сошло: «Пока Сонечка нежится, пойду в компьютере посижу!».

Поставил чайник на плитку. Накидал Василию еды в тарелочку, разогрел и вынес на веранду. Наш любимчик сидит на столе и смотрит во двор сквозь мокрое стекло.

– Иди ешь!

– Маяау!

– Пойдёшь на улицу?

– Мя! – прыгнул на пол и перед дверью поднял переднюю лапку.

– В окно стукнешь, когда обратно... открою, – счастливчик рванул по отмостке, куда не попадает мерзкая сырость.

Налил себе кофе и разместился перед монитором. Просматриваю почту, пишу ответы: «О! Блин! От Петрухи сообщение... как же я пропустил? Два дня висит...». Открываю,

а там: «Иосифович! У нас двадцать девятого армейский биатлон. Предварительно сбор на «Заре». Свистни, если соберёшься. Поедем, за ребят поболеем!»

«Ну и кто я после этого? Иные слова и в голову не лезут!», – набираю ответ коллеге по прошлой службе.

– Варлаам! – жена из спальни. – Вася стучит по стеклу.

Пока запускал питомца, подумал, что писать поздно, лучше позвонить товарищу. Только вот на часах пять сорок, человек ещё, возможно, спит.

– Привет, старый пень! – друг меня приветствует бодро, значит, на ногах.

– Здорово! Только сообщение увидел. Решил набрать. Где встречаемся?

– В семь от отдела автобус отходит.

– Принял! – отключаю связь.

Собираюсь. Захожу в спальню.

– Куда? – Сонечка наблюдает за моими движениями.

– Парни пригласили на соревнования.

– Тоже участвовать?

– Нет! За своих будем кричалки «горланить».

– Ну-ну, – и она перевернулась на другой бок.

На автостоянке перед отделом полиции оставляю свою легковушку и запрыгиваю на подножку автобуса.

– Мужики, всем доброе утро! – на меня смотрит два десятка глаз.

– Отлично! – председатель нашего филиала общества ве-

теранов МВД жмёт мою ладонь. – Вот молодец! А я переживал, кого выставить в нашей тройке.

– Это... я..., – взглядом ловлю улыбающуюся физиономию Пети. – Он? – тычу пальцем.

– Я его попросил тебе звякнуть. Больше никого нет...

– А он?

– У него спина...

– По-твоему, у меня её нет? Я к тому же гипертоник...

– Вар, не ваврчы, – смеются коллеги.

– Сговорились! Я даже ничего не взял из одежды.

– Всё есть, – Игорь расплылся в улыбке.

Поднимаю руки и прохожу на место рядом с «предателем». «И надо было мне подрываться в такую рань. Опять поспешил, людей насмешил», – бубню про себя.

Пока мчались до полигона, распогодилось, вышло солнышко. Редкие лужи на асфальте парили, словно летом. Я облачался в камуфляж, зашнуровывал берцы. И тут меня память вернула домой с воспроизведением «Ну-ну!» супруги. Я повернулся к бывшему оперу.

– Соня?!

– Она сказала, чтобы я не звонил, а написал на электронку. Ты у нас, оказывается в мемуары вдарился, целыми днями у компьютера...

Во мне вскипела злость, которая спровоцировала подъём адреналина и желание во чтобы то ни стало – одержать победу. Запел рингтон телефона. Взглянул на экран, покачал

головой, а пальцы самостоятельно скрутили кукиш.

– Чего не отвечаешь? Она же волнуется! – Петя прищурил глаза.

Молча выключил сотовый и закрыл его на молнию в кармане своей куртки.

После торжественного построения и приветственных речей в честь прошедшего профессионального праздника Росгвардии был дан старт. Первыми шли ребята, проходящие службу в спецназе, затем выступили парни из ОМОНа, а на закуску третья тройка «старичков» по сокращённой и облегчённой программе.

Почему жребий выпал на мою скромную персону, ума не приложу, но после отмашки я подорвался, словно молодой. Слегка сырой грунт скользил. Чуть сместившись на листву, почувствовал хорошую опору и припустил впереди своих коллег. На первой стрелковой позиции «стрельба стоя» сделал несколько глубоких вдохов, задержал дыхание и произвёл выстрелы.

Пробежав второй круг на рубеже «стрельба с колена» мишень поплыла: «Давление... мать его так!». Потёр переносицу, затаил выдох и... раз, два, три... пули ушли в цель.

Завершающий круг дался с натяжкой, но желание не ударить в грязь лицом и не подвести команду помогли собраться. Перед последним рубежом покатился по грязи, и только берцы замелькали в воздухе, а руки придержали пистолет в кобуре. Телом вывернулся, чтобы оружие не попало на чер-

нозём. Боли не было. Все конечности работали в штатном режиме.

Отстрелялся практически вслепую. Резкость навести не смог. Подбегал к финишу, прихрамывая, появилась резь в левом бедре и закрипела поясница: «Врётся! Дотяну!»

– Ура-а-а-а, – закричал в полный голос и, пересекая линию окончания дистанции, упал на подхвативших моё тело товарищей.

Награждение прошло без меня. В командном зачёте мы взяли почётное второе место, а в личном первенстве среди «дедушек» по общему числу баллов я сместился на третье. Сказалось падение. Последняя стрельба была не в мою пользу. Однако грамота и медаль ехали на моём животе, когда я лежал на заднем сидении, согнув ноги в коленях.

– Твоя меня убьёт! – вздыхал в очередной раз «Петруччо».

– Надо в поликлинику заскочить, сделать укол. Тогда не узнает.

– Сегодня нет, а потом кто-нибудь проболтается.

– Нашёл о чём беспокоиться. Главное вот, – я потянул за ленточку с кругляшкой и крикнул председателю. – Игорь! А где мой тортик?

Традиция

Заступили мы с моим напарником на смену вчера вечером. Воскресение, блаженство, тишина. А вот с утра какое-то нездоровое движение, суета. Кто-то бежит с криками. Смех, песни.

Ах, да... первое апреля на дворе, да ещё в понедельник. Казалось бы, трудный трудовой день начавшейся недели, а у нас веселье.

Мы с Егором работаем. Нам отвлекаться никак нельзя. Процесс идёт своим чередом.

Ближе к полудню открывается дверь.

– Здравствуйте! А вам что, особое приглашение надо? – в зал вошла Ирина Владиленовна. – Все уже были у руководства, подарки получили. Егор, определитесь, кто за кем и быстро... собственник ждёт, а ему ещё в несколько точек надо попасть.

И выскочила в коридор.

– Это что было? – я поднял взгляд на своего босса.

– У нашего немца свои традиции. Он полюбил День дурака и старается посетить свои заводы и фермы, чтобы лично поощрить работников.

– О! Премия?

– Да!

Я даже преобразился. Потираю ладони.

– Интересно, в какой сумме?

– Всегда разная. Помню, было десять тысяч.

Моё воображение сразу побежало по магазинам и споткнулось, сумма не маленькая, но и всего не купишь.

– Я пошёл! – молодость опередила пожилого подчинённого, обойдя на повороте.

– Хорошо!

Спустя двадцать минут коллега сидел в своём кресле с очаровательной улыбкой и запахом табака. Значит, успел и к директору, и на перекур.

– Пойду! – как бы нехотя, встаю и направляюсь на выход, а у самого сердце колотится: «Премия!».

В приёмной меня встречает заместитель директора.

– Варлаам Иосифович! Наш главный, из Германии. Уважьте, пожалуйста, поздоровайтесь на его родном языке. Знаете?

– Владею! – уверенно произношу, успокаивая начальство, а самого подтрухивает.

– Вот и замечательно! Ничему не удивляйтесь. У нас такая традиция...

– Уже в курсе.

– Замечательно! Желаю удачи, – Пётр Игнатьевич открыл передо мною дверь.

Вхожу. Наш босс в сторонке, а на его месте мужчина с рыжими волосами прямо сошёл с картинки на упаковке нашей

продукции.

– Гуд Дей! Хэлоу! – протягиваю руку. – Ой! Простите! Гутен морген! Хенде хох! Ауфидерзейн! – прямо сразу вот так и выпалил нагору все, что знал на их буржуйском.

Владимир Сергеевич прыснул и засмеялся, прижимая ладошку ко рту. Немец, правда, слегка улыбнулся и поднял ладошки.

– Здравствуйте! – на чистейшем русском произнёс он. – Варлаам Иосифович, можно опустить...?

– Простите, я переволновался.

– Ничего! Вы у нас работник новый, но с богатым жизненным опытом, а сегодня, мой любимый и самое таинственное торжество в вашей стране – День дурака. Мне докладывали о ваших результатах. Я решил наградить вас разовой премией в размере одной тысячи..., – он чуть наклонился вперёд и шёпотом добавил, – долларов USA.

Мозговой калькулятор в пересчёте на рубли выдал сумму, и я еле устоял на ногах: «Вот это щедрость! Вот как надо ценить тех, кто пашет на тебя!».

– Спасибо! – только и сказал, принимая толстенький почтовый конверт.

– Только..., – Германия прищурилась. – Никому не открывайте тайны. Все получили за свой труд индивидуально.

– Это я понимаю! – а у самого уже чесалось позвонить жене.

Пожав руки руководству и придав физиономии серьёз-

ность, я покинул гостеприимный кабинет.

Егор разговаривал по телефону. Я прошёл к своему шкафу-чику и опустил полученный подарок в сумку: «Сюрприз дома раскрою вместе с Сонечкой! Интересно, вытерплю?».

– Ну как?

– Нормально!

Краткий диалог с инженером дал ясно понять, никто ничего никому не скажет.

– Хочешь, расскажу, как надо мной подшутили на первое апреля, когда я служил в ППС?

– Конечно! – парень приготовился слушать.

– Я тогда уже заканчивал заочно последний курс института. Рапорт о переводе был подписан и ждал своего часа. Я в тот раз утром сдавал дежурство. Командир попросил дать объяснительную по ночному задержанию дебошира. Вот я и сочинял, обстоятельно и последовательно излагая факты.

Входит замполит.

– Варлаам, ты чего здесь? Почему ещё не на складе?

– А что там? Я вот писательством занимаюсь.

– Бросай! Беги, а то не успеешь. Кладовщица сегодня отгул взяла.

– Толком скажи, зачем?

– Как? Ты не знаешь? Ах да, ты же дежурил. Приказ вчера пришёл. Тебе младшего лейтенанта присвоили. Дуй за звёздочками, и в магазин, проставиться надо.

– На разводе ничего не говорил командир, – во мне по-

явились нотки сомнения.

– Он забыл, меня попросил до тебя довести...

Объяснительная была закончена в одну минуту. Успел на склад, когда женщина собиралась включать сигнализацию. Она тоже сильно удивилась, почему я без копии приказа, но согласилась и выдала готовые погоны: накладные на рубашку и нашивные на китель, а также четыре маленькие звёздочки.

Пока бегал за продуктами, внутренний карман прожигал мою душу: «Офицер!».

В кабинет командира просто влетел. Приступил к накрытию стола. Тот сидит, смотрит и молчит.

– Это что?

– Звание будем обмывать?

– Чьё?

– Моё! – что-то кольнуло под лопаткой.

– Когда присвоили? Где приказ?

– Так замполит..., – и тут до меня доходит, пошутили товарищи.

Посмеялись. Под чай позавтракали. Вот такой был у меня весёлый праздник.

Смотрю на смеющегося Егора. И продолжаю:

– А уже когда назначили на должность участкового, майор пригласил к себе и с важным видом вручает ключи от служебного транспорта: «Вот, – говорит, – Варлаам, от сердца отрываю. Новенькие «Жигули» пришли в нашу службу. Отдаю тебе». Принимаю подарок. На ключах пульт сигнализа-

ции.

Выхожу на площадку для служебного транспорта, нажимаю на кнопку, а звук «пик-пик» справа у ворот раздаётся, и джип моргает повторителями.

– Так вы же рассказывали, вам УАЗик старый всучили? – Егор в замешательстве.

– Твоя правда. Эта машина оказалась друга моего старшего «шутника», бизнесмена. Ох, они потом долго смеялись, вспоминая моё выражение лица.

Так с хорошим настроением пролетели часы нашей вахты. Приехал домой. Сумку вношу чуть ли не на вытянутых руках, как будто там некая стеклянная ценность.

– Что? – Сонечка смотрит в мои глаза.

– Мать! Премии выдали. На наши рубли сто тысяч. Представляешь? – жена аж присела.

– Как тебе с работой повезло, милый!

– Вот! – достаю конверт и протягиваю любимой.

Сам вышел на веранду, снимаю обувь. Странно, кота на месте нет. Обычно встречает хозяина. И в это время за дверью раздаётся смех Сонечки.

– Что? – переступаю порог.

– Тебя поздравили с праздником. Но тысяча в наличии...

– Правильно! Долларов!

– Рублей! – она так заразительно смеётся, что я выхватываю конверт и проверяю его внутренности.

А там, среди нарезанных под купюры газетных листоч-

ков, и вправду одна бумажка наших лежит и чек на валюту, в котором написано: «Уважаемый Варлаам Иосифович! Поздравляем вас с Днём смеха, веселья. Обналичить платёжный документ вы можете в любое время на территории США в Национальном банке! Желаем вам счастья, радости и долгих лет здоровой жизни!».

Нет! Я не расстроился! Деньги лишними не бывают.

Колёсики

Наши прожитые годы – это наше богатство, опыт и порой некая отсталость от молодости и новых технологий. Да и здоровье не становится лучше. То давление мучает, то спину тянет, то конечности болят. И прежде чем заняться домашними работами, призадумашься.

Вот и я почесал затылок, глядя на площадь, которую надо перепахать под картошку. Вилы с лопатой, инструмент хороший, привычный, да как подумаю, что земля мокрая, тяжёлая, так сразу всё болеть начинает – физическая память.

Как-то невольно после новогодних праздников я начал присматриваться к различным приспособлениям, что в хозяйстве помогают облегчить труд. Вся техника по своим характеристикам прельщает, да вот цены кусаются сильно. Чем больше мощность, тем дороже. Тут, как говорится, Интернет в помощь.

Походил я по разным сайтам, просмотрел видеоролики с демонстрацией многообразия приборов для земляных работ. Тут жена подключилась, мы наконец-то выбрали на Вайлдберрисе отличный агрегат – «электрический конь» с навесным под фрезеровку почвы.

Делаем заказ.

– Варлаам, с колёсиками или без них брать будем? – Соня

сосредоточена.

– Конечно, с ними, – стараюсь не уронить лицо. – Разница в цене большая?

– Всего на сто пятьдесят рублей...

– Однозначно берём с колёсами. Всё равно дешевле, чем в магазинах на три тысячи получается. И прокатить можно, а не тащить надрываться, – против логики не попрёшь.

Через неделю пришло уведомление, и я отправился забирать наше чудо. Моему расстройству и возмущению не было предела. Ну до чего люди бывают предприимчивые. Коробка вскрывалась, но это нормально, а вот дальше – потёртости, снятая краска на кончиках фрез и подтёки масла на картере говорили про ходовые испытания в поле.

Забирать «кота в мешке» я не пожелал и тут же перезаказал товар.

В следующий раз культиватор пришёл новенький, в заводской упаковке, пахнущий производством и равномерно покрытый краской. В пункте выдачи специалист внимательно наблюдала за моими действиями, а я всё откручивал, проверял, устанавливал на место, подключал к электропитанию и запускал двигатель.

– Оформляйте! – выдохнул, упаковывая детали в коробку.

– Если обнаружите дефекты, возврат через личный кабинет. У вас есть четырнадцать дней, – с улыбкой уведомила женщина.

Уже дома я долил трансмиссионного масла в картер. Про-

тянул все крепления, подчистил и зажал контакты и отрегулировал высоту каретки, на которой крепились колёса. Всё было готово к испытаниям на участке, но незадача – почва ещё не достаточно просохла.

Третьего апреля решился. Вывез агрегат, размотал удлинитель, вилка в розетку и... при запуске мотор сказал «Ы» и отключился. Три последующие попытки желаемого результата не принесли.

– Мать перемать, чтоб тебя нога за ногу, – грязно выругавшись в полный голос, качу к сараю культиватор, укладываю его на стол.

– Варлаам, что-то случилось? – Сонечка с напряжением в голосе смотрит за мной с крыльца.

– Не мешай! Сейчас разберусь!

Вместе с Васей разместившись на веранде, жена терпеливо ждёт результат. Я провожу последовательно все манипуляции по полной разборке, проверке. Дохожу до сливного отверстия под масло. Отдаю чуток пробку по резьбе и червячный механизм через шестерёнку от небольшого усилия пальцев, передаёт крутящий момент. Ругая себя, собираю чудо помощника. Пуск и всё работает, словно часики.

На наблюдательном пункте улыбающиеся лица. Супруга с котом выходят на улицу. Я гордо перекаत्याю технику к месту вспашки.

– Ключ на старт! – подаю питание...

Вращающиеся фрезы увлекают агрегат вперёд, чуть ли не

вырвав его из моих рук. Удержать этого «зверя» нет никакой
мощи.

– И как им пахать? Написали, что глубина обработки два-
дцать сантиметров.

– А ты пробовал в Интернете посмотреть, – голос со дво-
ра.

– А что я, по-твоему, делал ранее? – возмущаясь, подни-
маю голову, на крыльце сын стоит.

– Ванька?! Сонечка, ты видишь? – показываю пальцем пе-
ред собой.

– Родненький! – мать кидается к нему в объятия.

Обнимаемся, целуемся, слёзы заволакивают глаза, душа
поёт: «Сын вернулся! Он дома! Как долго мы его ждали! Как
переживали, волновались!».

– Пап, а честно, ты смотрел, как культиватором правильно
работать? – молодость прищурилась в улыбке.

Он включает Ютуб на своём смартфоне. Мы наблюдаем
за блоггером.

– Отец всё сам знает! – разводит руки супруга, а я иду
снимать колёса.

– Бать, а ты зачем их поставил? Они же только для транс-
портировки...

– Не отвлекай!

Отцепив каретку, я включаю двигатель и тяну за ручку
«электрического коня», повторяя движения автора видеоро-
лика вправо и влево, отступая назад. Фрезы врезаются в зем-

лю, измельчая её в пух.

– Вань, а как ты сообразил, что они при вспашке не нужны? – пройдя ряд, интересуюсь у сына.

– Вспомнил, как дедушка всегда говорит: «Ёсики колёсики». Он же ругался, а я про себя думал: «Зачем эти колёсики?».

«И дались мне эти мелочи? Когда сын дома и Сонечка такая счастливая!», – только и пронеслось в голове.

Невкусно

Ехал на смену в плохом расположении духа. Быстро пролетели трое суток отпуска нашего сына. Проводили его сегодня на поезд. Соня осталась грустить с Василием, а я настраиваюсь на трудовые сутки, кручу баранку и бурчу себе под нос:

Ты не поверишь, всё прекрасно,
пойдут когда-то все ненастья.
Пусть будет жизнь волнообразна,
но будет в доме нашем счастье.

«А оно у нас есть и никогда нас не покидало! Чего я нос повесил? У нас всё хорошо!», – подбадриваю себя, выходя из автомобиля.

Спустя час после принятия вахты пьём с начальником кофе. Егор играет в «ходилку» на смартфоне, я в своём сознании «листаю» картинки прошедших дней.

– Скучно сидим, – вздыхаю, наблюдая за коллегой.

– Может, историю из прошлой жизни? – молодость отрывает взгляд от экрана.

– На ум ничего приличного не идёт. Будет настроение, продолжим. Я вот вспомнил, мама из своего детства делилась. Она у меня родилась в сорок девятом, спустя четыре года после Победы. Отец её, то есть мой дед, рано скончался

от боевых ранений.

– Эхо войны, – как бы соглашаясь со мной, подтвердил инженер.

– Бабушка поднимала двоих: дочь и старшего на четыре года сынишку, моего дядю Женю. Пока хозяйка от рассвета до заката в поле, детишки одни. Огород на них, по дому сами справлялись. Печь топили, воду из колодца носили... Маме тогда годиков пять. Значит, брату её все девять было. Из всех сладостей – сахар, и тот по выходным и праздникам.

И вот уходит на работу моя бабуля, а детворе оставляет на завтрак два последних кусочка хлебушка с маслом, на котором хороший слой сахара рассыпчатого. Царская еда по их тогдашнему столу.

Малыши проснулись, сидят у открытого окошка, на подоконнике перед ними бутерброды. Мальчишка свой быстро съел и смотрит удивленно на девчонку, мол: «Чего не ешь? Вкусно!», а та, видно, не совсем проснулась. И тут Женя: «Нинка, хочешь фокус?». «Да!», – отвечает наивная малышка. «Закрывай глазки и считай до десяти!», – озорник уже вошёл во вкус своей игры. «Раз! Два!.. Пять!..». «Ка-а-а-арrrr!», – кричит обманщик и вытирает ладошками лицо. Сестрёнка глядит на него, на пустое место, где хлеб лежал, а сорванец: «Ворона унесла! Не расстраивайся, всё равно невкусно!», и кулачком на улицу грозит. Из всего завтрака маленькой Ниночке достался тогда стакан колодезной водички.

– Грустная история. Ему надо было уши надрать или выпороть, – сочувствует Егорка.

– Он своё получил потом, но...

– А меня младший брат наказал примерно так же, – улыбается молодость. – Я никакую печень не люблю: ни жареную, ни в пирогах. Так же, как и жареный лук в супе с детства ненавижу...

– Так, – подбадриваю рассказчика.

– Приходим мы с ним со школы. Родители на работе, а на столе наш обед стоит. Мама постоянно домой приходила, правда, не всегда удавалось ей дожидаться нас до конца перерыва.

Переделались мы и в кухню. Расселись, ложками по тарелкам клацаем, первое сёрбаем кто кого громче. На краю тарелка с нарезанным пирогом. Меня коричневый цвет смутил, прошу Андрюху: «Попробуй!». Он откусил, жуёт и сильно морщится. «Вкусно?», – спрашиваю у него. «Нет!», – отвечает и тарелку демонстративно отодвигает на другую сторону.

Я кисель выпил и пошёл телевизор смотреть. Скоро и брат присоединился. Потом за уроки засели.

Родители вечером пришли, мама спрашивает: «Торт вкусный был, понравился?». Я смотрю на неё, поворачиваюсь на Андрюху, а тот улыбается и глазки бегают. «Не было такого на столе...», – отвечаю. «Как? Я сама вчера сделала шоколадную колбаску?!», – она сильно удивилась.

Брату хотел тумачков надавать, а он: «Ты же сам ушёл с кухни! Вот я и съел!». И что с ним сделаешь? Тортика больше нет...

– А всё твоя нелюбовь к изделиям из печени! – смеюсь.

– После этого случая я сам всё пробовал. Не доверял младшему.

Робот

Суббота. Солнце палит, словно летом, наверно, как в августе, плюс двадцать восемь. Работая на участке, обливаюсь потом, хотя весь день в шортах и панамке. Василий преследует меня по пятам. Пока я на одном месте копошусь, он прячется в любое напоминание тени и наблюдает за моими действиями.

– Папочка, встречай, – Ксюша бежит по тропинке с распростёртыми объятиями.

– Варлаам Иосифович, как я рад, что мы приехали к вам в гости, – следом в той же позе и той же радостью Александр.

– А как мы с Васей рады, – я бегу от них, возвращаясь к дому, кот за мной, а Сонечка смеётся в открытое окно второго этажа.

– Отец, ты чего, – дочь с зятем встают как вкопанные, но готовые к обнимашкам.

– Шучу! – быстро перемещаюсь в их сторону. – Вы же про нас совсем забыли. Не пишите, не звоните...

– Это ещё кто кого забыл? А-а-а-а... Понятно, это у вас такая семейная забава, – сообразительный Саша крепко жмёт мою руку. – Типа спортивной эстафеты. Не добежал, так согрелся.

Парень в это время года у нас первый раз. Ему всё инте-

ресно. Мама с Ксю готовят лёгкий перекус, а я с важным видом рассказываю родственнику, где и что у нас будет посажено из овощей. Проходя мимо цветущих деревьев, Александр вдыхает ароматы растений. Благоухание абрикосов, черешни, вишни кружит голову.

– Хорошо! – заключает он.

Когда девочки приглашают перекусить, ополаскиваем руки и рассаживаемся на лавках перед столом.

– Вы каким ветром? – интересуюсь, разливая окрошку.

– Хотели брату сюрприз сделать, а он, оказывается, уже смылся.

– У него всего три дня было, мама тебе по телефону говорила.

– Папа, я в последнее время такая рассеянная, – принцесса улыбается, намекая на свою беременность. – А мне муж столько подарков накупил...

– Да ты что?! Хвастайся, – жена смотрит нежно на зятя.

– Во-первых, мы пересмотрели все интернет магазины и решили там ничего не заказывать из мебели... Ой, главное, мы закончили с оформлением детской комнаты.

– Ага! – подтверждает с опущенными уголками губ парень. – Я одних цветочков наклеил сотни три...

– Мы вместе этим занимались. Обои не стали переклеивать, а так стены повеселели. Во-вторых, купили стол, крышка у которого раскладывается, удобно для пеленания, ниже – комод, четыре больших ящика для вещей. Кроватку для

малыша...

– Внук будет? – выскакивает из моего горла.

– В понедельник поедем, нам уже скажут точно, – невозмутимо продолжает дочь. – Будет спать как королева. Там и внутренняя качалка, и решёточки обшиты, и... Папа, мы когда на УЗИ были, врач нас тоже смутила: «Ваш товарищ молодец! Хорошо развивается для своего возраста!». Мы тогда подумали: «Сын!», а она нас остановила: «На таком раннем сроке невозможно определить».

– А подарки от мужа? – перебивает дитя мама.

– Робот пылесос с функцией мойки полов. Вот!

Саша преображается, приосанивается, готовый вступить в разговор.

– Подожди! – останавливает его любимая на вздохе. Мы с Сонечкой разрываемся от смеха.

– Прости, зять. Наше воспитание!

– Кто в доме хозяин? – кулак Александра опускается рядом с тарелкой.

Мы замерли. Состояние шока.

– Вообще-то вы у нас в гостях, – робко проговариваю.

– Так я и спрашиваю, – расплывается в улыбке «хитрован» и, обратившись к супруге своей, – ты же не перебиваешь па-а-а-о-о-очку-у-у.

– Неугомонный. Я же ещё не договорила, – невозмутимость нашей королевы поражает, как ни в чём не бывало, она продолжила. – Замечательный такой. Сашенька его подклю-

чил к интернету, и он сразу поумнел...

– Муж? – не удержался.

– Пылесос! – подчеркнул зять. – Только он такой вредный, привередливый, просто невыносимый, – парень строит, чтобы успеть высказаться. – Для того, чтобы он работал, надо приготовить ему площадку, всё поднять наверх, убрать с его пути, проверить программу, поставить задачу...

– А песни он петь умеет? – меня просто разрывает засмеяться, глядя на серьёзность рассказчика.

– Нет! Но жужжит, напоминая самолёт или далеко работающую газонокосилку. И это мы проделываем, чтобы спустя тридцать минут всё опустить и расставить по местам. Я много быстрее навожу порядок простым помощником со шлангом. Фу-у-у-у!

– Ксения, зачем ты лишила Сашеньку удовольствия тебе помогать? – всплеснула Сонечка руками.

– Мама, когда родится лялька, он будет на работе, и мне придётся всё делать самой, поэтому я планирую заранее всё, как делает папочка, – Ксю смешно округлила глаза и с такой искренностью посмотрела на Сонечку, что моё сердце согрелось её любовью к ней за похвалу в мою сторону.

– Да-а-а-а, не повезло тебе, Санька..., – вздыхаю. – А ребёнок будете выращивать лет двадцать, кормить, одевать, давать образование, водить на секции, пока услышите «Спасибо!»... Но робот важнее, потому что молчит!

Родня

1

Приехал домой с работы, а Сонечка на кухне суетится, разные вкусности готовит. Тут нам и котлеты, и салаты, да ещё и разносолы из погреба.

– Привет! – подхожу к жене, целую. – У нас праздник или гости?

– Второе! – отчеканила, продолжая ловко управляться ножом.

– ?!

– Брат двоюродный с женой и внуком приезжают. Игорь сказал, в двадцать два сорок на станции будут.

– Подожди! – присаживаюсь. – Они на Дальнем Востоке работают.

– В отпуск. Просил встретить и погостить у нас дня три, пока порядок наведут в доме родителей. Ты же его знаешь, у него всё решается наскоком. Заранее не позвонил, не написал...

Я посмотрел на настенные часы.

– В девять тридцать надо будет выезжать. Пойду переоде-

нись и тебе помогать.

Супруга пропускает мои слова мимо ушей. Я преображаюсь в спортивный костюм. Наскоро умываюсь, мою руки в ванной комнате. Вхожу в кухню.

– Итак, что делать?

– Не мешать и как можно тише...

«Значит, есть несколько минут проверить почту и ответить друзьям», – иду к компьютеру, не заставляя повторять дважды и боясь, что любимая передумает. Жму кнопку «Вкл.», на системном блоке моргает лампочка и начинает приятно жужжать кулер...

– Варлаам, мне нужна кастрюля... Надо ее освободить и помыть, – голос любимой возвращает в реальность: «Сам виноват! Накаркал!».

В пятнадцать минут десятого мы готовы отправиться в путь. Выключаю свет в комнате. «Светлячок» на компьютере попрощался равномерным морганием. Подумалось с надеждой: «Приеду и обязательно навещу тебя, мой электронный друг!».

Пересекая привокзальную площадь, услышали голос из динамиков: «Скорый поезд номер сто восемь Москва-Адлер прибывает на первый путь второй платформы, нумерация вагонов с хвоста состава, время стоянки двадцать минут».

– Как раз успели, – шествуя, степенно проговорила супруга.

– Всё рассчитано до секунды, – важничаю.

«О-о-о-о! Надо видеть этот оценивающий взгляд, который меня чуть не заставил остановиться словно вкопанным», – ловлю мысль, устремившуюся вперёд через тоннель к нужной платформе.

– Сонечка! Сестрёнка! – брат вывалился из вагона в объятия улыбающейся супруги.

Не знаю, по какому обычаю и кем такое заведено, но у Игоря тройной поцелуй с обниманием до хруста в костях – традиция! Может, они все такие любвеобильные Дальневосточники, но ладно, двоюродная родственница и другое дело я. Он меня так зажал в своих маховиках и приподнял, что что-то хрустнуло даже в позвоночнике.

Подхватив чемоданы, северянин устремился к выходу. Мне вручили полусонного внука приезжих, а женщины, взявши друг дружку под ручки, устремились в кильватере «носильщика».

– Я, дедушка, Варлаам! – стараюсь говорить спокойно, улыбаясь трёхлетнему мальчугану.

– Чё?!

– Дед! Я! – идём мимо разминающихся и перекуривающих пассажиров.

– Дедь!

– Варлаам!

– Вам!

– А твоё имя? – паренёк явно задумался, осмысливая мой вопрос.

– И-и-и-и-ля-я-я-я! – громко и протяжно возвестил малыш.

– Пусть так, Илюша, – прижимаю это белобрысое чудо, как роднульку.

Несмотря на позднее время, шумно сидели за уютным домашним столом под хорошую закуску. Правда, кому вино из погребца, а кому чай в пакетиках.

– Внук у вас, ребята, замечательный. Спокойный, рассудительный мальчишка растёт, – бросаю леща гостям.

– О! Так у вас скоро свой будет. Соня рассказала Катерине про Ксению. А имя выбрали?

– Всему своё время... Какие у вас планы на завтра? – уточняюсь.

– Отдыхать! – отрезал Игорь. – Я предлагаю на природу к озеру. И рыбалка, и свежий воздух. А что у тебя дела?

– Два дня я полностью ваш.

– А нам большего и не надо...

– Тогда веселитесь, а я спать. С работы вечером пришёл. Малость устал. Подъём в семь и никому не опаздывать, – иду, слегка прихрамывая на правую ногу: «Кажется, отсидел...».

Внучатый племянник на диване в зале, наверно, досматривал десятый сон, мило улыбаясь и периодически переключаясь с боку на бок. «Светлячок» на системном блоке весело подмигивал.

Солнечный зайчик весело скачет по стенам комнаты, со-

скакивая мне на лицо: «Интересно, сколько уже времени?». Приоткрываю глаза, стрелки часов замерли, вытянувшись перпендикулярно полу, и показывали шесть утра. «Конечно, можно поваляться. Выходной как-никак, но обещал ребят свозить на природу..., – мозг просыпается, рассуждая о насущном дне, – наверное, на Первомайское махнём. Там и рыба прикормлена. Надо Сергею перезвонить, беседку застолбить».

Из зала голоса Сонечки и Катерины. Шушукуются, поженски, хихикают. Слегка приоткрываю дверь и прислушиваюсь.

– Ваш Илюша прямо наш Ванечка в детстве. Такой же светленький и немтя до садика. Только «Ы» из себя выдавливал и пальчиком в сторону своего интереса тыкал.

– Солнышко, ты бабушек слушай и кашку кушай. Вот умничка. Сейчас дедушка червей накопает и рыбку ловить поедем.

«Так! Самый младшенький завтракает. Братик, видно, на компостной куче корм для рыбок добывает. Они что, не ложились совсем?», – меня начинает разбирать любопытство.

– У нас такой случай был забавный, – продолжает супруга. – Сыну три было, устроили его в младшую группу. На улице зима. Папа наш на сутках, служба. Позавтракали с детками, выходим на веранду, а Ваня всё «ы-ы-ы» да «ы-ы-ы» и возмущённо так настойчиво.

– Характер мужской показывал, – поддакивает гостья.

– Ага! – Сонечка смеётся. – Уже на улицу вышли. Я его за ручку тяну, он упирается и в крик. Ксюша со стороны посмотрела и так серьёзно: «Мамочка! Так братик в тапочках!». Представляешь?

Женщины стараются хихикать негромко, чтобы...

– А где хозяин? – громом прокатился вопрос. – Скоро семь! Мы все готовы! Илья, иди деда буди...

Я прикрыл глаза. Открылась дверь. Мой нос оказался зажат детскими пальчиками:

– Дедь, Вам! Ава-а-а-ай!

2

Собирались не спеша, но как-то живенько.

– Варлаам, там в летней кухне остались детские игрушки, – пока пью чай, Сонечка даёт указания. – Брось в багажник ведёрко с лопаткой.

– У ребёнка есть волшебный мешочек с машинками, – Екатерина обращается к нам, а потом внуку. – Илья, возьми с собой игрушки.

Мальчишка весело убежал в комнату и вернулся с торбой, гремя её внутренностями, показывая: «Всё своё ношу с собой!».

– Молодец! Пошли «коня» выгонять, – беру его за ручку и выходим на веранду.

Василий на своём месте. Он с любопытством рассматри-

вает гостей, не подавая голоса.

– Это кот Вася!

– Чё?!

– Ва...

– ...ся, – подхватывает парнишка.

– Точно!

– Это Илюша. Он будет с нами временно..., – а про себя подумалось: «Интересно! Временно, как это быстро или долго?».

Парень смело подходит к домашнему питомцу и протягивает ручонку. Василий отклоняется назад и подушечками лапки бьёт по ладошке малыша. Получилось приветствие, вызвавшее смех:

– Ся, вет... хи-хи-хи...

Наш любимец спрыгивает и важно шествует перед нами, показывая, кто в доме хозяин. Однако не преминул потереться о наши ноги в знак уважения.

И вот мы в автомобиле мчимся по трассе. Апрель в этом году выдался тёплый. Уже цветёт абрикос, раскрываются цветочки черешни и вишни. Лёгкий ветерок раскачивает кроны придорожных деревьев. На большой скорости нас обгоняет «иностранец» и подрезает, возвращаясь на свою полосу.

– Мать, перемать, ёпстудей, чтоб тебе..., – непроизвольно вырывается из-за вынужденного торможения.

– Да! – чётко и громко раздаётся с заднего сидения.

– Илюшенька, не надо повторять за дедушкой, – строго говорит бабушка Катя.

– Вырвать бы язык этому деду, – поддакивает Соня.

– Неть! Вам аоший! – не сдаётся мой защитник, которому я подмигиваю в зеркало заднего вида и ловлю благодарную улыбку.

– Мы перед дитём не выражаемся, – смотрит на меня с пассажирского места Игорь.

– Вырвалось, извините, – как бы оправдываюсь.

На озере только две машины. Пара мужчин с самыми серьёзными намерениями и снастями заняты ловом. Один выставил штук восемь спиннингов с торца водоёма, проводит подкормку с миникатера на пульте управления. Другой на противоположной стороне разместил донку и загорает на мостке, оголив торс.

– Клюёт? – притормаживаю возле первого.

– Как всегда, – ответ выдаёт настоящего рыбака, который никогда не даст прямого ответа.

В это время звенит колокольчик, и мой собеседник бежит к удилицу, хватая по пути подсак. Прямо на наших глазах он вытаскивает крупного сазана килограмма на три.

– Ёпрст, видал... держи меня честной народ... я рыбачить приехал, – брательник произносит так громко, что его слышно на всю округу.

– А у нас при внуке не выражаются, – улыбаюсь родственнику и подмигиваю мальчугану. Игорь что-то бурчит себе

под нос и ёрзает на сидении.

Внутри беседки женщины накрыли на стол. Мы с шурином двоюродным наладили снасти, и он сделал первый заброс. Внучатый племянник высыпал игрушки со своего мешка на песок, принёс ведёрко с лопаткой и приступил к строительству, издавая звуки работающей техники.

– Илья, будешь рыбку ловить?

– Ни-и-и...

– Ну, играйся. Мы с бабой Соней в сторонку отойдём.

Насадив наживку на крючки, забрасываю их и передаю спиннинг жене. В этот момент подходит малыш. Он внимательно наблюдает за движением новой бабушки.

– Дай! – он тычет пальчиком на катушку.

– Держи!

Паренёк ловко крутит ручку. Поплавок, а за ним и крючки с грузилом выходят над водой.

– А-а-а-а, – радостно хлопает в ладоши.

Пока мы играли, Игорь успел обойти вокруг всё озеро.

– Здесь рыбы нет! – заключил он.

– Как нет? – я чуть не упал. – А у других есть. Ты приехал отдыхать или...?

– Я хочу такую же, как у того мужика...

– Так надо другие снасти навязывать.

– У тебя нужного нет. Я в сумке всё перерыл. Предлагаю переехать на речку, а по пути докупить необходимое.

– Куда поедем?

– На Дону воды много... давай на Икорец мотнёмся, проверим.

– Хорошо!

Собираем пожитки обратно в сумку, сматываем лески, укладываем всё в машину.

– Варлаам! – Сонечка показывает перед собой. – Они дерутся и даже не обращают на меня внимание.

Перед нею в небольшой траве две зелёные ящерицы, вцепившиеся друг в дружку и крутящиеся вокруг, выгибаясь в разных позах. Я беру ведёрко и накрываю их сверху, потом просовываю руку и хватаю одного драчуна. Его сердечко бешено бьётся, он учащённо дышит, но не предпринимает попыток вырваться.

Присаживаюсь на лавку. Илья встаёт рядом.

– Боишься?

– Ни-и-и...

– Погладь её.

Малыш аккуратно касается головы, потом туловища пресмыкающегося. Я разжимаю ладонь и выпускаю нового друга, который быстро по моей руке забирается мне на шею. Ребёнок смеётся и хлопает в ладошки. Он потихонечку поглаживает ящерицу, которая не спеша спускается по мне вниз и прыгивает в траву.

Переехав на речку, Игорь долго бегал по берегу и в конце концов сделал вывод, что из-за сильного течения надо ехать на другое озеро. Так мы гуляли до самых сумерек.

Когда ехали по деревне, в свете фар увидели переходящего дорогу ёжика.

– Илья, смотри. Вон впереди. Видишь? Кто там?

– Чё?!

– Вы что, в Китае живёте? – улыбаюсь в свою очередь. –

Идём, посмотрим.

Останавливаю легковушку. Подходим с парнем к остановившемуся зверьку, тень от которого вытянулась далеко и напоминала чудовище.

– Это ёж!

– Ож! – повторил мальчуган.

– Смешной. Правда?

– Дя! – потянулся к иголочкам. Животное фыркнуло и продолжило свой путь по невиданным нам делам.

Отдохнувшие и основательно проголодавшиеся, все шумно сидели за столом, вспоминая неудачную рыбалку, а я прилип взглядом к системному блоку компьютера, где весело подмигивал «Светлячок».

3

– Варлаам, тебе когда на смену? – брат помогает Сонечке на кухне.

– В восемнадцать заступаю, – присаживаюсь у стола.

– Пропал день, – разочарованно произносит шурин.

– А вы когда планировали на родительский дом? Может,

сегодня все вместе? И мы чем-нибудь поможем.

– Завтра! – с веранды входит Катерина. – Оставим у вас Илью. Самим сподручнее будет. Сколько успеем, столько и сделаем. Вечером к вам вернёмся.

– А-а-а-а, – с пониманием. – А где внук?

– С котом на улице... Местность изучает, – улыбается жена.

– Можно поехать в зоопарк, можно в конный клуб. Если сейчас сразу выдвинуться, успеем и туда, и туда..., – рассуждаю вслух.

– Отлично! – Игорь преображается на глазах. – Пять минут на сборы! Маршрут утверждаю!

Выхожу во двор – никого. На огороде смех колокольчиком. Оказалось, Вася с парнем играют в догонялки. Наш любимец быстро перебегает от дерева к дереву, а малыш пытается его поймать.

– Вот старый дурень, – питомцу хвостатому. – Нашёл себе забаву. Ты ещё за бантиком побегай. Илья, в зоопарк поедем?

– Неть! – продолжая бегать.

– Там есть медведь, крокодил, тигр...

– Чё?! – остановившись, заинтересованно.

– ... обезьянки и попугаи...

– Дя! – бежит ко мне, расставив ручонки.

Подхватываю мальчонку и подбрасываю вверх. Он заливается смехом.

– А можно на лошадке покататься...

– Дя! – ставлю его на землю, он задумывается.

– Вы чего здесь? Мы уже готовы...

– Тика! – ребёнок топнул ножкой.

– Ты чего? – брательник выпучил на внука глаза.

– Вам, ди-и-и...

– Мне кажется, он хочет на пони кататься, – делаю виноватый взгляд на мужчину.

– Да?! – дедушка пожимает плечами.

– Дя!

Едем через райцентр. Илюша из ниши между сиденьями достаёт коробок спичек:

– Ка! – смешно пытается хлопнуть себя ниже спины.

– Ремня дали? – проявляю участие.

– Дя-я-я-я..., – на выдохе печально.

– Значит, положи на место и не трогай, – Игорь назидательно.

– Дедь, И-и-и-и! – тычет пальчиком.

– Ну, вы даёте. Такого маленького ремнём...

– А сам? – Соня смотрит на меня. – Забыл, как Ванечку воспитывал?

– Я пугал больше, но не лупил...

– Представляете, – жена рассказывает родственникам, – пришёл домой с улицы, снимает куртку, а из кармана коробок выпал. «Зачем?», – спрашиваю. «Надо!», – отвечает. «Надо зачем?». «На всякий случай!». «Это какой случай?», –

интересуюсь. Он на меня уставился своими глазёнками и молчит.

– А лет ему тогда было скорее пять. Осень. Все траву и листву палят, – стараюсь помочь любимой.

– Не перебивай! Не знаю почему, задаю сыну вопрос: «Что к тебе подойдёт взрослый дядя и попросит прикурить?». Он на меня посмотрел, засмеялся и протянул спички.

– А вечером пришла соседка жаловаться на Ваню. Он вместе с друзьями в конце их участка коптилку спалил. Была и... нет!

– Не поверите. Мы его тогда наказали, гулять не пускали. Спустя годы встречаем соседку, а она нам рассказывает, что нашего у них тогда вообще в гостях не было. Дети её обманули, свалив всё на Ивана.

– Не пойму, почему он тогда молчал? – брат рассудительно.

– Маленький был. Не сказал ни правды, ни обманул. И теперь такой, – супруга вздыхает.

Подъехали к территории конно-спортивного клуба. Погода нахмурилась, небо заволокло облаками, подул ветерок. Парнишку облачили в курточку, надели шапочку.

– Держи, – протягиваю шурина пачку с рафинированным сахаром.

– Зачем?

– В конюшне пригодится.

Мы с Сонечкой расположились в беседке рядом с откры-

тым манежем, наблюдаем за работой жокея на вороном красавце. Родственники с менеджером отправились на экскурсию.

Прошёл час. Игорь с Катей пришли слегка уставшие, а Илюша был счастлив от увиденного.

– Долго вы ходили, – подвожу итог.

– Ты бы пачку с сахаром побольше купил, мы бы вообще не вернулись, – сетуют взрослые. – Он всех там накормил...

Мальчик пытается поделиться впечатлениями.

– А-а-а-а, – он поднялся на носочки, поднял руки. – Дя-я-я-я.

– Лошадки? – интересуюсь.

– Неть!

– Не понял, – улыбаюсь.

– Ши-и-и, – дергает бабушку.

– Кролики с большими ушами, – переводит Катерина.

– Дя!

– Понятно. А ещё кого видел.

– Оть, – тычет пальчиком в коня на манеже.

– Лошадок?

– Дя-я-я, – кричит восторженно, хлопая в ладошки. – Ба-ба, Ка, ы-ы-ы-ы.

– Сейчас приведут маленькую коняшку, и будешь кататься.

Соня смотрит на это светловолосое чудо и теряет слезинку, настолько парнишка напоминает ей маленького сына. Не

сдержавшись, она берёт ребёнка на руки, прижимает, целует и несёт навстречу менеджеру, ведущему к нам пони.

Илья в седле верхом в сопровождении молодого человека делает круг, а мы все в один голос кричим:

– Понравилось?

– Дя!

– Ещё поедешь?

– Дя!

– А сколько стоит круг? – вопрошает Игорь.

– Сто пятьдесят, – отвечает специалист.

– Копейки! Как скажет, что надоело, так и поедем домой.

Внук делает очередной круг верхом, а бабушки с дедушками кто фотографирует, кто записывает видео, и каждый просит улыбнуться, посмотреть в камеру... пока Дальневосточный казак не сказал: «Ватить!».

На обратном пути купили мясо на шашлык. Во дворе показал двоюродному шурина, где дрова, вытащили большой мангал. Сонечка маринует мясо. Гости во дворе накрывают на стол. Илья смотрит мультфильмы.

Я переоделся, собрал сумку.

– Пока!

– Ка-а-а! – мальчишка, не отрываясь от экрана, машет ручкой.

«Ты меня совсем забыл!», – грустно подмигивает «Светлячок» компьютера.

Целые сутки томился, тосковал, тянуло домой. Егор ушёл в отпуск, его замещает товарищ моего возраста. Мужчина серьёзный, ему не до разговоров. Мне дела нет до его забот, как и ему до моих. Такое со мной впервые. Места себе не находил до прихода сменщиков, а как их увидел, в считанные минуты приём-передача, и я мчусь по трассе, превышая скоростной режим.

– Привет! – переступаю порог.

– Мяу! – здоровается кот.

– Как у нас? – сбрасываю обувь.

– Мя-я-я-я! – Вася поднимает трубой хвост и трясёт, чему-то возмущаясь.

Вот те раз седьмой час, а у него миска пустая.

– Забыли про тебя... пять минут, – подмигиваю питомцу.

Вхожу в хату. Сонечка на кухне. Из комнаты звуки гитары.

– Милая, я приехал! – приобнимаю жену за плечи, целую и шёпотом. – Это кто инструмент мучает?

– Илья поёт... Садись ужинать.

– Надо животину покормить, нервничает.

– Пока переоденешься, я ему наложу.

Тихо прохожу в зал. На полу лежит гитара, рядом присел малыш. Он дёргает за струны или проводит по ним ладошкой и что-то мычит себе под нос, отдаленно напомина-

ощее шаманские страдания.

– О чём твоя песня?

– Вам, ве-е-ет! – ребёнок вскакивает на ножки и бежит ко мне.

Поднимаю его на руки, прижимаю эту драгоценность. Вот чего мне не хватало на работе.

– Пойдём умоемся и будем кушать.

– Дя-я-я!

Перекусив, размещаемся на диване.

– А Игорь с Катей не звонили?

– Чуть позже придут, ещё порядок наводят, – отвечает любимая.

– Ну что, молодой друг, будем петь?

Вместо привычного ответа паренёк качает головой в знак согласия и смотрит на меня с явным удивлением.

– А вот я ни одной детской песенки полностью наизусть не знаю. Давай посмотрит в Интернете?

– Дя!

Наконец-то чудо электроники вспыхнуло монитором и зажужжало вентилятором, издав радостный «Пик». Через поисковик находим, скачиваем и распечатываем несколько текстов из мультфильмов. Я беру инструмент, перекидываю через голову ремень, провожу большим пальцем по струнам и...

«Я на солнышке сажу,

Я на солнышко гляжу...

Все сижу и сижу

И на солнышко гляжу».

– Сё! – радостно кричит Илюша.

– Всё? – недоумеваю.

– Неть! Сё!

– Варлаам, ещё! – подсказывает жена.

Теперь мы с нею поём вместе, а мальчишка пританцовывает и выкрикивает окончания:

– Жу-у-у, жу, жу-у-у, жу...

Супруга берёт в руки телефон, пересаживается в кресло и включает видеозапись.

– Держи, – достаю из ящика микрофон и передаю внука-тому племяннику.

«По синему морю, к зеленой земле

Плыву я на белом своем корабле.

На белом своем корабле,

На белом своем корабле».

Ребёнок, пританцовывая, кричит, изображая певца на сцене, а когда мы запели припев:

«Пусть мама услышит,

Пусть мама придет,

Пусть мама меня непременно найдет!

Ведь так не бывает на свете,

Чтоб были потеряны дети»,

он заплакал.

– Ты чего?

– Ма! – всхлипнул.

– Соскучился?

– Дя!

– А давай напишем ей письмо?

Слёзки пропали, а интерес возрос.

– Чё?!

Убираю гитару, присаживаюсь перед монитором, подвигаю клавиатуру, Илья удобно размещается на моих коленках. Создаём новый документ, делаем крупнее шрифт.

– Всё довольно просто. Первая буква, «М», – показываю малышу, и он тут же нажимает на клавишу. – Отлично! Вторая «А»! И снова «М» и «А».

Несколько раз пальчик бьёт по кнопочкам, а на экране возникают слова: папа, баба, деда...

– Ты знаешь, как маму зовут?

– Чё?!

– Ты – Илья! А мама?

– Ёна! – смеётся от своей сообразительности.

Теперь документ содержит имена: Алёна, Ваня, Игорь, Катя, Вам и Соня.

– Сям! – слазит с моих ног и показывает, чтобы я ушёл.

– Хорошо! – отхожу и наблюдаю, как старательно набирается словесная абракадабра.

За этим занятием застали внука вернувшиеся после дня трудового Игорь с Екатериной. Они управились за день. Привели в порядок жилую площадь родительского дома,

машинка автомат перестирала самое необходимое. Ребята успели посетить местный магазин, заполнить холодильник.

Пока они рассказывали про свои успехи, моё настроение падало с каждой минутой.

– Сегодня у нас переночуете, а завтра мы вас проводим, может, чем поможем...

– Спасибо Варлаам! Мы и так на шее у вас славно посидели. Пора и честь знать, – Катя серьёзная, прямо не родная.

– У людей наверняка свои планы, – вторит ей моя милая.

– Ну да! Конечно!

Зря я так расстраивался. С ранними петухами шурин был у калитки и нажимал кнопку звонка.

– Привет! – выхожу.

– Я вчера совсем забыл... нам в девять утра надо быть в МФЦ.

У меня чуть не вырвалось: «Так автобус скоро отходит!», – но сдержался.

– Заходи! Умоюсь, оденусь и поедем.

– Не торопись! Мы же на машине, – узнаю родственника.

Весь отпуск Дальневосточников мы то ездили с ними по их неотложным делам, то развлекались с их внуком. Всё хорошее заканчивается быстро. Время пролетело одним мгновением, да так, что, когда прощались на железнодорожном вокзале, все обнимались и растирали по щекам слёзы.

– Сё! – скомандовал сидящий у меня на плечах казачонок. – Отъ! Ту!

– Пора! – чётко сказал Игорь.

– Не скучайте..., – натянуто улыбнулась Катя.

Мы с Сонечкой обнявшись, с перрона махали в вагонное окно, с другой стороны которого улыбался Илья, прижавшись ладошками и носиком к стеклу.

Посиделки

Отшумели майские праздники. Остыло небо от салютов Великой Победы в честь героев, ковавших нашу независимость и свободу на полях сражений и в тылу.

Май слегка расстроил своими аномалиями. Где-то по ночам морозы, где-то снег покрыл цветы и зелень парков и садов, а у нас...

– И за что это нам всё? – в полный голос причитает сосед через забор. – Чем мы его прогневили?

– Павел, чего ругаешься, – мне его не видно, как и ему меня.

– Молчать не могу, слёзы в три ручья. Зойка слегла от увиденного... А у вас как с деревьями и кустарниками?

– Нормально!

– Как?!

– Как всегда..., – за забором тишина.

– Вы что, всё накрыть успели?

– Нет!

– Ничего не побило?

– Ну-у-у-у-у, самую малость...

– Вот видишь! У людей всё в порядке, а у нас, – врывается в ухо голос Зои.

– У нас чуть-чуть мороз не тронул, остальное скорее как и у вас – виноград чёрный, ягоды вишни и черешни потем-

нели, макушки на деревьях закрутились...

– Варлаам, хватит издеваться. Сразу надо говорить, что и как, а то у нормальных людей сердце чуть не зашло, – сосед явно злится. – Выходь на улицу!

Перед воротами обсуждаем природное явление с циклоном. Руками жестикулируем, тихо возмущаемся. Тут Серёга на своей волге домой вернулся.

– Мужики, здорово! Чего крылами машите...

Мы ему о наших чаяниях.

– Странно! А у нас всё зелёное..., – Елена выходит из ка-литки.

В этом месте даже я поперхнулся.

– Как так? Мать перемать... Мороз что, мимо вашего двора ходил?

– В самый раз по-нашему и пробежал. Всё стоит зелёнькое и звенит примороженное.

Здесь и Зоя вышла, и моя любимая подошла.

– Кворум есть, – выпалил Пашка.

– Выступления в прениях должны быть краткими, как тост, – подхватил Сергей.

– А тост, словно выстрел, – заключаю я.

– Может, вечером посидим? – Зойка, провокаторша, шуток мужских не понимает.

– У нас грудки куриные замаринованы и купаты. – я чуть не присел, это уже Сонечка поддалась соблазну.

– Тогда с нас сало, колбаска и..., – Лена застрочила с пе-

речислениями.

– Стоп! Расходимся! – смотрю на часы. – Сбор в семнадцать у нас во дворе.

Пока домашними делами занимались, на улице ветер поднялся, но договор дороже денег. В шестнадцать иду к мангалу, накладываю дровишек из дерева абрикоса и разжигаю. Весело пляшут языки пламени. Чуть больше среднего прикрываю крышку. Спустя время отгребаю не прогоревшее в сторону, оставляя угли, разравнивая их по центру.

Соня раскладывает мясо на одну решётку, колбаски на другую и всё это богатство ставит на мангал. Теперь главное не мешать специалисту.

– Варлаам, ветер сильный, прохладно. Иди в зале стол раскладывай. Скатерть в нижнем ящике комода. Хлеб нарежь, салаты расставляй. Бокалы под вино на верхней полке над мойкой, там же рюмки...

Разместил тарелочки с вилочками по числу приглашённых, на часы взглянул: «Непорядок! Семнадцать десять, а дорогих гостей нет...». Выхожу на веранду: «Странно, Васи нет... гуляет!». А на огороде консилиум по теме: природные катаклизмы и как с ними бороться. Соня водит экскурсию по участку.

Становлюсь невольным мангальщиком. Смело переворачиваю мясо и купаты.

– И чего тебе там надо? Я оставила, чтобы внутри хорошо прожарилось, – волевым движением меня отстраняют в

сторонку.

Уже через полчаса сытые и довольные, ведём раскрепощённые разговоры за столом, забыв про все неприятности.

– Так, хорошо! И чего не собрались ни на первое, ни на девятое? – с сожалением произносит Елена.

– Зато на Пасху пробежались, стукнулись яйцами, куличами обменялись и каждый в свою «берлогу», – Павел явно в хорошем расположении духа.

– Давайте споём! – предлагаю соседям.

Беру гитару, достаю свои талмуды с нотами и словами.

«Не для меня придет весна,
Не для меня Дон разойдется,
И сердце радостно забьется
В восторге чувств не для меня!»

И настроение праздника заиграло новыми красками. Пели песни застольные и эстрадные, нашей молодости. Вспомнили репертуары «Машины времени», «Самоцветов», «ДДТ», «Песняров»...

Между делом Серёга разливал. Гремели тосты Павла и снова пели. Видно, хорошо поднабравшись, перешли на разговоры о насущном.

– А у вас домашней есть? – Лена обвела присутствующих взглядом.

– А что? – Зюечка напряглась. – У вас тоже завёлся?

– Как Серёга на работе ходит по второму этажу. Топает, как слон.

– А наш тихий..., – вздыхаю.

– Варлаам ему то молочка, то хлебушка с солью..., – под-
держка от жены.

– Не только, ещё и играть разрешаю на инструменте. Он так бывает, бренчит и в нос себе поёт жалостливо...

– Правда? – жена Серёжки прямо напряглась.

– Честное слово!

– А наш меня ночью остановил в коридоре. Стоит весь та-
кой лохматый, морда медвежья... Я развернулась и в туалет
не пошла. Мужу жалуясь, он не верит. Пошёл проверять, а
там никого.

– Приснилось, наверное, – Паша улыбается.

– Чего лыбу давишь. Наш тоже с такой же мордой, только
от него пахнет землёй сырой, – жена ему парирует.

– И ты видела? – удивлению супруга нет предела.

– Я то ладно, а вот помню, когда ещё до пенсии работала,
одна разведёнка, жаловалась, что приходил к ней домовой и
любовью занимался, – многозначительно так сказала и глаза
выпучила.

– Всё это брехня, – Пашка уже на смех перешёл.

– Я тоже такое слышал, – вставляю свои знания по теме. –
Люди говорят, приходит к одиноким женщинам или к тем, у
кого мужа пьют много.

– Ты это на что намекаешь, – неожиданно настораживается
Павлуша, а мы все ухахатываемся.

– Девочки и мальчики, всё это от усталости наваливает-

ся. То не высыпаемся, то ещё что, – супруга моя спокойно. – Мне тоже, было дело, показалось, что на мне сверху ночью кто-то сидит и душит, а рука вниз с кровати свисает... тяжёлая такая, поднять не могу. Неудобно, скорее всего, лежала, вот и затекла конечность с шеей.

– Главное, как увидите, не забудьте спросить, он с добром или со злом пришёл, – подначиваю честную компанию.

И тут кто-то в окошко со стороны огорода постучался, тихо, но звонко, как будто гвоздиком.

– А-а-а-а, – хором произнесли сидящие за столом. – Это что?

– Нечто! – отвечаю на полном серьёзе. – Ему не нравится, что о нём много пустозвонят, вот и предупреждает. Сейчас ещё раз постучит...

«Дзинь-дзинь-дзинь» раздалось по стеклу.

– Пойду Нечто запусу. Нагулялся, кушать просит..., – иду Ваську запускать, а в зале тишина. Лица у всех такие серьёзные, только Сонечка улыбается.

– Кот вернулся. Это у него сигнал такой. Обозначился, что пришёл.

«Фу-у-у-у» выдохнули гости.

Водосчётчик

Несмотря на вечернюю прохладу, возвращаюсь из магазина в хорошем настроении. Из почтового ящика торчит уголок бумажки. Квитанция на оплату из водоканала, а к ней приколот листочек с уведомлением о необходимости замены прибора учёта в течение месяца. Вроде бы ничего страшного, всё ясно и понятно, но настроение сразу испортилось.

Впереди выходные и праздничные дни. Сегодня уже поздно общаться с абонентским отделом. Ожидание томительно и поговорить не с кем: «Как это? А Павлик?».

Оставил пакеты с продуктами, предупредил жену и к соседу.

– Вот! – показываю ему записку.

– Фигня! – лаконично и важно.

– Ты мне объясни, может, что у вас там поменялось. И почему замена, а не поверка?

– Не морочь себе и людям голову. Купишь новый прибор, поставишь, позвонишь и всё будет...

– Подожди. У вас там есть же специалисты. Может, попросить, чтобы установили?

– Да ты чего? Они деньги возьмут.

– Заплачу...

– Четыре тысячи?

– Ого! Ну и расценки у вас в конторе. Сам попробую.

– А не надо... пригласи меня, я по-соседски помогу. Мне всегда в радость чай испить, о жизни поговорить.

На том и порешили, хлопнули по рукам. В первый рабочий день мчусь в район, приобретаю новенький водосчётчик Арзамасского приборостроительного завода. Проверяю его работоспособность, словно всю жизнь с ними дело имел: ду-нул, крутанул, поправил, осмотрел фитинги.

Уже дома подумал: «Зачем Павла беспокоить? Человек, наверно, занят. Сам постараюсь. Главное резьбу не сорвать, а то я себя знаю».

На удивление, демонтаж старого и монтаж нового произвёл быстро. Подал воду, подтеков нет. Порадовался. Сразу перезвонил в абонентский отдел водоканала и сделал заявку на пломбировку. И здесь первый раз про себя ругнулся. Надо же, контролёр будет в течение месяца. Непорядок, но делать нечего. Смирился на редкость быстро. Принял как должное, но к соседу пошёл за консультацией.

– Не заморачивайся. Они потом данные сверят, высчитают, и оплатишь.

– Они точно не будут брать по среднему? А то газовики с меня в прошлый год за сутки, словно за неделю, насчитали. У них там свой локальный документ, и они среднюю цифру выводят за двенадцать месяцев.

– Фигня! Варлаам, забей. У нас контора серьёзная, мы лишнего не берём. Хочешь, позвоню коллеге, она подтвер-

дит?

– Давай!

Сосед набирает номер. Разговор короткий. И мне слышен женский голос: «Успокой друга. У нас всё по-честному!». Значит, поддержали меня. Жду!

На десятый день позвонили: утром предупредили, а во второй половине приехала работница водоканала из района.

– Здравствуйте!

– Проходите, пожалуйста! Объект под раковиной. Я вам место приготовил... только..., – я оцениваю полное тело женщины в возрасте за пятьдесят. – Может, я сам, а вы подскажете, как правильно? А то неудобно...

– Нам не привыкать, – вооружившись пломбировочным материалом, она присела, потом встала на коленки и нырнула в пустоту.

– Лена, привет! – в кухню вошла супруга.

– Со-о-не-е-ечка, – протянула выглянувшая голова. – А я думаю, адрес знакомый, но вспомнить никак не могу. Что-то я в последнее время разболелась, неважно себя чувствую...

– Давление? – проявляю участие. – Так погода вон туда-сюда гуляет.

– Магнитные бури, – вставая на ноги, утвердительно заключила Елена.

– У нас тонометр есть, сами страдаем. Хотите померить?

Контролёр присаживается, надевает на плечо манжету... «Пик» возвестил аппарат.

– С таким давлением в космос, а мне плохо, – ни к кому не обращаясь, проговорила она.

– Может, кофейку?

– Варлаам, не приставай к человеку, – любимая смеётся. – У него все, кто вошёл – гость. Должен за стол усадить, накормить...

– Нет! Спасибо! Мне потом мучайся, туалет ищи.

Женщины разговаривают, вспоминая только им известных людей и ситуации, потом переходят на темы сада и огорода, цветов. Я кладу на стол копию паспорта счётчика. Специалист готовит акт.

– Посмотрите, пожалуйста, показания, – обращается ко мне.

Наклоняюсь, подсвечиваю фонариком с телефона.

– Двести десять.

– Нет! До запятой.

– Все нолики, а после...

– Что-то не так! Включите воду!

– Мать перемать, – только и вырвалось из меня. – Да, ёсики-колёсики! Пень через колоду! Ногу за ногу!

– Ты чего разошёлся? – возмущается Соня.

– Так он неисправен. У меня записано. Вот! Видишь, когда купили, после запятой было сто восемьдесят пять... Мы, как не крути, куб израсходовали. И колёсико стоит на месте.

– Ребята, не волнуйтесь. Мне завтра сюда ехать, ещё по адресам ходить, – собирая сумку, заключила Елена. – Поез-

жайте в магазин, меняйте... Чек остался?

– Конечно! – ворошу бумагами, извлекаю заветные квадратки.

– Это хорошо, сейчас заметили, а если бы комиссия с проверкой нагрнула... Всё!

– Что?

– Штраф! – как пришила гостя.

Ветер свистел в приоткрытое окно. Соня молчала. Внутри меня всё кипело.

– Странно! У нас такого раньше не было, – проговорила девушка на кассе и позвала, – Наталья Петровна, у нас возврат. Что мне делать?

Звонившая товароведу администратор искоса поглядывала на меня. Я уже был готов весь гнев выплеснуть на её голову.

– Ирина, – обратилась она к кассиру. – Обмен или возврат по желанию покупателя...

– Обмен! – твёрдо сказал я.

Когда делаешь сам, всегда получается на славу. С матами гайки и фитинги поддались давлению газового ключа и начали откручиваться. Однако монтаж потребовал ласковых угроз, которые помогли сборке и установке на штатное место водосчётчика.

– Фу-у-у-у-у, – выдыхаю и включаю подачу, открываю гусак на мойке...

– Чтоб тебя в качель, да через колено..., – на верхнем

крепления появилась капелька и стала расти, стекая тонюсенькой струйкой.

Спустя время сижу за столом, натянув на плечо манжету, жму кнопку «Вкл.» и жду цифры артериального давления.

– И чего нервничал? Ты когда спокойно делаешь, лучше справляешься, – Сонечка гладит меня по волосам.

«Пик»... отозвался электронный друг.

– Ну вот! Таблетку и на диван...

Отодвигаю жену, смотрю под раковину на чудо прибор.

– Сухо! – расплываюсь в улыбке. – Открой кран!

Вода журчит, колёсико крутится.

– Работает!

Специалисты

Каждый год, начиная с февраля, супруга высаживает семена на рассаду. Что-то раньше, что-то позже, но в мае на грядках свои овощи набирают силу, завязываются... Да вот в этом году не повезло. Растения находились на веранде, и в первую ночь заморозков часть зелени пожухла и «скисла». Пришлось докупать у соседей.

– Свет, нам десять огурцов, шесть баклажанов, сладкого перца кустов восемь, горького парочку. И капусты цветной, наверно, двенадцать...

– Сонь, чего так мало берёшь? – соседке выгодно в посёлке распродать побольше.

– Я подкупаю. Своя, что выжила, ждёт открытого грунта. Слово за слово, разговор и про погоду, и про новые сорта. Тут в калитку входят ещё покупатели, семейная пара уже в возрасте. Тоже жалуются на низкие температуры, которые побили их труды на даче.

Я складываю покупку в ящик. Жена рассчиталась.

– А перцы поглубже закапывать? Как помидоры? – вопрошает дачница.

Светлана подбирает слова, чтобы не обидеть людей, старается спокойно объяснить, но рынок оставил свой отпечаток, и у неё получается с упрёком. Вовремя спохватившись,

она берёт лопатку, делает ямку и на примере показывает правильную посадку.

– Выкрутилась, – улыбается Соня.

– Опыт не пропьёшь, – заключаю я. – Зачем расстраивать дачников. Потом с претензией могут приехать, а если нет, то в будущем году не появятся и мимо прилавка пройдут. Политика!

– А мне было прямо невмоготу объяснить женщине. Еле сдержалась... Чего командовать на чужой территории?

– Согласен...

– Я приедем с Ямала, уже раз подсказала. Осталась без вины виноватой. Правда, Люда потом со мной согласилась, но урожай морковки и малины был у них в тот никакой. Не послушали, не проредили. Я ещё им начала продёргивать, Вова меня остановил... мол, сами с усами...

– Кто людям помогает, тот поступает зря, – смеюсь, – Шапокляк плохого не посоветует...

Ближе к вечеру приступили к земляным работам. Дело спорится быстро. Я перекапываю грядки, жена удобряет землю, распределяет рассаду. В завершение хожу с лейкой, набирая воду из бочек, и поливаю.

Закончив, решили посидеть во дворе, чай испить и закатом полюбоваться. И тут привычную тишину разрывает свист и над головой всполохи разноцветных фонтанчиков, скользя вниз, радуют глаз фейерверки.

– Красота какая! – Сонечка подняла голову.

– У меня аж сердце чуть не выскочило из груди от неожиданности...

– Какие мелочи. Смотри, прелесть какая, – словно издевается.

– Не знаешь, у кого праздник или день рождения?

– Нет! Не слышала...

Где-то в стороне слышны восторженные крики и скандирование: «По-о-оздра-а-авля-я-яем!».

– Соня, помнишь, как в декабре ходили по рынку в районном центре, скупались на новогодние каникулы?

– Да! И как это связано с салютом...

– И с ним в привязке, и со Светой, с её перцами. Мы с тобой ёлочками искусственными любовались, а рядом женщина с мужчиной с продавцом пиротехники общались. Он им всё пытался коробки продать, а у них, видно, с финансами было туго, а может, и не надо много.

– Это когда покупательница вопрос задала: «А можно вот эти трубочки с балкона запускать?»...

– Точно! Ответ специалиста поразил: «И в квартире можно! Установите и поджигайте фитилёк!». Хорошо, проходящий мимо парень остановился и возмутился такой консультацией.

– Представляешь, какое было бы у семьи веселье, если бы они прямо в комнате фейерверк бахнули?

В тёмное небо, словно из автомата, со свистом взвилось десятка два мелких ракет, рассыпавшихся многоцветными

шапками, похожими на огромные одуванчики, сопровождаемые далёкими криками: «Ура-а-а-а!».

Мошкара

С годами то ли опоры просели, то ли повело металл, ка-литка на воротах стала шоркать профильными трубами и при нагревании на солнышке, клинить. «Такое безобразие терпеть невозможно... Что я безрукий? – рассуждаю, прикидывая объём предстоящих работ. – Дело плёвое, верхний правый угол. Значит, поперечную трубку обрезаем, укорачиваем и крепим. Заодно и замок с плавающим ригелем подправить надо. О! А здесь чуточку укрепить, планку наварить».

С вечера готовлю инструмент, подбираю металл, ставлю на зарядку аккумуляторные батареи шуруповёрта с болгаркой.

Три дня стоит прекрасная погода. Небо ясное, чисто-голубое, жёлтый диск в зените прогревает воздух до двадцати пяти градусов. На дворе повозиться только в радость.

Поднялся пораньше. Покормил питомца и только решил переодеться в соответствующую форму для сварочных манипуляций...

- Варлаам! Мне надо в магазин, – любимая с веранды.
- Может, сама съездишь? – настрой не хочется сбивать.
- Надо в район... в тканях прикупить расходники, – по надутым губкам понимаю, что придётся внести поправку в

свой план.

В начале девятого, с открытием торговой точки, жена выбрала необходимое, забежали на центральный рынок и обратно. «Целый день впереди! Успею!», – самовнушение помогает подрасти позитиву на одну ступеньку. Да вот на въезде в посёлок дорожники занимаются ямочным ремонтом. Приходится пропускать встречный транспорт, потом техника строительная перемещается. Недолго простояли, а в голове: «За спрос не бьют! Надо бригадира попросить о помощи», – вылезая из салона легковушки.

– Ребят! А кто старший?

– Вон на катке...

– Имя его как?

– Миша!

Мужчина примерно моего возраста укатывает большими «бочками» асфальт. Запрыгиваю на подножку.

– Здравствуйте! – протягиваю ладонь. – Варлаам!

– Михаил, – крепкое рукопожатие.

– Мне консультация нужна опытного человека...

Кратко объясняю про наш косогор, дорога на котором из года в год вымывается дождями. Объект местного значения, у администрации на его подсыпку и планировку денег нет.

Специалист с пониманием выслушивает.

– Через полчаса подскочим, там определимся.

Возвращаюсь, насвистывая мелодию из репертуара группы «Сплин».

– Договорился? – супруга щурится от яркого лучика.

– Приедут, глянут, подскажут, – отвечаю скороговоркой.

Второй подход – переодеваюсь. Выношу инструменты, снимаю калитку и откручиваю саморезы, которые держат профнастил. Расшиваю нужный угол, зачищаю от краски. С улицы раздаётся сигнал клаксона. Выхожу.

– Вон! – показываю. – Пройдемся?

– Мне уже отсюда понятно. Это будет не дёшево.

– Сколько?

– Машина с материалом, доставка, погрузчик или грейдер... на круг семьдесят тысяч, – дорожник пожимает плечами.

– Да-а-а-а, такую сумму я не потяну. Спасибо, что не отказались подъехать оценить.

– Всё нормально. Если будет свой гравий или другая сыпучка, спецтехнику выделю и скидку сделаю, – Михаил передаёт визитку.

– Это лучше, чем ничего. Поговорю с соседями, может, вытянем нагрузку. Схожу к главе... должен же он посодествовать. Ему уже плешь автолюбители проели. До свидания!

Рабочие уехали, а я вернулся к своему занятию.

– Мать перемать! Блин! Булочка! Батончик! Оладушек! – как из рога изобилия с меня сыпятся ругательства. Мошकारа окружила меня плотным кольцом, лезет и в нос, и в уши, попается в волосы и стремится попасть под одежду.

Размахивая руками, устремляюсь в дом.

– Сонечка! Дай спрей от гнусов!

– Этот полный, этот почти пустой, – милая выдаёт «химическую» защиту.

Обильно распыскиваю содержимое початого баллончика на себя и продолжаю начатое, но крылатые одолевают с новой силой. Кот с интересом смотрит, как я прыгаю, охлопываю себя, стараясь увести «тёмное облако», убегая от него по тропинке, ловко возвращаясь к «железному скелету», ждущему меня со сваркой.

Закрепляю электрод, подаю напряжение, прицеливаюсь к стыку и опускаю маску, а под ней туча противной мелюзги. Отбрасываю держатель, подскакиваю на ноги и пытаюсь освободить лицо от назойливой мелочи.

– Варлаам, тебе помочь? – жена берёт лист картона и разгоняет стаю гнуса. – Они не улетают...

– Да что за наказание? То холод, то жара, а теперь эта напасть...

С третьей попытки прохожу швы, зачищаю. Получилось хорошо, а могло бы и отлично. Меняю диск на шлифовальной машинке и вырезаю металлическую ленту, усиливаю конструкции.

Пока вожусь с замком, Соня энергично обмахивает меня то спереди, то сзади. Каким-то образом один, надоедливый, попадает в ноздрю как раз на вдохе и застревает где-то в паху. Чихаю, выдуваю... никак не могу от него избавиться, а

он не сидит смиренно, шевелится и щекочет внутренности.

– Падла-а-а-а! – включаю воду и промываю нос.

То ли жучок задохнулся, то ли вылетел, движения прекратились.

Справившись с ранее намеченным, провожу сборку, смазываю петли и навешиваю дверцу.

– Ты закончил? Пошли домой...

– Надо покрасить, – встречаю непонимание. – Потом! А сколько уже времени?

– Половина второго.

– С этой мошкой долго провозился.

Любимая идёт разогреть суп, я раскладываю всё по местам и отмахиваюсь от назойливых мушек. Василий лежит под лавкой. Чёрные пятнышки облепили его со всех сторон. Бедняга закрыл лапами носик, ротик и сложил ушки.

– Беги в хату! Хватит проявлять солидарность! – хвостатый пулей влетает в открытую дверь веранды и, уже спокойно сидя на столе, следит за мной сквозь стекло слегка опущенными глазками.

После душа обедаем. Тело зудит, почёсываю голову, руки, ноги. Лицо горит и непонятно то ли от загара, то ли от спрея, а может от укусов.

– А нам ещё подсаживать помидоры, тыквы... и полить всё обязательно, – супруга наблюдает за моей реакцией.

– Будем всё делать шустро! Главное не останавливаться... – улыбаюсь, а сам представляю скорые мучения с мел-

кожужжащими, которых никакие средства не смогли успокоить.

Он вернулся

В очередной раз еду заступать на смену без настроения. Нет моего молодого начальника, поговорить не с кем по душам. Опять томиться от скуки.

– Варлаам Иосифович, как я рад! – мне навстречу, когда я вошёл в операционный зал, с распростёртыми объятиями чуть не бежит Егорка.

– Ёпрэст! Тудыть её через кочерыжку! – обнимаю инженера и даже слезинку выпустил правым глазом, наверно, что-то попало. Может, гнус застрял.

– Вы не поверите, как я скучал по заводу, где мы вместе с вами, – уклончиво поёт дифирамбы. Скорее не хочет показаться размазнёй перед нашими коллегами.

– А я больше по тебе! Работа серую стала, померкли софиты, замучили кадры..., – и рифма полилась. – Лишь ты озарил, Егор, моё место, которое было пустынно и мерзко.

Мужики ржут, словно на выпасе.

– благодарю вас за добрые слова. Принимаемся, а потом поболтаем, – включает руководителя. Да и верно, товарищи, после суток, чего их задерживать своими любезностями.

Всё дальнейшее происходит на позитиве, быстро, слаженно. Так могут только профессионалы высшего пилотажа. Журналы, сверки, проверка расчётов, контроль показаний

приборов.

Сегодня наш главный задержался, чтобы напутствовать прибывшего из отпуска. Первый час провожу в одиночестве.

– Формальности пройдены, – Егор занимает своё кресло.

– Кофе, чай или...?

– После рюмочки коньячку хочется только в зёрнах из нашего аппарата.

– О-о-о! – деланно выражаю удивление, смешанное с восхищением.

Молодость достаёт из сумки коробку шоколадных конфет с ликёром в начинке.

– Алкоголь?! – изумление.

– Да там его как кот наплакал... Только привкус и никакого запаха. Бойтесь?

– Что за выдумки. Просто я и в малых количествах ни-ни.

– Тогда вам, – напарник извлекает плитку чёрного шоколад. – Вот!

– Готовился основательно, – улыбаюсь. – Рассказывай, как отпуск провёл.

– Отдыхать, не работать...

Пьём кофе вприкуску со сладостями. Глаза привычно отмечают любые изменения на экране монитора и на пульте. Руки на автомате проводят нужные манипуляции.

– Я вас хочу пригласить на свадьбу, – выдавливает инженер.

– Будем с Сонечкой только рады поздравить молодожё-

нов! Решился?

– В тисках меня зажали. Со всех сторон надавили. Но я не против, знаю – пора уже.

– Молодец! Главное, чтобы раз и навсегда и по-настоящему! А медовый месяц где планируете гулять?

– Хотим в Таиланд. Там можно местный свадебный обряд пройти. Знакомые показывали, классно.

– О!

– ?!

– Тут на днях коротаем с женой вечерок. У неё телефон «пилик» да «пилик».

– Соня, кто тебе там всё наяривает?

– В группе одноклассники Иринку с днём рождения поздравляют!

– Это которая такая симпатичная, потом ещё медицинский закончила?

– Интересно, почему ты её помнишь?

– Вы часто втроём ходили... Короче, отправила ей открытку?

– Нет!

– Почему?

– Мне её ответ девочкам не понравился. Они ей просто от души, а она будто издевается: «Привет всем из солнечного Таиланда!» никакой скромности.

– Так напиши в её манере: «Поздравляю! Привет из знойного Дубая!».

– Не поверишь, Егор, что началось в их группе. Соня мне читает, я слёту даю ответ, она расписывает. И так подогрели интерес, что нас начали просить фотографии. Тут нам Интернет с фотошопом в подарок... Правда, я Ксюшу набрал, дочь меня пошагово провела, поддержала. Смотри, как получилось, – передаю парню свой смартфон.

– Прямо настоящие снимки! – с восторгом.

– Мы и сами поверили, что за границу ездили, – смеюсь. – Слушай, я не балуюсь крепкими напитками, давай буду вашим шофёром! Вы на чём планируете кататься?

– Батя свой «Ленд-Крузер» в двухсотом кузове предлагает, а мы хотим, как у людей, на лимузине.

– Это дело предпочтений. А мне на севере, когда я вахтовым методом трудился, директор даёт ключи от своего «Прадика» и просит смотаться до посёлка, водителей привезти. Все на автобусе прибыли, а двое опоздали. Вроде отзвонились, живы, здоровы... всякие случаи бывали.

Короче, принял машину и покатил. На условленном месте парни ждут. Оба бодрячком. Лица чуть помятые. Запрыгнули в салон, один рядом со мной, другой сзади. Проехали буквально метров двадцать, компьютер женским голосом на японском вещает информацию. У меня на панели лампочка мигает, пассажир не пристегнулся.

– Варлаам, это что? – вопрошают ребята.

– Я точно не знаю, но, кажется, кто-то из находящихся в автомобиле вчера спиртное употреблял.

Тот, который рядом, окошко приоткрыл и дышит через раз, второй отпрянул назад и спиной сидушку подпирает.

– Всё, мужики, – произношу на полном серьёзе и без улыбки, – сейчас большой босс вас высушит, вывернет и развесит на просушку. Что же вы себя так глупо подставили. Могут уволить. Нарушение, как ни крути, дисциплины.

– Мы не пили! Вот тебе истинный крест, – в один голос и осеняют себя.

– Значит, я! – улыбаюсь. – А вот ремешок безопасности надо накидывать... чтобы японочка молчала.

Весь путь они воздерживались от разговоров. Уже позже, когда домой возвращались, спасибо мне говорили.

– Значит, вопрос с шофёром у нас решён. Будем на джипе с невестой вояж совершать! – принимает моё предложение молодой коллега.